

Владимир Мегре

Анастасия

Книга 3

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ

ОЧЕРЕДНОЙ ПАЛОМНИК

Вот она! Снова передо мной большая сибирская река Обь. Добрался до этого северного посёлка, на котором заканчивалось регулярное транспортное сообщение, и стою на берегу. Для дальнейшего продвижения к месту, от которого пешком через тайгу можно дойти до полянки Анастасии, необходимо было нанять лодку или катер. У одной из множества стоящих у берега лодок разбирали рыболовные снасти трое мужчин. Я поздоровался с ними и сказал, что готов хорошо заплатить тому, кто доставит меня к указанному месту.

— Егорыч занимается у нас этим делом. Полмиллиона берёт за доставку, — ответил один из мужиков.

Меня сразу тревожно насторожила информация о том, что кто-то здесь целенаправленно занимается транспортировкой людей к забытой среди тайги маленькой сибирской деревеньке. Всего двадцать пять километров от неё до поляны Анастасии. Да ещё заламывают такую большую сумму. Значит, теперь есть желающие. Спрос рождает предложения и цену. Торг на севере малоуместен, и я спросил:

— Как мне найти этого Егорыча?

— В посёлке где-нибудь. Скорей всего, у магазина. Вон, у его катера пацанята шалят, и внук Егорыча, Васятка, с ними. Он сбегает, его и попроси.

Васятка, смыслённый пацанёнок лет двенадцати, едва я только поздоровался, вдруг выпалил скороговоркой:

— Вам ехать надо? К Анастасии? Сейчас я! Мигом деда позову!

Васятка, не дожидаясь ответа, вприпрыжку побежал в посёлок. Мне ясно стало: ответ ему не нужен. Видно, все незнакомцы здешних мест, по мнению Васятки, имеют цель одну.

Я, расположившись на берегу реки, стал ждать. От нечего делать смотрел на воду и размышлял.

Здесь километр от берега до берега, наверно, ширина. Среди тайги, что край не виден даже с самолёта, степенно сквозь века течёт вода, что унесла она из прошлого, и следа не оставив? Что - помнит до сих пор вода обская? Быть может, помнит, как Ермак, Сибири покоритель, прижатый к берегу Оби врагами, один с мечом в руках атаку отражал, а в воду из смертельной раны кровь его сочилась, потом вода куда-то обессилевшее тело унесла... Что покорил Ермак? Быть может, действия его на современные похожи, рэкетирские дела? Сравнить, наверно, сегодня может лишь река.

Быть может, значимее для реки набегі войска Чингисхана? Орда его в древности великою считалась. В Новосибирской области районный центр есть, называется Ордынское, а в нём село, и называется оно Чингиз. Быть может, помнит та вода, как отступали орды Чингисхана с награбленным добром, как они связали молодую сибирячку, и визирь могущественный умолял её и страстными речами, и влюблёнными глазами без сопротивления, по желанью своему, поехать с ним. Молчала сибирячка, опустив глаза. Все воины, визирю подчинённые, уже сбежали, а он всё говорил ей что-то, всё любви просил. Потом на круп коня её и кошель с золотом забросил, в седло вскочил и к берегу Оби, спасаясь от погони, устремился на верном скакуне своём визирь. Погоня настигала. Визирь им золото бросал, когда пустым кошель остался, визирь с себя срывал награды дорогие за покоренье разных стран и на траву, под ноги гнавшимся за ним бросал, но сибирячку от себя не отпускал. Весь в мыле конь его к челнам на берегу Оби принёс. Визирь девицу связанную крепко снял бережно с коня и в лодку посадил. Потом запрыгнул сам. Но, пока от берега шестом толкал он лодку, стрела погони подоспевшей его пронзила.

Течение лодку уносило. Визирь, стрелой пронзённый, на корме лежал, он даже не смотрел на то, как с воинами три челна гребных всё ближе подплывали. Он на девицу ласково смотрел, сидящую спокойно, молчаливо, и сам молчал, сил не было что-либо говорить. И сибирячка на него смотрела, потом взглянула на догонявших, чуть улыбнулась им или ещё чему-то, разорвала верёвки с рук своих и в воду бросила верёвки. Взялась за вёсла сибирячка молодая... И не сумели лодку с сибирячкой, в которой раненый визирь лежал, догнать военные челны.

В какое место, времена какие их унесло течение воды? И что сейчас, в мгновение это, в памяти своей о нас уносит помутневшая вода речная?

Быть может, главным ты, река, считаешь города большие? Сейчас стоит на берегах Оби, ближе к истокам, Новосибирск — огромный город. Его размеры и величие ощущаешь ты, река? Конечно, здесь ясно мне, чего сказать ты можешь, — мол, стоков грязных много от него и воду из реки, что ранее живительной была, теперь уж пить нельзя. А что нам делать, куда грязь от заводов своих сливать? Ведь мы же развиваемся, не то что наши предки. Учёных много сейчас у нас, много городков научных с учёными вокруг Новосибирска есть. И если всякое от них в тебя сливать не будем, то - задохнёмся сами, и так вон в городе от смрада трудно стало нам дышать, а в некоторых районах и вообще воняет непонятно чем. Ты это всё, река, понять попробуй. Знаешь ведь, какая техника сейчас у нас, и по твоей воде теперь уж не челны бесшумные, а дизель-теплоходы ходят. И мой ходил по твоим водам теплоход.

Вот интересно, помнит ли река меня? Как я на теплоходе шёл, самом большом из пассажирских теплоходов в нашем пароходстве. Не новым был, конечно, теплоход, все дизеля, винты его на ходу полном так грохотали, что в баре слушать музыку мешали.

Что самым значимым считает и в памяти своей хранит река? Раньше смотрел на её берега с высокой палубы своего теплохода, из окон кормового бара, под звуки песен и романсов Малюгина:

*Хотел в город я въехать на белом коне,
Да хозяйка корчмы улыбнулась мне,
На мосту, видно, мельник взгляд бросил косой,
И остался я на ночь с хозяйкою той.*

Казались тогда мелкими и малозначимыми возящиеся на берегах люди. Теперь и сам среди них оказался.

Ещё я думал о том, как суметь убедить Анастасию не препятствовать мне в контактах с сыном. Странная вообще складывалась ситуация. Всю жизнь я мечтал о сыне. Представлял, как буду с ним, - маленьким, играть. Потом воспитывать. Когда сын вырастет, станет мне хорошим помощником. Вместе бизнесом будем заниматься. Сын у меня теперь есть. И хоть не рядом он со мной, всё равно приятно осознавать, что есть на земле самое близкое, родное и такое желанное тобой существо. Перед отъездом с огромным удовольствием я покупал для своего малыша всякие необходимые детские вещи. Покупать-то покупал, а вот удастся ли вручить — ещё вопрос. Если бы родился мой сын от нормальной женщины, деревенской или городской, не важно, всё было бы просто и ясно. Любой женщине было бы приятно, что отец о ребёнке беспокоится, старается обеспечить его всем необходимым, принять участие в воспитании. Если не делать этого добровольно, многие женщины на алименты подают. Но Анастасия — таёжная отшельница, и у неё свои взгляды на жизнь, своё понимание ценностей. Она ещё до рождения сына заявила мне: “Никакие материальные блага в твоём понимании ему не нужны. Он будет иметь всё изначально. В тебе возникает желание принести младенцу какую-нибудь бессмысленную побрякушку, но она ему не нужна совершенно. Она нужна тебе для самодовольствия: “Какой я хороший, заботливый”.

Надо же такое сказать: “Никакие материальные блага ему не нужны”. А что же тогда может дать родитель новорождённому? Особенно отец? Воспитывать грудного ребёнка по-отцовски ещё рано. Как тогда выразить своё отношение к нему? Свою заботу как тогда выразить? Мать грудью кормит, ей легче, она уже при деле, а отцу что делать? В цивилизованных условиях быта можно помогать по хозяйству, по дому, заниматься материальным обеспечением семьи. Но Анастасии всего этого не нужно. Ничего нет у неё, кроме полянки таёжной. Её хозяйство как бы само себя обеспечивает и её полностью обслуживает, а значит, и малыша тоже станет обслуживать, как увидит, что он от неё. Вот интересно, за какие деньги приобрести себе такое можно? Купить земли гектаров пять или в аренду долгосрочную приобрести сейчас не так уж сложно, но как и за какие деньги купить любовь и преданность волчицы, медведицы, букашек и орла? Пусть самой Анастасии ничего не нужно из достижений нашей цивилизации, а ребёнок почему должен страдать от такого мировоззрения матери? Даже игрушек нормальных лишён ребёнок. Она и тут по-своему всё видит. “Не нужны ребёнку бессмысленные побрякушки, вредят они ему, от Истины уведят...” — говорит она.

Похоже, в её высказываниях есть приличный перегиб или суеверие сплошное. Не зря же человечество для детей столько много разных игрушек наизобретало? Но, чтоб не спорить с Анастасией, я погремушек покупать не стал, а купил детский конструктор с надписью на коробке: “Игра для развития интеллекта у детей”. И одноразовых подгузников, которыми весь мир пользуется, накупил. И питания детского тоже накупил. Оно меня просто восхитило удобством приготовления. Открываешь коробку, в ней герметично запечатанный пакет из водонепроницаемой фольги. Ножницами надрезаешь пакет, засыпаешь содержащийся в нём порошок в теплую воду, размешиваешь, и всё готово. Порошок разный бывает: из гречки, из риса, из злаковых культур.

Ещё на коробке написано, что в нём содержатся разные витаминные добавки. Помню, раньше, когда ещё моя дочь Полинка совсем маленькой была, за питанием каждый день в домовую кухню ходить приходилось, а тут накупил коробок и корми своего ребёнка без проблем. Даже варить необязательно. Разбавил в воде, и всё. Я знал, что Анастасия воду себе не кипятит, и поэтому, прежде чем покупать много, купил одну коробку. Попробовал разбавить содержащийся в коробке порошок водой комнатной температуры — он растворился. Я попробовал на вкус — нормальный вкус, только пресный, потому что без соли, но для детей, наверное, и нужно без соли. Я решил, что никаких своих аргументов против этого порошка Анастасия найти не сможет. Абсурдно отказываться от такого удобства. Да и мир наш технократический заужать ей придётся. Не только оружие он производит, но и о детях думает. Но больше всего из сказанного Анастасией меня беспокоило, и прежде всего своей непонятностью, следующее: Анастасия говорила, что для того, чтобы я мог общаться с сыном, мне необходимо достичь определённой чистоты помыслов, внутренне очиститься. Не понятно только, что конкретно я должен чистить у себя внутри.

Понятнее стало, если бы она сказала, что надо побриться, не курить, когда к ребёнку подходишь, одежду почистить. Но она — про осознанность, про внутреннее очищение. А где же эта щетка продаётся, с помощью которой внутри что-то там очистить можно? Да и что уж такого слишком грязного во мне? Пусть не лучше я других, но и не хуже. Да если каждая женщина подобные требования начнёт к мужчинам предъявлять, это же сплошное чистилище нужно будет устраивать для человечества. Незаконно это. Вот я и вёз Анастасии выписку из Гражданского кодекса, где сказано, что один родитель не имеет права безосновательно лишать другого видиться со своим ребёнком, даже если разведены родители. Конечно, законы наши для Анастасии мало что значат, но всё же это тоже аргумент немаловажный. Законам ведь большинство людей следует. С Анастасией тоже можно было бы поговорить более жёстко. Права на ребёнка у нас с ней должны быть равными. Раньше у меня и была мысль поговорить с ней пожестче. Но теперь засомневался в своём первоначальном решении и вот почему. В моём рюкзаке, помимо всего прочего, были письма читателей. Не все я их взял с собой, потому что писем очень много приходит. Они и в рюкзак все не вместились бы. Во многих письмах читатели с пониманием относятся к Анастасии. Называют её мессией, таёжной феей, Богиней, стихи и песни посвящают. А некоторые с ней как с другом самым близким говорят. Этот поток писем заставлял и меня тратить усилия на осмысливание действий своих и высказываний.

Сидеть на берегу у катера Егорыча мне пришлось часа три. Близился вечер, когда я увидел двух приближающихся ко мне мужчин и внука Егорыча с ними. Первый, пожилой, выглядел лет на шестьдесят, в брезентовом плаще и резиновых сапогах, с покрасневшимся лицом, явно подвыпивший, потому что шёл, слегка покачиваясь. Второй, моложе, лет тридцати, крепкого телосложения. Когда они подошли поближе, я увидел: в тёмно-русые волосы молодого сибиряка вплетались седые пряди. Мужчина, который постарше был, приблизившись ко мне, сразу сказал:

— Здорово, путник! К Анастасии собрался? Довезём. Пятьсот тысяч за провоз готовь и две бутылки в придачу.

Мне уже было понятно — я не единственный, кто пытается добраться к Анастасии, потому и плата так высока. Для них я очередной паломник в места проживания Анастасии. Но всё же спросил:

— Почему вы решили, будто бы к какой-то Анастасии мне надо, а не просто в деревню?

— В деревню так в деревню, всё равно пятьсот приготовь. Если нет пятьсот, так и в деревню не повезём.

Егорыч говорил со мной не очень-то дружелюбно.

“Такую большую сумму берут за перевозку, а разговаривают недружелюбно, — подумал я, — с чего бы это?”

Выбора тем не менее не было, и мне пришлось согласиться. Но Егорыч вместо того, чтобы обрадоваться деньгам и, главное, двум бутылкам водки, за которыми он послал своего младшего напарника, ещё более неприязненно отнёсся ко мне. Сел рядом на камень и бормочет сам себе:

— В деревню... Какую деревню? Шесть домов едва живых — вся деревня. Да никому не нужна эта деревня.

— И часто вам приходится возить гостей к Анастасии? Хороший бизнес получается на перевозке? — спросил я Егорыча, чтобы затеять разговор и смягчить его неприязнь. Но Егорыч ответил с раздражением:

— А кто их звал в гости? Прутся придурками непрошеными. Ничего их не останавливает. Она их приглашала? Приглашала? Не приглашала она! Одному рассказала про жизнь. Книжку он написал. Ладно. Пиши. А зачем выдавать место? Мы ж не выдавали. А он один раз встретился — и про жизнь написал её, и место выдал. Даже бабы поняли: не будет ей покоя, если выдавать.

— Вы книжку, значит, читали об Анастасии?

— Книжек я не читаю. Сашка, напарник мой, книжками зачитывается. А тебя мы не сразу в деревню доставим. Далеко. Движок у катера слабоват стал. Дойдём до избушки рыбацкой — там переночуем. Утром Сашка дальше тебя доставит, пока я рыбачить буду.

— Пусть так, — согласился я и подумал: “Хорошо, что не знает Егорыч, что я и есть автор книжки про Анастасию”.

Сашка, напарник Егорыча, принёс водку. Потом они уложили в лодку рыболовные снасти, и тут внук Егорыча, Васятка, чуть было не сорвал поездку. Он стал просить у Егорыча денег на новый радиоприёмник.

— Я уже шест под антенну притащил, придумал, как его поставить, — говорил Васятка, — и провод для антенны у меня есть. Антенну в приёмник когда включишь, много разных станций ловиться будет.

ДЕНЬГИ НА ДУРЬ?

Видишь, какой внук у меня толковый, — с теплотой в голосе похвастался Егорыч. — Любопытный, мастеровой. Молодец, Васятка. Надо дать ему денег.

Намёк был ясен, и я стал деньги доставать, а Васятка, подбодрённый похвалой, продолжал:

— Мне про космонавтов надо всё-всё слушать. Про наших космонавтов и про американских. Когда вырасту, сам космонавтом стану.

— Чего? Чего ты сказал? — вдруг насторожился Егорыч.

— Как подрасту, космонавтом стану.

— Вот на такую дурату несусветную ты, Васятка, никаких денег у меня не получишь.

— Не дурата это совсем — космонавтом быть. Космонавтов все любят. Они — герои, их по телевизору показывают. Они на космических кораблях огромных вокруг Земли всё время летают. С разными учёными прямо из космоса разговаривают.

— А толк какой от их базара? Они там летают, а в Оби рыбы всё меньше становится.

— Космонавты про погоду всем людям рассказывают. Они заранее знают, какая погода на всей Земле завтра будет, — продолжал отстаивать науку Васятка.

— Эка невидаль. Да ты к бабке Марфе подойди, спроси бабку Марфу, она тебе про завтрашнюю, послезавтрашнюю и на следующий год всё про погоду расскажет. И денег не возьмёт, а твои космонавты? Петькины деньги проматывают твои космонавты. Твоего отца деньги.

— Космонавтам много денег государство даёт.

— А оно, государство твоё, где деньги берёт? Ядрёно налево, где берёт государство? У Петьки, твоего отца, и берёт государство деньги. Я рыбу ловил, Петька в городе её продавал, бизнесменом ему интеллигентным захотелось стать, а ему государство говорит: “Плати налоги, отдавай нам все деньги, у нас, мол, расходов много”. И в Думе базарят и базарят, хуже баб у криницы. Напридумывали всего, наизобретали, умниками себя считают. Удобства разные у них там есть, в туалетники свои чистенькие ходят, интеллигентные, а в реке всё грязнее вода становится. Не получишь ты, Васятка, денег, пока дурь твоя из головы не выветрится. И не буду я больше никуда ездить, не буду деньги на дурь зарабатывать.

Наверное, спьяну Егорыч так распалился, что чуть не отказался от поездки. Потом, как водки из принесённой Сашкой бутылки выпил прямо из горлышка, закурил, слегка успокоился, и мы полезли в катер. Васятке денег он так и не дал, да ещё и ворчал себе под нос что-то о дури всю дорогу.

Старый мотор катера тархтел сильно. Разговаривать было трудно. В молчании добрались мы до охотничьей старенькой избушки всего с одним маленьким окном. На небе ночном стали появлять-

ся первые звезды. Егорыч, допивший в катере начатую на берегу бутылку водки, пробормотал своему Сашке:

— Спать я п-пошёл. Вы тут у костра или на полу в избушке устраивайтесь. Рассветёт, доставь его до нашего места.

Егорыч уже согнулся, чтобы войти в крохотную дверь избушки, но снова повернулся и повторил строго:

— До нашего! П-понял, Сашка?

— Понял, — спокойно ответил Сашка.

Когда мы сидели у костра и ели запечённую на углях рыбу, я задал Сашке вопрос о насторожившей меня фразе Егорыча:

— Александр, ты можешь сказать, что это за “ваше место”, куда Егорыч тебе наказывал доставить меня?

— Наше место... оно находится на противоположном берегу деревни, от которой можно дойти до полянки Анастасии, — ответил мне спокойно Александр.

— Вот это да! Берёте такие большие деньги, а доставляете, значит, не туда, куда нужно?

— Да, мы так делаем. Это всё, что мы можем сделать для Анастасии, чтобы вину свою перед ней искупить.

— Какую вину? И зачем ты мне признался? Как теперь будешь высаживать в “вашем месте”?

— Я причаю катер там, где ты укажешь. Что касается денег, то свою долю я тебе верну.

— Это почему же мне такие льготы?

— Я узнал тебя. Я сразу узнал тебя, Владимир Мегре. Я читал твою книжку и видел твоё фото на обложке. Доставлю тебя, куда укажешь. Только сказать должен... Ты отнесись спокойно к сказанному. Рассудительно. Не следует тебе идти в тайгу. Не дойдёшь... Ушла Анастасия. Думаю, в глубь тайги ушла. Или ещё куда-то, в неведомое нам. Теперь не дойти. Погибнешь сам. Или охотники пристрелят тебя. Охотники не терпят чужаков на своих угодьях. С чужаками они на расстоянии разбираются, чтоб не подвергать себя излишней опасности.

Внешне Александр говорил почти спокойно, и только вздрогнула неловко палка, которой помешивал он в костре, и тревожно взлетели фейерверком искры в ночь.

— Здесь что-то случилось? Что? Ты узнал меня, так говори: что произошло? Почему ушла Анастасия?

— Мне и самому хочется рассказать, — сдавленным голосом ответил Александр, — кому-нибудь рассказать, кто понять сможет. Не знаю, с чего начать, чтоб понятно было, чтоб самому понять...

— Говори просто, как есть.

— Просто? Правильно, всё совсем просто. Только потрясает эта простота. Ты выслушай спокойно, если сможешь — не перебивай.

— А я и не перебиваю. Ты по существу давай. Не тяни.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Александр начал говорить по-сибирски спокойно, и всё же чувствовалось внутреннее волнение в душе седеющего молодого сибиряка.

— Когда читал твою книжку “Анастасия”, я был аспирантом в Московском университете. Увлекался философией и психологией. Изучал религии Востока. С увлечением изучал. И вдруг Анастасия... Не за тридевять земель, а рядом с домом моим, в Сибири, где и родился я. И большую силу, логику и смысл почувствовал в её словах! Родное что-то почувствовал, значимое! Перед этим необычным ощущением, родившемся во мне, померкли ученья заморские. Бросил я всё и рванулсЯ домой, как к свету из тьмы рванулсЯ. Увидеть захотел Анастасию. Поговорить с ней. Домой вернулся и стал с Егорычем на катере ходить к месту на берегу, тобой в книге описанному. Вычислили мы его с Егорычем. Время от времени и другие стали пытаться встретиться с Анастасией. Выспрашивали об этом месте. Но мы никого не привозили к нему. У местных жителей хватило ума сообразить и не поощрять паломников. Но однажды мы, я, вернее, я один, без Егорыча, привёз на это место целую группу.

— Зачем ты это сделал?

— Тогда мне казалось, что поступаю правильно, для блага. Их было шесть человек. Двое крупных учёных, и, по всему видно, с большими возможностями они были. Или те, кто стоял за ними и послал их, имели большие возможности. Остальные четверо — охрана. Вооружены эти охранники

были пистолетами. Но и другое оружие в их арсенале имелось. И рации были у них. Меня пригласили в качестве проводника. Я согласился. Не из-за денег. Сначала долго говорил с ними. Они не скрывали, что цель их экспедиции — встреча с Анастасией. Их руководитель, седой благообразный человек, Борис Моисеевич, понимал, что Анастасия одна может сделать для науки больше многих научных институтов.

Они собирались вывезти её из тайги, создать ей условия для жизни в заповеднике. Обеспечить охрану. Борис Моисеевич говорил:

— Если этого не сделаем мы, сделает кто-нибудь другой. Да и всякое может случиться. Анастасия — необычное явление, мы обязаны беречь и изучать его.

Помощник Бориса Моисеевича, Станислав, интеллигентный молодой человек, вообще, хоть и заочно, был влюблён в Анастасию. Я согласился с их доводами. Они наняли небольшой теплоход у кооперативщиков. На машине доставили на теплоход бочки с авиационным топливом.

Когда мы прибыли на место, они на возвышенном берегу поставили палатки и вызвали по рации вертолёт.

Вертолёт был оборудован аппаратурой для аэрофотосъёмки, видеокамерой, и ещё какое-то необычное оборудование на нём было. Вертолёт каждый день летал низко над тайгой и квадрат за квадратом производил съёмки.

Двое учёных каждый день просматривали отснятый материал. Иногда и сами вылетали на вертолёте к заинтересовавшему их месту. Они искали поляну Анастасии, на которой и планировалось высадиться. Я представил, с каким грохотом будет садиться на полянку Анастасии вертолёт, распугивая всё живое. Вспомнил о маленьком ребёнке Анастасии и подумал, что ревущий вертолёт может напугать и его. Я стал предлагать учёным, чтобы они после определения местонахождения поляны не сажали на неё вертолёт. Я предлагал учёным после обнаружения поляны с вертолёта сделать карту и пойти к поляне пешком. Но Станислав пояснил, что Борису Моисеевичу будет трудно проделать такой длинный путь по тайге. Станислав тоже разделял мои опасения, касающиеся нарушения покоя обитателей тайги, но уверял, что Борис Моисеевич сможет постепенно успокоить и Анастасию, и малыша. На четвёртый день всё и случилось.

— Что случилось?

— Когда вертолёт улетел делать очередную видеофотосъёмку, а мы занимались кто чем, один из охранников увидел приближающуюся к нашему лагерю со стороны тайги одинокую женскую фигуру. Он сообщил об этом Борису Моисеевичу. Вскоре весь лагерь смотрел на приближающуюся женщину. Она была в лёгкой кофточке, длинной юбке, на голове платок повязан так, что закрывал и лоб, и шею. Мы стояли группой. Впереди всех Борис Моисеевич и Станислав. Женщина подошла к нам. На её лице не было ни страха, ни смущения. Глаза... Её необыкновенные глаза с добром, ласково смотрели на людей. И теплее от этого взгляда становилось. Казалось, что она смотрит не на всех сразу, а на каждого в отдельности. Какое-то непонятное волнение охватило всех нас. Словно обо всём позабыв, каждый упивался, нежился в тепле, излучаемом из необыкновенных глаз. А ей самой никто даже просто присесть не предложил с дороги...

И заговорила она первой. Спокойным и необыкновенно добрым голосом произнесла:

— Добрый вам день, люди.

А мы стоим и молчим. Борис Моисеевич первым с ней заговорил.

— Здравствуйте, — ответил он за всех. — Представьтесь, пожалуйста, кто вы?

— Меня зовут Анастасия. Я к вам пришла с просьбой. Отзовите, пожалуйста, свой вертолёт. Он неблагоприятен для этих мест. Вы ищите меня. Вот я. Я отвечу на ваши вопросы, на которые смогу ответить.

— Да, конечно, мы вас искали. Спасибо, что пришли сами. Столько проблем отпало, — заговорил Борис Моисеевич. И он не предложил ей сесть, хотя у палатки стоял стол и раскладные кресла, не отозвал Анастасию в сторону от нас. Наверное, от неожиданного появления он тоже растерялся. Он сразу стал говорить о цели нашего приезда: — Да, очень хорошо... Вы сами и пришли к нам, а мы, собственно, за вами прибыли. Вы не беспокойтесь, вертолёт сейчас отзовём.

Борис Моисеевич дал распоряжение старшему из охраны, чтобы он связался по рации с командиром вертолёта и вернул вертолёт в лагерь. Его распоряжение немедленно было принято к исполнению. Потом он повернулся к Анастасии и уже более спокойно и уверенно заговорил с ней:

— Анастасия, сейчас прилетит вертолёт. Вы сядете в него вместе с нашими сотрудниками. Вы покажете нашим сотрудникам поляну, на которой проживаете со своим сыном. Вертолёт приземлится там, где вы укажете, и вы заберёте своего сына. Мы доставим вас вместе с ним в подмосковный заповедник. В заповеднике всё будет обустроено так, как вы скажете. Так надо. Там вас никто не побес-

покоит. Этот заповедник находится под постоянной охраной. После вашего поселения в нём будет усилена охрана. Лишь иногда, в удобное для вас время, с вами будут общаться учёные. Это будут достаточно подготовленные люди. Вам будет интересно с ними общаться. И им будут интересны ваши трактовки некоторых природных и социальных явлений, ваша философия. У вас, если пожелаете, будет достойнейший помощник. Это человек, который будет постоянно находиться рядом с вами, он сможет понимать вас с полуслова. Он, несмотря на молодость, уже крупный, талантливый учёный. К тому же он влюблён заочно в вас. И вы, как я думаю, достойны друг друга, могли бы стать хорошей, счастливой парой. Он достоин вас не только своей учёностью, но и образом жизни. Он здесь. — Борис Моисеевич повернулся в сторону Станислава, показал на него рукой, подозвал: — Подойди, Станислав, что же ты? Представься.

Станислав подошёл, встал напротив Анастасии и, немного смущаясь, заговорил:

— Прямо посватал меня Борис Моисеевич. Для вас, Анастасия, это может показаться неожиданным, но я действительно готов сделать вам предложение. Я готов усыновить вашего сына и относиться к нему как к своему ребёнку. Вам я готов помочь в разрешении многих проблем, прошу вас мной располагать как другом.

Станислав элегантно склонил перед Анастасией голову, взял её руку и поцеловал. Он был элегантен и красив собой. И если бы Анастасию переодеть в другую одежду... Они действительно могли бы выглядеть красивой и достойной парой.

Анастасия ответила Станиславу ласково и серьёзно:

— Спасибо вам за доброе отношение ко мне... Спасибо вам за беспокойство обо мне, — и добавила: — Если вы действительно ощущаете себя достаточно сильным, чтобы направлять свою любовь, делать жизнь другого человека более счастливой и наполненной, тогда вспомните, может быть, среди окружающих вас людей, знакомых женщин есть неудовлетворённая жизнью, в чём-то несчастная женщина. Обратите на неё внимание, полюбите, сделайте её счастливой.

— Но я хочу любить вас, Анастасия.

— Я счастлива другим. Не тратьте на меня своих усилий. Есть женщины, которым вы нужней.

Борис Моисеевич решил помочь замолчавшему Станиславу:

— Тот другой, с кем вам, Анастасия, довелось встречаться? Вы, конечно, Владимира имеете в виду, он далеко не самый лучший экземпляр нашего общества.

— Подобные оценки из ваших уст не изменят чувств моих. Я чувствами не в силах управлять.

— Но почему вы всё же встретились именно с Владимиром? Человеком, далёким от духовности, науки, да и просто нормального образа жизни. Он же просто обычный предприниматель. Почему вы полюбили именно его?..

— В какой-то момент я вдруг стал понимать, — продолжил Александр, — Борис Моисеевич, Станислав и вся прибывшая с ними группа имеют чётко поставленную цель — забрать, захватить Анастасию любым способом и использовать её только в каких-то собственных интересах, использовать вопреки её воле. И не важно, чья это идея, их собственная или приказ кого-то, стоящего выше, они будут стараться осуществить задуманное. И никакие, даже самые веские доводы их не остановят. Может быть, и Анастасия это понимала. Несомненно, она не могла не знать, не чувствовать их намерений. И тем не менее она до конца относилась к стоящим перед ней мужчинам как к добрым, близким ей людям. Она искренне и откровенно говорила с нами о самом сокровенном, и это её отношение, искренность сдерживали, или, вернее, оттягивали, насилие. Она так весомо парировала попытки Бориса Моисеевича и Станислава охладить её отношение к тебе, что сделала бессмысленными их рассуждения на эту тему.

Говорят, влюблённая женщина видит в том, кого любит, только хорошее, что бы он ни делал, кем бы ни являлся на самом деле. Но её аргументы были иного рода. Когда прошло первое волнение после появления Анастасии, я смог тихонько включить диктофон. Потом я часто прослушивал и анализировал сказанное Анастасией. Я помню всё... И это “всё” переворачивает сознание.

— Что переворачивает сознание? — Мне было интересно знать, как Анастасия отзывается обо мне. И Александр продолжил:

— После вопроса Бориса Моисеевича: “Почему вы полюбили именно его?” — Анастасия ответила сначала просто:

— Такой вопрос бессмысленно задавать мне. Никто из влюблённых не сможет объяснить, почему он любит именно того, кого любит. Для каждой влюблённой женщины самым лучшим и значимым в мире будет только один, только её избранник. И мой любимый для меня — самый лучший.

— И всё же вы, Анастасия, не можете отрицать абсурдность вашего выбора. Пусть случайно произошедшую, но всё же абсурдность. Ваша воля, способности, аналитичность ума должны охладить

дить первоначальный порыв, объяснить вам всю несостоятельность этого человека относительно других. Поразмыслите над этим.

— Размышления как раз и говорят об обратном. В данном случае на них бесполезно тратить время. Они лишь увеличивают загадочную необходимость произошедшего. Принять нужно всё как есть.

— Принять абсурдность? Парадокс?

— Это только на первый взгляд всё так выглядит. Вы проделали длинный путь из Москвы. С трудностями добрались до этого места на берегу. Задаёте вопрос о моей любви. Но не подозреваете, что это и есть парадокс, что большую ясность относительно этой любви являют собой события, произошедшие в Москве. И вам лучше бы поразмышлять над ними там. Не нужно было приезжать в такую даль.

— Что за события в Москве произошли?

— Они внешне просты. Но лишь внешне. Владимир, как вы говорите, простой и ничем не примечательный, порочный человек, бросив всё, приехал в Москву из Сибири сразу после встречи со мной. Он приехал, чтобы сдержать данное мне слово — организовать сообщество предпринимателей с более чистыми помыслами. У него уже не было денег, но он действовал.

В Москве по адресу: Токмаков переулок, четырнадцать, стоит двухэтажное здание. Там раньше работали люди, возглавлявшие первое объединение предпринимателей. Потом лидеры объединения ушли. Умирало объединение.

Владимир вошёл в это здание, и в его пустующих больших и малых кабинетах началось оживление. Там он писал разные письма, обращался к предпринимателям. Он работал с раннего утра и до позднего вечера в своём кабинете и оставался там спать. К нему приходили, нашлись люди, которые стали ему помогать, поверили и в него, и в то, что он делал. Я просила его об этом, когда он был в тайге на моей полянке. Я рассказывала Владимиру, как это важно.

Я выстроила и изложила ему план действий. Цели можно было достичь, выполняя план в последовательностях, построенных моей мечтой. Но сначала нужно было книгу написать. С её помощью многое пояснить и распространить информацию. Книга должна была найти, объединить предпринимателей с чистыми помыслами. Дать ему средства на осуществление этого плана.

Но Владимир делал всё так, как сам понимал и считал правильным. Он почти не вспоминал обо мне. Он понял значимость задуманного и жил им. Он шёл своим путём, нарушив последовательность.

Таким образом цели достичь было невозможно. Но он этого не знал и действовал с невероятным упорством, изобретательностью. Ему стали помогать другие люди, поверившие в идею. Медленно прорастали ростки нового объединения предпринимателей. Это было невероятным, но у него немножко получилось. Они собирались вместе. И это были предприниматели с более чистыми помыслами. Список их адресов существует, можете убедиться.

— Мы читали этот список. Он был опубликован в первом издании книги. Но я должен разочаровать вас, Анастасия. Разочаровать. В списке значились и такие предприятия, как, например, завод “Кристалл”, московский завод, выпускающий спиртные напитки. Его продукция несовместима с духовным понятием.

— Всё в мире относительно. И он, “Кристалл”, быть может, не самый худший относительно других. К тому же речь идёт о помыслах, способных всё менять. Материя сегодняшнего дня — плод помысла вчерашнего.

— Я могу согласиться с таким высказыванием. Однако ваш Владимир не смог организовать объединение предпринимателей с чистыми помыслами. Уверяю вас, Анастасия, вы сделали ставку не на того человека.

— Нарушив предначертанность событий, Владимир к цели и не мог прийти. У него не было элементарной возможности и средств распространить информацию даже за пределы Москвы. Сложившиеся неблагоприятные обстоятельства, он лишился кабинетов для продолжения своей работы, средств связи и ночлега. Он вышел из здания, что в Токмаковом переулке в Москве. Вышел с небольшой группой людей — москвичей, ему помогавших. Вышел без средств к существованию. Не в состоянии оплатить работу своих помощников, не имея никакого жилья и даже зимней одежды. Оставивший семью и оставленный семьёй. И знаете, о чём он говорил с небольшой группой москвичей, направившись к метро по улице морозной? Он обсуждал, как всё начать сначала. Он и в таком состоянии строил план, пытаясь что-то предпринять. Он — предприниматель. Они, москвичи, шли за ним, слушали его и верили ему. Они его любили.

— За что — позвольте вас спросить?

— Вот вы и спросите у них, этих москвичей, — за что, что они в нём нашли. Пойдите в здание, что в Токмаковом переулке, и спросите у охраны здания, почему они, сменяя друг друга на своих дежурствах, приносили в баночках и разных свёртках еду и каждый раз старались покормить его ужином. Старались сделать это так, чтоб не обидеть подношением своим. Они, эти мужчины-охранники, ему не подчинённые, варили дома разные супы, борщи и приносили их, чтобы он поел домашнего немножко. Они любили его. Почему?

Ещё поговорите, когда придёте в это здание, с красивой женщиной, что там работала секретарём, бывшей актрисой, она сыграла главную роль в фильме “Через тернии к звёздам”, сыграла добрую девушку-инопланетянку. Хорошо очень сыграла. В очень хорошем фильме, призывающем беречь и любить Землю. Спросите её, почему она, работая в другой фирме, находящейся в этом же здании, старалась незаметно и Владимиру помочь и помогала. Она не была его секретарём, но помогала ему. Почему она старалась принести моему любимому кофе или чай в обед? Она обставляла всё так, как будто это фирма её снабжает сахаром, печеньем, чаем. На самом деле она приносила всё это из дома своего. Она богатой не была. Она его любила. Почему?

А он, Владимир, силы всё равно терял и умирал. Физические силы в нём кончались. Но и в предсмертном состоянии пытался цели достичь. Да, он предприниматель. И Дух его силен.

— Анастасия, вы говорите аллегорией, что значат слова “все равно умирал”? Это в переносном смысле?

— Это в прямом смысле. Несколько дней, когда он был в Москве, его плоть была почти мёртвой. Обычно в таком состоянии люди лежат без движения. А он ходил и действовал.

— Возможно, благодаря вам, Анастасия?

— Все эти сорок два часа ужасных ни на одну секунду, ни на одно мгновение я не переставала обогреть его своим Лучом. Но этого было недостаточно. Мой Лучик не мог бы удержать жизнь в теле, где слабеет Дух. Но Дух Владимира боролся. В стремлениях своих дух смерть пришедшую не замечал. Он Лучику помог. Потом ещё на помощь моему Лучику другие появились. Совсем, совсем слабенькие и неосознанные, но они были. Это Лучики тех, кто окружал его в Москве и любил.

Почти мёртвая плоть стала заполняться жизнью. Перед искренней Любовью, если она достаточна, смерть отступает. В любви — бессмертье человека, в способности воспламенить к себе любовь.

— Мёртвая плоть не может ходить. Вы всё же говорите иносказательно, не научно.

— Наук людских критерии всегда имеют временной характер. Есть Истины не только для сегодняшнего дня.

— Но как тогда сегодняшним учёным убедить себя? Нам необходимы показания беспристрастных приборов.

— Хорошо. Курский вокзал. Там фотоавтомат стоит в метро. Владимир в один из этих дней сфотографировался там на маленькую цветную фотокарточку для пропуска. Эта фотография может ещё оставаться в зданиях по адресу: Ленинский проспект, сорок два. У Владимира тоже может быть она. Посмотрите внимательно, и вы увидите все признаки мёртвого тела, даже трупные потемнения, пятна на лице зафиксировал автомат. Но и жизнь увидите в глазах. Дух борьбы.

— И всё же только вы его могли спасти, Анастасия. Скажите, почему вы тратили именно для него столько своих усилий? Почему?

— Не только я одна причастна к спасению. Спросите у трёх московских студентов почему они сняли для него на свой деньги квартиру? Почему, когда он наконец-то понял и стал писать книгу, они, сдавая сессию, подрабатывая где придётся, по ночам написанный Владимиром текст набирали на компьютерах своих? Почему? Вы можете задать этот вопрос многим москвичам, что были рядом в трудные мгновения. Разгадка тайны в них, а не во мне. Почему Москва, её люди оберегали, помогали и верили ему?

Это она, Москва, тоже писала книгу. Я восхищена этим городом! И полюбила его! Никакие рычащие железные машины, безумные катаклизмы, выстраиваемые технократическим миром, никогда не смогут стереть в Душах живущих в этом городе людей восприятие добра и любви. Многие люди этого города стремятся к доброму, светлому — Любви. Сквозь рычащие механизмы и суету они чувствуют великую силу и Благодать её.

— Но, Анастасия, то, что вы говорите, действительно невероятно и потрясающе. Оно не могло происходить само по себе. Это ещё раз доказывает невероятность ваших способностей, небывалых возможностей Луча, которым вы владеете. Вы явно освещали им москвичей, контактирующих с Владимиром. Вы ведь не будете отрицать, что освещали? И все чудеса творили вы.

— Любовь творила чудеса. А Лучиком своим я действительно осторожно прикасалась ко всем, кто общался с Владимиром. Но я лишь чуточку усилила уже имеющиеся у них чувства добра, любви, стремленья к светлomu. Лишь усилила то, что было в них. И книжка была издана Москвой. Первый тираж был маленький, и книжечка была тоненькой. Но люди её покупали. Она расходилась быстро. Владимир не исказил произошедшие в тайге события, он честно изложил испытанные им ощущения. Для многих читающих я выглядела умной и хорошей, Владимир — глупым и недалёким.

Люди, находясь в своих домах, читали изложенное, не учитывая, что Владимир находился со мной один на один в глухой сибирской тайге. Для него всё было тогда слишком необычным. И неизвестно, кто другой мог бы без снаряжения пойти так далеко в тайгу. И как повёл бы себя, увидев то, что видел он. Владимир честно описал события. А для многих стал выглядеть глупым. Вот и вы вопрос задаёте: почему именно он? И почему я так люблю его?

Когда писалась книжка, Владимир уже многое по-другому осмысливал. Он очень быстро всё осмысливает. Те, кому довелось с ним разговаривать, не могли не замечать этого. Но Владимир не стремился приукрашивать себя, прежнего.

НОТЫ ВСЕЛЕННОЙ

Анастасия говорила о тебе с теплотой, — продолжил Александр. — Она всё знала о людях и событиях. Она говорила: “Первый, ещё небольшой, тираж книжки, написанной Владимиром, вышел в Москве — и сразу восхищённые отклики, стихи, картины, песни.

В книжке сохранились благодаря чистосердечности изложения отысканные мною во Вселенной сочетания и символы. Это они вызывали в людях необычные, благотворные, всё исцеляющие чувства”.

При этих словах Анастасии Борис Моисеевич засуетился, вдруг сел за столик у палатки. Я видел: он постарался незаметно включить диктофон. Наверное, в погоне за какой-то важной информацией он вообще перестал обращать внимание на окружающих. Он не предложил присесть Анастасии, думал только о том, как бы побыстрее и побольше получить информации от неё. Волнуясь, седой учёный задавал вопросы:

— ...Учёные в разных странах мира дорогостоящими специальными приборами пытаются улавливать необычные звуки Вселенной. Они существуют. Науке известно. Может быть, пока не все, только некоторые. Может быть, миллиардная часть. Каким же прибором их улавливаете вы, Анастасия? Каким прибором можно произвести отбор звуков, способных целенаправленно влиять на человеческую психику?

— Прибор такой имеется давно. Его название — Душа людская. Души настрой и чистота приемлют или отвергают звуки...

— Так, хорошо. Так. Допустим. Вам удалось. Удалось найти и отобрать из миллиардов лучшие звуки Вселенной, а потом ещё и сочетания их. Но звук, возможно воспроизвести лишь с помощью прибора, определённого музыкального инструмента. При чём здесь книга? Она ведь звучать не может.

— Да, книга не звучит. Она как нотный служит лист. Читающий внутри себя читаемые звуки невольно произносит. Так, спрятанные в тексте сочетанья в Душе звучат в неискажённом, первозданном виде. Они и Истину несут, и исцеленье. И вдохновеньем Душу наполняют. В Душе звучащее не в силах инструмент искусственный произвести.

— Каким же образом Владимир сохранил все ваши знаки, сам ничего о них не зная?

— Я речевые обороты Владимира познала. И ведомо заранее мне было: события, услышанного суть Владимир исказить не станет, даже себя представит таким, как есть. Но знаков сочетанья он перестал не все. Ему писать продолжить нужно было. Ведь изложил он лишь немного из того, что знал, осмысливал, когда писать он начал. Писать, продолжить нужно было. К нему уже и слава прикасалась. Небывалая слава, ещё небольшие усилия — и было бы организовано объединение предпринимателей. И вдруг Владимир сделал снова непредвиденный моей мечтою шаг. Он оставил уже оплаченную московскую квартиру окружавшим его москвичам, оставил им возможность принимать комплименты читателей, сел в поезд и уехал из Москвы.

— Зачем он это сделал?

— Ему всё время хотелось найти подтверждения сказанному мной. Подтверждение наукой, достоверностью существования разных вещей, о которых я говорила. Потрогать их. Потому он и решил не писать дальше. И уехал на Кавказ. Владимир уехал из Москвы, чтобы увидеть своими глазами

в горах Кавказа дольмены — древние сооружения, в которые уходили умирать живые люди десять тысяч лет назад. Я ему об этом рассказывала. Я рассказала и о том, какое важное функциональное назначение у этих дольменов для сегодня живущих.

Владимир приехал в город, который называется Геленджик. В музеях Краснодара, Новороссийска, Геленджика собрал материалы о дольменах. Потом он встречался с разными учёными, археологами, краеведами, которые занимались дольменами. У него оказалось информации о дольменах больше, чем в отдельно взятом музее. Конечно, я помочь ему старалась незаметно. Через уста людей к Владимиру пришедших я много новой информации в него вложила, чтоб сопоставить у него была возможность и сделать выводы свои. Но только он и сам действовал быстро и решительно. Когда он сопоставил всю собранную информацию с тем, что я ему говорила, когда археологи показали ему ближайший от дороги дольмен и он узнал, что были ещё, но их разрушили, потому что не придавали им должного значения местные жители. Они вообще их мало интересовали. Владимир сделал то, что показаться бы могло невероятным. За три месяца он изменил отношение местных жителей к дольменам. Они стали приходить к ним с цветами. По инициативе женщин-краеведов Геленджика было создано общественное объединение. Назвали его в мою честь — “Анастасия”. Это объединение открыло школу для экскурсоводов, чтобы рассказывать о дольменах приезжим, чтобы охранять дольмены, беречь их, а не разрушать. Ещё они стали готовить новые экскурсии, назвали их “Экскурсии в разум”.

В Геленджике экскурсоводы стали говорить о значимости Первоисточков и о творениях Создателя великих — о Природе.

— Анастасия, вы считаете, это всё благодаря ему? Вашей роли здесь нет?

— Если бы я так много могла сделать без него, то сделала бы раньше. Я очень хотела это сделать. В одном из дальних дольменов в этих горах умирала плоть моей прамамочки...

— Но как? Как возможно, чтобы один человек, ещё никому не известный, за такой короткий срок изменил отношения людей? И смог организовать действенное объединение? Вы говорите, что материалы научные, разные публикации были известны местным жителям, раз о них знали в музеях. Но они не волновали людей.

— Да, были известны и не волновали.

— Но почему именно его слушали? Как ему это удалось? Сознание людей невозможно так быстро поменять.

— Владимир этого не знал. Не знал, что быстро невозможно сознание менять, вот потому и действовал он, и менял. Вы поезжайте в этот город, спросите у разных людей, вошедших в это объединение. Узнайте, как и почему Владимиру удача улыбалась.

Я радовалась происходящему в этом городе. Объединение “Анастасия”... Он согласился с таким названием, когда его спросили. Я решила, что ради меня. Я думала, он начинает меня понимать и любить. И он действительно многое понял, но не полюбил меня. Не полюбил из-за того, что я ошибок много совершила и нагрешила.

Вскоре мне осознать пришлось... Понять, что наяву мечта моя вершится. И будут люди перенесены через отрезок времени из тёмных сил. И счастливы будут люди! Сбудется, о чём мечтала я, кроме ответной любви для себя. И это расплата за совершенные мною ошибки, моё несовершенство и недостаточную чистоту помыслов.

— Что произошло? С чего вы так решили? Впрочем, давно понятно всем, он груб и неотёсан. Поверьте мне, Анастасия, как старший по годам и как отец семейства вам скажу, что и ваши родители не одобрили бы подобный союз.

— Пожалуйста, не надо так говорить о том, кто дорог мне. Кому-то грубым кажется Владимир, но знаю я иное.

— Да что такого можно знать о нём? Известно всем, что из себя может представлять предприниматель, а он типичный предприниматель наших дней, это ясно всем. Анастасия, ваше отношение к Владимиру предвзято.

— Какое б ни было, оно моё. К тому же и о мнении родителей моих неверно вы предположили.

ДУХ ПРАМАМОЧКИ

Я поняла однажды утром... — тихо сказала Анастасия, и её взгляд словно углубился в прошлое. — В то утро Владимира не оказалось дома, в квартирке, которую он временно снимал. Я же не могла искать его своим Лучом. Начинался день, в который много веков назад умирала в дольмене моя прамамочка. В этот день я всегда вспоминаю её. Стараюсь с ней поговорить. И она говорит со мной.

Вы тоже ходите на кладбище в день памяти к своим родственникам, чтобы подумать о них, поговорить. Я это делаю, не уходя с полянки. Мой Лучик помогает говорить и видеть на расстоянии, и они чувствуют мой Лучик. В тот день я вспоминала свою прамамочку, пыталась с ней, как всегда, говорить, но не чувствовала её ответов. Совсем не чувствовала. Она не реагировала на меня. Такого никогда не случалось раньше. Тогда я Лучиком стала искать её дольмен. Нашла. Светила на него изо всех сил. Прамамочка не реагировала. Что-то произошло, неведомое мне. В дольмене Дух прамамочки моей не находился.

— Анастасия, поясните, пожалуйста, что такое Дух человека. Из чего он состоит?

— Из всего невидимого, что есть в человеке, включая и некоторые пристрастия, ощущения, приобретённые за время плотского существования.

— Дух обладает какой-нибудь аналогичной из известных энергий?

— Да. Это энергетический комплекс, состоящий из множества энергий. После прекращения плотского существования отдельного человеческого индивидуума некоторые из этих комплексов подлежат распаду на отдельные энергии, потом используемые в растительных, животных соединениях, необходимых природных явлениях.

— Какова сила? Энергетический потенциал у комплекса не разъединённых энергий?

— У каждого они разные. Самый слабенький, он даже гравитационную энергию не может преодолеть. Он потом всё равно распадётся.

— Гравитационную? Самый слабый... Его проявления хоть в чём-то можно увидеть? Осознать? Почувствовать?

— Конечно. Смерч, например.

— Смерч? Смерч, вырывающий с корнями деревья, переворачивающий... Тогда самый сильный какой энергией обладает?

— В самом сильном? Это же Он. Я не могу до конца осмыслить силу Его энергии.

— Тогда, скажем, средний какой-нибудь?

— В комплексе энергий многих средних Духов уже присутствует освобождённая мыслительная энергия.

— Какова энергетическая сила, потенциал такого среднего комплекса?

— Я же ответила вам: в нём присутствует освобождённая мыслительная энергия.

— Что это означает? С чем можно сравнить? Какое её определение?

— С чем? Определение? Ваш ум, ваша мысль, сознание самой мощной какую энергию себе могут представить?

— Энергию ядерного взрыва. Нет, процессов, происходящих на Солнце.

— Всё, что вы назвали, равно лишь маленькой частичке освобождённой мыслительной энергии. Что касается определения, то вы их сами придумываете и пользуетесь при словесном общении друг с другом. Здесь же ни одно из придуманных вами не подходит. Можете пользоваться тем, что знаете, умноженным на степень бесконечности.

— Сила энергии Духа вашей прамамы какова?

— В нём присутствует освобождённая мыслительная энергия.

— Откуда вы узнали о своей прамаме? Как и где она умерла? Если это произошло десять тысяч лет назад!

— Поколение моих прародителей передавали друг другу информацию о ней — прамамочке моей, ушедшей умирать в дольмен.

— Вам рассказала о ней ваша мать?

— Когда моя мамочка погибла, я была маленькой, неспособной осмысливать такую информацию. Дедушка и прадедушка мне всё поведали о мамочках моих.

— Дух можно увидеть обычным человеческим зрением?

— Частично да. Если изменить восприятие спектральности, цветовосприятия зрения, изменить внутренний ритм.

— Разве это возможно?

— Известное вам явление дальтонизма как раз и подсказывает, что это возможно. Вы считаете, что оно происходит только помимо воли человека, что это лишь болезнь, но это не так.

— Вы сказали, ваша прародительница, ваша мать, достойна, чтобы о ней передавали информацию из поколения в поколение на протяжении тысячелетий. В чём информации её достоинство, ценность?

— Прамамочка последнею была с Первоистоков, кто обладал способностью и знал, как и о чём нужно думать женщине при кормлении грудного младенца. Живших десять тысяч лет назад людей

знания, которые начинали утрачиваться в цивилизации. Эти знания почти полностью утрачены сегодня. Прамамочка моя ещё была совсем не старой, но умирать ушла в дольмен, чтоб сохранить все эти знания Первоистоков. И когда к людям начнёт возвращаться осмысленность... Возникать в них потребность... Передать эти знания женщинам, кормящим младенцев. А они потом друг другу помогут всё познать. Через смерть в дольмене прамамочка познала ещё большие Истины, необходимые женщинам.

— Почему именно в дольмен она ушла? Чем дольмен отличается от обычной каменной гробницы? И почему, не дожидаясь старости, она решила умереть в дольмене? Ею двигала осмысленность цели или суеверие?

— Уже тогда значения всё меньше стали придавать кормлению младенцев грудью материнской и женщинам по их желанию дольмены не предоставляли. Вождь старый уважал прамамочку мою и понимал, что, если просьбу он не выполнит её, вождь новый даже слушать не захочет прамамочку, все намерения её лишь блажью посчитает. Но не смог заставить старый вождь мужчин дольмен прамамочке моей построить. И тогда вождь старый свой дольмен отдал прамамочке моей. Мужчины не одобрили решение вождя и отказались поднять дольмена крышу, чтобы в него войти прамамочка могла. Всю ночь, собравшись, женщины старались сами поднять тяжёлую плиту из камня. Но не поддавалась многотонная плита, а на рассвете старый вождь пришёл, он не ходил уже и всё ж пришёл, на посох опираясь. Вождь старый улыбнулся женщинам, слова бодрящие сказал, и женщины плиту тяжёлую подняли, прамамочка в дольмен вошла...

— Чем отличается дольмен от обычной каменной гробницы?..

— Внешне мало чем. Но в дольмен, как вы называете каменную гробницу, уходили умирать живые люди. Дольмен не просто каменное культовое сооружение, как думают теперь. Это памятник мудрости и великому самопожертвованию Духа ради будущих поколений. Он и сегодня важен своим функциональным назначением. И смерть в таком дольмене была не совсем обычной. Слово “смерть” здесь вообще не очень-то подходит.

— Представляю. Живой человек, замурованный в каменной камере... Это действительно необычная по своей мучительности смерть.

— Уходящие в дольмен люди совсем не мучились. Необычность их смерти заключалась в том, что они медитировали. Медитировали в вечность, в Духе навсегда оставшись на Земле, сохранив некоторые чувства земные. Но лишена возможности навечно Душа ушедших умирать в дольмен в материальном воплотиться на земле.

— Как медитировали?

— Вам теперь известно, что такое медитация. Особенно по древневосточным религиям. И сейчас есть учения, помогающие познать малую часть явлений медитации, но, к сожалению, не её предназначение. И сейчас есть люди, которые могут медитировать: отделить от своего тела на некоторое время часть Духа, потом вернуть его. С помощью медитации в дольмене, ещё при жизни тела, Дух полностью отделялся и возвращался много раз, пока живую плоть была, потом навечно Дух в дольмене оставался. Один, Он вечно будет ждать пришедших, чтоб мудрость им Первоистоков передать. Плоть если и могла жить некоторое время, то была всё равно заточена. Но пока она жила, у Духа была возможность бывать в разных измерениях и возвращаться, это давало возможность анализировать с невероятной, по нашим представлениям, скоростью, как бы уточнять имеющуюся Истину. Умерший или ушедший в вечную медитацию через дольмен знал — его Душа, Дух уже никогда не смогут материализоваться. Никогда не смогут вселиться ни в какую земную плоть, материю. Никогда не смогут надолго и намного удалиться от дольмена, но будут обладать способностью общаться с частичкою Души подошедшего к дольмену во плоти живущего человека. И если говорить о мучениях смерти, о мучениях вообще, то в данном случае они заключаются в том, что тысячелетиями к тебе никто не подходит, чтобы взять эти знания. В отсутствии востребованности — великая трагичность их. Востребованности, ради которой...

— Анастасия, вы считаете очень важным женщине-матери, кормящей грудью младенца, иметь эти знания, способности?

— Очень важно.

— Но почему? Ведь молоко матери питает лишь плоть младенца.

— Не только плоть. Оно может нести с собой огромную информацию и чувственность. Ведь вы должны знать, что в каждом веществе есть и своя информация, излучение, вибрация...

— Да, есть. Но как может материнское молоко передавать чувственность?

— Может — оно очень чувствительное. Оно неразрывно связано с чувствами матери. В зависимости от них даже вкус молока меняется. А от стресса, если он постигнет кормящую мать, молоко грудное даже пропасть может, свернуться.

— Да, действительно может... Может... А к вашей прародительнице, значит, никто не приходит? Не приходит, получается, многие тысячелетия?

— Сначала приходили. В основном поколения родственников и жившие там люди. Потом на Земле катаклизмы происходить начали. Переселения. Дольмен остался. Но последние тысячелетия к дольмену моей прамамочки никто не подходит, чтобы узнать... Дольмены вообще сейчас разрушаются... Потому что люди не знают...

Когда я рассказывала в тайге Владимиру о дольменах, о прамамочке, он сказал, что, может быть, подойдет к её дольмену. Тогда ему я пояснила, что он не сможет понять, почувствовать Дух, Душу прамамочки и принять её информацию. Мужчине не известны чувства, ощущения кормящей женщины-матери. И не мужчин, а женщин ждёт моя прамамочка тысячелетиями. Но не приходят женщины к дольмену. И только я одна раз в год общаюсь с ней, прамамочкой своей. И в тот день хотела пообщаться, сказать ей что-нибудь хорошее. Но не смогла. Духа прамамочки рядом с дольменом не было. И я сама, не понимая почему, стала быстро водить Лучиком вокруг дольмена, всё увеличивая и увеличивая диаметр кругов. И вдруг... Увидела! Увидела! В небольшом ущелье, на камнях... На камнях лежит без сознания Владимир. И прамамочка моя, её Дух, сгустком энергий невидимых над Владимиром склонилась. Я поняла. Я знала ещё раньше, как искал проводников Владимир, чтобы пройти в горы к дальним от дороги дольменам. Но не нашёл проводников. Бесплатно с ним идти никто не соглашался. И тогда Владимир пошёл в горы один. Он сорвался с тропы в ущелье. Обувь его была простой. Не для ходьбы по горам. Он вообще не имел никакого снаряжения для гор. Он хотел убедиться в существовании дольменов, потрогать их. И пошёл в горы один. В день памяти он шёл к дольменам, удалённым от дорог. Прамамочка не знала, зачем идёт в горах этот совсем не приспособленный к хождению по горным тропам человек. И она смотрела на него. И когда он поскользнулся, сорвался и стал катиться вниз, она вдруг... Её Дух упругим сгустком воздуха метнулся вниз.

Прамамочка спасла Владимира. Он не ударился головой о камни, но потерял сознание от множества ушибов, когда катился вниз.

Прамамочка держала его голову упругим сгустком воздуха, словно в своих ладонях, и ждала, когда к нему сознание вернётся. Потому и не говорила она со мной.

Когда сознание к Владимиру вернулось, она не переместилась к своему дольмену. Она осталась внизу, в ущелье. Оставшись, смотрела, как Владимир карабкается вверх, к тропе.

Потом я поняла, что моя прамамочка оказалась на тропе, потому что камешки стали с тропы скатываться. Это она, сжавшись упругим ветерком, сбрасывала камешки с горной тропы. Она хотела помочь Владимиру по тропке вниз с горы спуститься. И я этого очень хотела. И стала быстро-быстро водить по тропке Лучиком своим, чтоб не была тропинка такой мокрой и скользкой, чтоб смог дойти Владимир до своей квартирки и раны залечить. А Владимир, поднявшись вверх с ущелья, сидел на тропе, рассматривая чертёжик, который начертил ему археолог Новороссийского музея. Потом он встал и, хромя, пошёл. Но не вниз, по сухой и уже без камешков тропе, а в обратную сторону — вверх. Я замерла от неожиданности, и прамамочка, думаю, не сразу поняла его намерений. И тут он вообще свернул с тропы и полез через колючие кусты... Я поняла: он лез к дольмену прамамочки. Он добрался до него. Сел на портал дольмена, у края каменной плиты. Стал расстёгивать свою куртку. Рука у него болела. Он долго расстёгивал свою куртку. Когда расстегнул, я увидела... под курткой были цветы. Три розочки. Стебельки у двух сломались. Розочки поломались, когда он скатывался в ущелье и ударялся о камни. Некоторые шипы были в крови. Он положил сломанные розочки на портал дольмена. Закурил. И сказал: “Жалко, что цветы переломались. Это тебе, красавица, цветы. Наверное, ты была красавицей, как Анастасия. Умной была, доброй. Хотела женщинам нашим про кормление детей грудных рассказывать. Только не знают они про тебя. И дольмен твой далековато от дороги стоит, трудно женщинам подойти к нему”.

Потом Владимир достал маленькую плоскую фляжку с коньяком и два маленьких металлических стаканчика, вытащил из кармана горсть помятых конфет. Владимир наполнил стаканчики коньяком. Из одного стаканчика коньяк выпил, а другой стаканчик на портал дольмена поставил, конфетку на него положил и сказал: “Это тебе, красавица”.

Владимир делал всё так, как современные люди на кладбище делают, когда к своим близким родственникам или друзьям приходят. А прамамочка... Её Дух сгустком невидимых энергий метался вокруг него. Она растерялась, не знала, как себя вести. И на слова Владимира ответить как-то всё пыталась и уплотняла воздух в форме своей плоти, но очертания её прозрачны и едва заметны были.

Владимир их не замечал. А она ему, не видящему и не слышащему, всё пояснить что-то своё пыталась и волновалась, и оттого металась. И сгусток воздуха слегка задел стаканчик. Стаканчик опрокинулся. Владимир подумал, что это ветерок случайный стаканчик опрокинул с коньяком, и пошутил, сказав:

— Что ж это ты, непутёвая, такой коньяк дорогой пролила?

И Дух прамамочки вдруг замер в уголке дольмена. Владимир налил ещё коньяк в её стаканчик, наверх камушек, потом конфетку снова положил. И снова, словно про себя, заговорил: “Надо хоть дорожку нормальную к твоему дольмену проложить. Ты подожди ещё немножко. Будет дорожка к твоему дольмену. А по дорожке к тебе женщины придут. Ты им расскажешь, о чём нужно думать, когда ребёнка маленького кормят материнской грудью. А у тебя, наверное, была очень красивая грудь...”

Потом Владимир стал с горы спускаться. Поздней ночью пришёл в свою квартирку. Он один сидел на диванчике в холодной квартирке, перевязывал раны и смотрел видеокассету. Ему дали посмотреть видеокассету, которую люди в разных городах переписывали и передавали друг другу.

На экране телевизора выступающего слушала большая аудитория, в основном женщины. Он говорил о Боге, о силе Духа праведного человека. Потом он стал говорить обо мне. О том, что я идеал женщины, к которому нужно стремиться. Сила Разума и Духа мои велики, и мне помогают силы Света, и теперь, когда я больше познаю жизнь людей обычного мира, смогу помочь им.

Много хорошего обо мне говорилось. И вдруг... И было сказано, что ещё не встретился мне настоящий мужчина. А тот, с которым я общалась, не настоящий мужчина... И ещё, раньше другими говорилось, что в Австралии есть молодой человек, достойный меня, что я с ним встречу, встречу с ним, настоящим мужчиной...

А он, Владимир, он... Понимаете... Он один сидел. Слушал эти слова... И всё пытался одной рукой перевязать раны на ногах. Вторая рука у него сильно болела от ушибов. Я рванулась Лучиком к Владимиру. Хотела раны его обогреть, изгнать боль его. И сказать... Как-то сказать... Он никогда не слышит, когда я говорю с ним на расстоянии, но в этот раз получилось бы... Наверное, получилось, потому что я очень сильно хотела, чтобы услышал он. Услышал, как люблю я его! Только его. И только он, мой любимый, он — настоящий мужчина.

Но меня обожгло и отбросило на траву. Что-то не допускало к Владимиру мой Лучик. Я снова быстро направила Лучик в комнату, где он сидел перед телевизором, и увидела: перед Владимиром сгустком невидимой энергии, стоит на коленях Дух моей прамамочки. Владимир не мог видеть её и слышать. Он смотрел и слушал видеокассету. А прамамочка моя дыханием своим обогрела раны на ногах Владимира. Когда Владимир лил на ранки этот ужасающе обжигающий одеколон. И говорить пыталась что-то прамамочка ему, Владимиру, её не слышащему.

Прамамочка так сильна своим Духом, что ничто невидимое не сможет пробиться сквозь неё. И установки психотропного оружия разлетятся, если их направить на неё. Она даже внимания не обратит на них. Всё равно всё будет отброшено. И я уже никак не могла вмешаться. Только смотреть... Я смотрела и быстро-быстро думала. Что произошло? Почему возникла такая ситуация? Почему так говорил говорящий? Он хотел мне помочь? Что-то пояснить? Что? Почему мой Лучик так к Владимиру стремился? Конечно, я испугалась, что Владимиру стало обидно от этих слов: “Не настоящий мужчина” — и что он будет ревновать меня к другому. И тут вдруг... О, как же это было больно... Обидно... Владимир всё прослушал, вздохнул и сказал: “Надо же, настоящий мужчина. В Австралии он, что ли. Они встретятся. Может, сына мне тогда отдадут”.

Мой Лучик задрожал. Как-то всё словно помутнело. Понимаете... Владимир не ревновал. Это, конечно, нехорошее чувство — ревность. Но мне хотелось, чтобы хоть чуточку. Чуточку-чуточку он поревновал. Но Владимир словно отдавал меня с безразличием другому. Я уже не могла сдерживаться и закричала. Стала просить, умолять прамамочку объяснить, что я сделала не так. В чём ошиблась? Нагрешила? Она не отвечала, пока Владимир не перевязал последнюю рану. Потом прамамочка сказала с грустью: “Надо было просто любить, доченька. Думать о хорошем для любимого, не возвеличивать себя при этом”.

Я пыталась пояснить, что хотела только хорошего. Но она снова тихо сказала: “Себе ты пожела- лала, доченька, картины, музыку, стихи и песни. Всё сбудется, твоя мечта сильна, я знаю, для всех людей она и для тобой любимого, но для тебя земную получить любовь теперь всё тяжелее будет. Ты становишься звездой, доченька. Звездой можно любоваться и любить звезду как звезду, не как женщину”.

Прамамочка не говорила больше ничего. Я теряла контроль над собой, крикнула, пыталась пояснить или доказать, что я не хочу быть звездой, что я хочу быть просто женщиной и любимой! Но меня никто не слышал.

Помогите мне, пожалуйста! Теперь я многое поняла. Не за себя боюсь, с собой я справлюсь. Владимир дольше будет понимать, его такая информация от Истины уводит.

Пусть прекратится распространение этой кассеты. Она внушает людям и Владимиру, что я идеал, звезда, что не он, а другой должен быть со мной.

Я не звезда. Я женщина. Я хочу любить того, кого сама хочу любить.

Мой путь не только мной определён.

Я ошиблась. Помечтала, что сделается так, что обо мне будут говорить, стихи и песни посвящать, художники будут рисовать... Всё так и произошло.

Всегда всё сбывается, когда я мечтаю. И это произошло. Спасибо за стихи и песни. Спасибо поэтам. Но я ошиблась. Помечтала так. Стихи нужны! Но я звездой быть не должна.

Я хотела всего этого, чтобы Владимир на это смотрел и слушал. Чтобы вспоминал. Чтобы вспоминал меня. Но я не знала, когда мечтала. Я теперь поняла. Я становлюсь звездой. Звёздами все любят. А любят просто женщину.

— Анастасия, что вы! Остановить распространение кассеты, да ещё которую люди сами переписывают, невозможно. Этот процесс неуправляем. Никто этого не сможет сделать.

— Вот видите. Вы не можете. Но Владимир... Он предприниматель. И пусть процесс неуправляем. Он всё равно хоть что-нибудь предпринял бы. Но он не хочет ничего предпринимать, смирившись с тем, что я ему не пара.

СВЕТЛЫЕ СИЛЫ

Седой учёный, словно обо всём забыв, продолжал засыпать Анастасию вопросами:

— Что такое Светлые силы, Анастасия?

— Это светлые мысли, когда-либо произведённые людьми. Ими заполнено всё пространство.

— Вы можете свободно с ними общаться, видеть их?

— Да, могу.

— Вы можете ответить на любой вопрос, стоящий перед наукой?

— Может быть, на многие. Но каждый учёный, каждый человек тоже может получать ответы.

Всё зависит от чистоты помыслов, цели спрашивающего.

— Вы могли бы для науки пояснить некоторые явления?

— Если в вас не возникает ответа, значит, недостаточно чисты ваши помыслы. Таков закон Создателя, я не буду нарушать его, если почувствую отрицания.

— Что-то есть выше светлых мыслей, произведённых человеком?

— Да, есть. Но они равны по значимости.

— Что это? Как вы можете его назвать?

— Так, как вы способны воспринять.

— Вы можете говорить с ним?

— Да. Иногда. Я думаю, что говорю именно с Ним.

— Какая-то энергия существует во Вселенной, неизвестная на Земле?

— Самая большая энергия Вселенной — на Земле. Её нужно только понять.

— Вы, Анастасия, можете хоть как-то приблизительно охарактеризовать эту энергию? Она похожа на ядерную реакцию? Вакуумные явления?

— Самая сильная энергия во Вселенной — это энергия Чистой Любви.

— Я говорю о видимой, осязаемой энергии, способной влиять на технический прогресс, согревать, светить. Ну и, если хотите, взрывать.

— И я говорю о том же. Все, вместе взятые, существующие рукотворные установки не могут долго освещать Землю. Энергия любви может.

— Всё же вы говорите как-то ино- сказательно. В другом каком-то, не прямом смысле.

— Я говорю в прямом, “вашем” смысле.

— Но любовь — это чувство. Невидимое, его нельзя использовать, увидеть.

— Это энергия. Она отражается, её можно видеть.

— Где отражается? Когда можно увидеть?

— Солнце, звёзды, все видимые планеты являются лишь отражателями этой энергии. Свет солнца, что всему земному жизнь даёт, людской любовью создаётся. Во всей Вселенной лишь в Душе людской энергия любви воссоздаётся, взлетает ввысь она, фильтруясь, отражаясь, от планет Вселенских на Землю благодатным светом льётся.

— Разве на Солнце не происходят самостоятельные реакции горения, химические реакции?

— Достаточно всего чуточку поразмыслить, чтобы понять, осознать неверность такого умозаключения. Это же, по-вашему, как “дважды два”...

— Человек может управлять этой энергией?

— В значительной мере пока нет.

— А вы знаете, как это делается?

— Я не знаю. Если бы знала, мой любимый уже любил бы меня.

— Вы можете общаться с Ним, Тем, кто выше Светлых сил? Он всегда отвечает вам? Охотно?

— Всегда. Он очень ласково всегда отвечает. Потому что не может иначе.

— У него вы можете спросить, как управлять энергией любви.

— Я спрашивала.

— И что же?

— Чтобы понять некоторые Его ответы, нужно иметь определённый уровень осознанности, чистоты, во мне всего этого недостаточно. Я не все ответы понимаю.

— Но вы будете ещё как-то пытаться действовать, добиваться ответной любви?

— Конечно. Я буду действовать.

— Как?

— Буду думать. Помогите мне. Надо спросить у всех женщин, которые любили, стали и не стали любимыми. Они подумают, проанализируют и произведут мысли, которые появятся в измерении Светлых сил. Я увижу их. Пойму и всем потом помогу. Мысли Светлого измерения всегда понятны.

— Анастасия, невозможно задать вопрос сразу всем женщинам. Никто этого сделать не сможет.

— Тогда попросите Владимира, он придумает, как это сделать, что-то предпримет. Ради меня одной не станет думать. Вы сумеете объяснить ему, что это очень важно для всех людей, для него, если он почувствует важность, то что-то обязательно предпримет. Найдёт способ, как спросить у всех женщин.

— Вы так сильно в него верите. Почему же он тогда не смог полюбить вас?

— Он не виноват в этом. Я виновата. Я совершила много ошибок. Может быть, поспешила и показалась ему нереальной со своими способностями. Может быть, он пока ещё не может осознать, почему сын его должен воспитываться, как ему кажется, в непривычных для человека условиях — в лесу. Может быть, я не должна была так резко мешать его обычным привычкам, вмешиваться в его осознанность. Теперь я знаю: мужчинам это сильно не нравится. Они даже бьют за это женщин. Надо было, наверное, подождать, он сам бы всё понял. Он должен был ощущать себя хоть в чём-то сильнее меня. Но я не сообразила вовремя. Сказала, что сына нельзя ему видеть, пока не очистится. В тот момент я думала только о сыне, о том, как будет для него лучше, и нечаянно сказала: “Нехорошо, если сын будет видеть своего отца недоумком”. Вот и получилось, что я вся из себя умная, а мой любимый — глупый. О какой ответной любви после такого можно мечтать?

— Зачем же вам тогда у женщин других спрашивать, если вы сами способны так анализировать?

— Мне необходимо разобраться, есть ли возможность всё исправить. Сама не могу разобраться, сильно волнуюсь, когда о нём думаю. Анализировать нужно спокойно, вспоминая, сопоставляя. Но мне нечего вспоминать, кроме него.

— А поговорить вы с ним можете?

— Думаю, обычные слова бесполезны. Настоящая любовь не возникает от слов. Нужны какие-то действия. Но какие? Может, у кого-то из женщин есть опыт и ответ?

— И Лучом своим никак не можете повлиять?

— Теперь я Лучиком даже прикоснуться к нему не могу. Дух прамамочки моей часто рядом с ним находится. И она не позволяет. Я поняла почему...

ЗАХВАТ

К лагерю приближался вертолёт. Мы все молча смотрели, как он опускается. Вышедшие из вертолёта лётчики подошли к нашей группе. Лётчики тоже стали смотреть на Анастасию. Группа здоровых, вооружённых мужиков молча смотрела на стоящую перед ними одинокую женщину в старенькой кофточке, и уже всем было понятно — эта женщина должна быть захвачена ими. Вопрос состоял только в том, как обставить этот захват наиболее благопристойно. Борис Моисеевич, заговорив после длинной паузы, изложил всё прямолинейно:

— Анастасия, вы представляете определённую ценность для науки. Уже принято решение о вашем переселении. Это необходимо, в том числе и для вашего блага. Если вы из-за своего непонимания ситуации откажетесь это сделать добровольно, мы вынуждены будем доставить вас силой. Вы, конечно же, захотите, чтобы ваш ребёнок был с вами и на новом месте. Покажите на карте свою поляну, и вертолёт привезет вашего ребёнка. Впоследствии мы можем отловить и некоторых зверей для переселения их к вашему новому месту жительства. Я повторяю: всё это нужно для пользы вашей, вашего сына и для других людей. Вы ведь хотите принести пользу людям?

— Да, — спокойно ответила Анастасия и тут же добавила: — Всё, что знаю, всем готова поделиться с людьми, если это будет интересно, но со всеми людьми. Наука не является достоянием всех сразу. Сначала её достижения используются локальными группами и часто в корыстных личных интересах. Большинству достаётся лишь то, что локальным группам выгодно обнародовать. Вот вы кого представляете? Разве не отдельную локальную группу? Я не могу поехать с вами. Мне нужно воспитать человека, своего сына. В полной мере это возможно сделать там, где создано Пространство Любви. Пространство это создавалось и совершенствовалось моими далёкими и близкими родителями, оно пока маленькое, но именно через него я связана со всем сущим во Вселенной. Каждый человек должен создать вокруг себя своё Пространство Любви, подарить его своему ребёнку. Нельзя, преступно рожать детей, не подготовив для них Пространство Любви. Каждый человек должен создать вокруг себя маленькое Пространство Любви. И если это поймёт и сделает каждый, тогда вся Земля станет светящейся точкой Любви во Вселенной. Так хотел Он, и в этом предназначение человека. Ибо только человек может сотворить такое.

Двое крепких мужчин из охраны обошли Анастасию сзади. Неизвестно, по чьему приказу они действовали. Начальника охраны? Или всё было спланировано заранее? Они переглянулись и одновременно схватили Анастасию за руки. Сделали они это довольно профессионально, но и с какой-то опаской. Они прочно держали её за руки, словно пойманную птицу за растопыренные в сторону крылья. Коренастый, коротко стриженный начальник охраны вышел вперёд и встал рядом с Борисом Моисеевичем. На лице Анастасии не было выражения испуга. Но она уже не смотрела на нас. Она чуть наклонила голову к Земле, ресницы её были опущены, скрывали взгляд. И заговорила она, уже не поднимая глаз, но по-прежнему спокойно и с добротой в голосе:

— Не применяйте, пожалуйста, насилие, это опасно.

— Для кого? — хрипло спросил начальник охраны.

— Для вас. И мне будет неприятно.

Борис Моисеевич, стараясь сдерживать то ли страх, то ли волнение, спросил:

— Вы можете причинить нам физическую боль, используя не присущие человеку способности?

— Я человек. Человек, как и все люди. Но я волнуюсь. Волнение может позволить сделать нежелательное.

— Что, например?

— Материя... клетки... атомы... ядро атома... хаотично движимые частички ядра... Вы знаете о них. Если ярко и точно их представить, увидеть, изучить, воображением вывести из ядра хотя бы одну хаотично движущуюся частичку, с материей происходит, происходит...

Анастасия повернула голову в сторону, чуть приподняла ресницы и стала смотреть на лежащий на Земле камень. Камень начал рассыпаться на отдельные частички и быстро превратился в кучку песка. Потом она подняла взгляд на начальника охраны, сощуренный, сконцентрированный взгляд. От кончика левого уха начальника охраны начал исходить пар. Хрящик уха медленно, миллиметр за миллиметром исчезал, и вдруг стоящий рядом молодой охранник с побледневшим от страха лицом выхватил пистолет. Он это сделал профессионально, не думая. Он быстро направил пистолет в сторону Анастасии и выпустил в неё всю обойму.

Наверное, у каждого из нас мысли в это мгновение неслись очень быстро, и произошло явление, уже известное по случаям, происходившим с солдатами во время войны. Когда в экстремальных

условиях они видели движущийся снаряд или пулю. И хотя летят они со своей обычной скоростью, из-за ускорения мысли и восприятия видятся медленно летящими.

Я видел, как одна за одной летели в Анастасию пули, выпущенные из пистолета бледного охранника. Первая пуля, летящая в голову Анастасии, задела висок. Последующие не долетали до неё, рассыпаясь на лету в пыль, как камень, на который смотрела Анастасия раньше.

Все мы стояли словно в каком-то оцепенении. Мы стояли и смотрели, как из-под платка по щеке Анастасии медленно стекала струйка крови.

Охранники, державшие Анастасию за руки, при выстрелах отшатнулись от неё, но рук не выпустили. Вцепившись мёртвой хваткой, они тянули её за руки в разные стороны. И вдруг по земле вокруг нас стало разливаться голубоватое свечение. Оно исходило откуда-то сверху, усиливалось. Оно благодатно завораживало нас, не давая возможности двигаться и говорить. В наступившей необыкновенно полной тишине прозвучали слова Анастасии:

— Отпустите, пожалуйста, мои руки. Я могу не успеть. Пожалуйста, отпустите.

Но, словно оцепеневшие, охранники продолжали держать её своей мёртвой хваткой. Теперь я понимаю, для чего она поднимала вверх в характерном жесте руку, когда общалась с тобой. Она тем самым показывала кому-то вверху, что с ней всё в порядке и помощь не требуется. Но в этот раз Анастасии не дали поднять руку вверх...

Голубоватое свечение продолжало усиливаться, потом что-то словно сверкнуло, и мы увидели его. Мы увидели висящий над нами, пульсирующий голубым светом огненный шар. Он был похож на большую шаровую молнию. И внутри него сверкали, переплетались меж собой множество молний-разрядов. Иногда они, вырываясь за пределы голубой оболочки, прикасались к верхушкам стоящих вдали от нас деревьев, к цветкам у наших ног, но никакого вреда им не причиняли. Один из тоненьких лучей-молний на мгновение прикоснулся к завалу, образовавшемуся в ручье из камней и поваленного дерева. Завал тут же превратился в облачко и испарился.

Вероятно, лучи, вырывающиеся за пределы голубой оболочки огненного шара, обладали огромной силой неизвестной нам энергии. Она управлялась каким-то разумом.

Создавалось впечатление присутствия рядом с нами разумного существа, обладающего немислимой силой. Но самым невероятным и противостественным для данной ситуации были наши ощущения от его присутствия. В нас не вселился ни страх, ни даже насторожённость, наоборот...

Ты только представь себе, в такой ситуации мы стали ощущать спокойствие и Благодать, будто рядом что-то очень близкое и родное появилось.

Голубой пульсирующий шар парил над нами и словно изучал, оценивал ситуацию. Вдруг, описав в воздухе круг, он опустился к ногам Анастасии. Усилилось голубое свечение, оно, как благодатная истома, расслабляло нас так, что не хотелось двигаться, что-либо слышать и говорить.

Голубая оболочка шара пропустила сразу несколько огненных молний, они метнулись к Анастасии, стали прикасаться, словно поглаживать пальцы её босых ног.

Анастасия освободила свои руки от расслабившихся охранников и протянула их к шару. Он тут же переместился на уровень её лица, и огненные молнии, на наших глазах в пыль разнёсшие камни в завале ручья, стали касаться её рук, не причиняя им вреда.

Анастасия заговорила с шаром. Слов её нам слышно не было, но, судя по ее жестам, по выражению лица, она пыталась ему что-то пояснить или доказать, убедить его в чём-то своём — и не могла убедить. Шар никак не отвечал ей, и всё равно было понятно, что он не соглашается с ней. Это было ясно потому, что Анастасия всё с большим волнением продолжала убеждать. Наверное, от волнения её щёки разругались, не переставая говорить, она сняла платок. Золотисто-пшеничные пряди волос покрыли плечи Анастасии, закрыли струйку запёкшейся крови на её лице. Мы увидели, как прекрасны и совершенны черты её лица. Шар огненной кометой несколько раз облетел вокруг Анастасии, снова замер у её лица, тысячи тоненьких молний метнулись к золотистым волосам, они аккуратно прикасались к каждому волоску в отдельности и, приподнимая, словно гладили их. Один из лучиков приподнял сразу целую прядь волос и открыл рану от пули на виске Анастасии, другой лучик медленно заскользил по следу запёкшейся крови. Не словами, а действиями своих огненных лучей шар будто напоминал ей о происшедшем и не соглашался с её доводами. Он убрал внутрь все свои лучи, Анастасия опустила голову и замолчала. Шар, ещё раз облетев вокруг Анастасии, взметнулся ввысь. Голубоватое свечение стало слабее, к нам возвращалось прежнее состояние, но и когда всё стало абсолютно прежним, голубой свет продолжал уменьшаться, уступая место поднимающейся от земли коричневатой дымке. Эта дымка заполняла всё пространство вокруг нас, и лишь Анастасия оставалась в маленьком голубом круге. И когда коричневатая дымка окутала нас полностью, мы узнали, что такое ад.

ЧТО ТАКОЕ АД

Картинки библейских изданий с изображением зверских пыток грешников на сковородках, даже самые жуткие сюжеты с чудовищами видеофильмов покажутся наивными, детскими сказочками по сравнению с тем, что нам довелось испытать.

За всё время своего существования человечество не смогло представить или фантазировать подобное.

Во всех библейских сюжетах, фильмах ужасов фантазия человеческая не идёт дальше, чем показать истязание плоти всевозможными способами, но это ничто по сравнению с настоящим адом.

— Ну а что же может быть страшнее изощрённых пыток плоти? Каким увидели ад вы?

— Когда голубое свечение так ослабло, что дало возможность подняться из земли коричневатой дымке, и она окутала нас с ног до головы, мы оказались разделёнными на две части.

— На какие части?

— Представь себе... Я вдруг стал состоять из двух составных частей. Первая часть — моё тело, обтянутое прозрачной кожей, через которую можно видеть все внутренние органы, сердце, желудок, кишечник, кровь по жилам бегущую и разные другие органы. Вторая часть — невидимая — состояла из чувств, эмоций, разума, желаний, болевых ощущений, ну, в общем, из всего, что есть в человеке невидимого.

— А какая разница, вместе эти части или отдельно, если это всё равно ты? Что такого страшного с вами произошло, если не считать прозрачность кожи?

— Разница оказалась невероятно значимой. Всё дело в том, что наши тела стали действовать самостоятельно, независимо от разума, воли, стремлений, желаний. Мы могли наблюдать за действиями наших тел со стороны, при этом чувства и болевые ощущения оставались в нас, невидимых, но возможности влиять на действия наших же собственных тел мы были лишены.

— Как сильно пьяные?

— Пьяные не видят себя со стороны, по крайней мере, в момент опьянения, а мы всё видели и ощущали. Ясность сознания была необыкновенно чёткой. Я видел, как прекрасны трава, цветы, река. Я слышал, как поют птицы и журчит ручеёк, ощущал чистоту воздуха вокруг и тепло солнечных лучей. Но тела... Прозрачные тела всех стоящих в нашей группе вдруг гурьбой побежали к заводу у ручья.

Заводь была похожа на маленькое озерцо, вода в нём была чиста и прозрачна, на дне — песочек, красивые камешки, мелкие рыбёшки плавали. Наши тела подбежали к прекрасному маленькому озерцу и стали плескаться в нём. Они испражнялись в него, по-большому и по-маленькому испражнялись.

Вода стала мутной и грязной, а они пили её. Я видел, как по кишечнику моего тела втекает в желудок грязная, вонючая жидкость. Ощущения тошноты и отвращения охватили меня. И тут рядом с водоёмом, под деревом, появились обнажённые тела двух женщин. Их кожа была такой же прозрачной, как и у наших тел.

Женские тела легли на травку под деревом, нежась и потягиваясь под лучами солнца. Тело начальника охраны и моё подбежали к женским телам.

Моё ласкало женское, получало от него взаимные ласки и вступило в половую связь с женским. Тело начальника охраны взаимности не получило и стало насиловать женщину. К нам подбежало тело одного из охранников, стукнуло моё камнем по спине, потом по голове, он бил моё тело, но не оно, а я, невидимый, испытывал невыносимую боль. Охранник за ноги стащил моё тело с женского и стал сам насиловать. Наши тела быстро старели и дряхлели. Время словно ускоряло события. Только что изнасилованная женщина забеременела, сквозь прозрачную кожу было видно, как в её чреве зарождается и увеличивается в размере плод. Тело учёного, Бориса Моисеевича, подошло к беременной женщине, некоторое время оно внимательно рассматривало сквозь прозрачную кожу растущий плод и вдруг, засунув руку женщине во влагалище, стало выдирать из неё зародыш. Тем временем тело Станислава быстро таскало в одну кучу камни, с остервенением ломало небольшие деревца и строило из всего, что попадалось ему под руку, какое-то похожее на домик сооружение. Моё тело взялось помогать ему. Когда домик был почти построен, моё тело стало выгонять из домика тело Станислава, он сопротивлялся, и наши тела начали драться.

Я, невидимый, испытывал сильную боль, когда он бил моё тело по ногам, по голове. Мы привлекли своей дракой внимание других тел, и они сначала вышвырнули нас обоих из домика, потом

сами стали драться между собой за него. Моё тело сильно подрыхлело и на моих глазах стало разлагаться, оно уже не могло двигаться и лежало под кустом, источая тошнотворную вонь. На нём - появились черви, я ощущал, как они ползают по мне, проникают во внутренние органы, едят их. Я ясно чувствовал, как они грызут мои внутренности, и ждал окончательного разложения своего тела как избавления от невыносимых мучений.

И вдруг из второй изнасилованной женщины вывалился плод, он стал расти на моих глазах, малыш встал на ножки, сделал свой первый робкий шаг, второй и, покачнувшись, шлёпнулся на попку... Болевые ощущения от его падения я ощутил на себе и с ужасом понял, что это моё новое тело и ему придётся жить... Жить среди омерзительных безмозглых тел, поганящих себя и всё окружающее.

Я понял, что я, невидимый, никогда не умру и буду вечно созерцать и со всей ясностью осознавать мерзость происходящего, испытывать боль физическую и более страшную...

С другими телами происходило то же самое. Они дрыхтели, разлагались и рождались вновь, и при каждом новом рождении наши тела лишь менялись ролями.

Вокруг почти не осталось растительности. На её месте возникали уродливые строения, ранее чистая заводь превратилась в смрадную лужу...

Александр замолчал. Рассказанное им и у меня вызывало отвращение, но не жалость, и я сказал:

— Конечно, в отвратительной ситуации вы побывали, но вам, гадам, так и надо. Зачем к Анастасии было привязываться? Живёт отшельницей в тайге, никого же не трогает, жилплощади не требует, пенсий, пособий всяких ей не надо, так зачем лезть к ней?

Александр внешне не обиделся на моё высказывание в его адрес. Вздохнув, он ответил мне:

— Вот ты сказал “побывали в ситуации”... Дело в том... Это невероятно, но дело в том, что я не вышел из неё полностью... Думаю, и те, кто находился в нашей группе, тоже не полностью вышли из неё.

— Что значит — не полностью? Ты же сейчас спокойно сидишь, в костре палкой помешиваешь.

— Да, конечно, сижу, помешиваю, но ясность осознания... осознания чего-то страшного осталась. Она во мне. Она страшит меня. Это страшное — не в прошлом, оно происходит с нами сегодня, сейчас, происходит со всеми нами.

— С тобой, может, что-то и происходит, а со мной и с другими всё нормально.

— А тебе не кажется, Владимир, что ситуация, в которой мы побывали, точная копия того, что творит человечество сегодня? Нам показанное в ускоренном темпе и в миниатюре лишь отобразило наши сегодняшние деяния.

— Мне так не кажется потому, что кожа у нас непрозрачная и тела наши нам подчиняются.

— Может быть, кто-то просто щадит нас, не даёт осознать, увидеть всё полностью, что мы уже натворили и творить продолжаем. Ведь если осознаем... Увидим свою жизнь со стороны... Увидим неприкрытой разными лживыми догмами, оправдывающими вчера и сегодня творимое нами, не выдержим ведь, с ума сойдём.

Внешне мы пытаемся выглядеть благопристойно, а творимое зло пытаемся оправдать собственной якобы непреодолимой слабостью. Не устоял перед соблазном, закурил, запил, убил, затеял войну в защиту каких-то идеалов, взорвал бомбу.

Мы слабы. Так мы сейчас себя считаем. Есть высшие силы, это они всё могут, всё решают. А мы?.. Именно мы, спрятавшись за подобными догмами, можем творить всё что угодно, любую мерзость.

И творим мерзость. Именно мы творим, каждый из нас, только по-разному оправдываем сами себя перед собой. Но мне теперь абсолютно ясно, пока моё сознание не потеряло способность руководить моей плотью, только я, только лично я должен отвечать за все её действия. И права Анастасия, говоря: “Пока человек и во плоти...”

— Да не ссылайся ты на Анастасию. Также мне понятливый нашёлся. Права! А сами чуть не угробили её. Жалко, что она чего-нибудь большего вам не показала, чтоб у вас у всех вообще крыша посъезжала.

У меня всё большая злость на эту компанию разгоралась, но, так как только Александр был передо мной, на нём и вымещалась злость.

— Ты на себя посмотри, — ответил Александр, — не благодаря ли тебе нам удалось выйти на Анастасию? Да и только ли нам? Ты что же, думаешь, что подобные нашей попытки не повторятся?

Зачем тебе понадобилось без всякого изменения указывать название теплохода, на котором по реке ходил, да ещё фамилию капитана? Также мне документалист нашёлся. Да ты и название реки из-

менить мог бы, но не сделал этого, не сообразил вовремя. А от других требуешь сообразительности. Я своё получил, теперь всю жизнь увиденный кошмар осмысливать придётся...

— А как же он закончился, ваш кошмар? Как вы из него выскочили?

— Сами мы от него никогда избавиться не смогли бы. Для нас он предназначался навечно. По крайней мере, именно таким было ощущение у каждого.

Анастасия появилась среди наших разлагающихся и ещё действующих тел, её кожа не была прозрачной, по-прежнему одетая в свою старенькую кофточку и длинную юбку, она стала что-то говорить нашим телам, но они её не слушали. Словно запрограммированные, умирая и рождаясь вновь, они повторяли, меняясь лишь ролями, свои действия. Тогда Анастасия начала быстро убирать мусор около одной из сложенных нашими телами построек. Руками она быстро сгребла в кучку разбросанные камни и хворост, палочкой слегка взрыхлила землю, потрогала, взъерошила руками затоптанную травку, и начали вставать зелёные травинки, не все, а те, которые ещё могли встать. Анастасия бережно выправила надломанный ствол маленького, около метра по высоте, деревца, она размяла в руках влажную землю, обмазала ею надломанное место и, сжав его ладонями своих рук, некоторое время держала, потом осторожно разжала ладони, и ствол деревца остался ровным.

Анастасия сноровисто продолжала заниматься своим делом. На вытоптанной нашими телами, ставшей почти без растительности земле увеличивался маленький оазис, созданный ею. К нему подбежало тело Бориса Моисеевича, запрыгнуло на травку, повалилось на ней, вскочило и убежало, а через некоторое время вернулось с телом одного из охранников. Они вдвоём вырвали маленькое деревце и начали таскать на зелёную травку камни и палки, сооружать из них очередное уродливое строение.

Анастасия всплеснула руками, она попыталась им что-то говорить, но, увидев, что никто на её слова никакого внимания по-прежнему не обращает, замолчала. Она некоторое время стояла в растерянности, опустив руки, потом опустилась на колени, закрыла лицо руками, волосы на её плечах дрожали. Анастасия плакала. Плакала, как ребёнок.

И почти сразу вновь возникло едва заметное голубоватое свечение, оно вогнало в землю коричневатое испарение нашего ада, соединилась наша плоть с невидимым нашим “Я”. Только двигаться мы по-прежнему не могли, но уже не от ужаса, а от благодатной истомы голубого свечения. Над нами в небе, описывая круги, снова светил огненный шар.

Анастасия протянула к нему руки, и шар, мгновенно переместившись, оказался в метре от её лица. Она заговорила с ним, и в этот раз услышал я слова. Анастасия говорила шару:

— Спасибо тебе. Ты добрый. Спасибо тебе за милосердие и любовь. Люди поймут, обязательно всё поймут, сердцем почувствуют. Ты никогда не убирай с земли свет голубой, свой свет любви.

Анастасия улыбалась, а по щеке её текла слезинка. Из-за голубой оболочки шара огненные молнии-лучи метнулись к лицу Анастасии, ловко и осторожно они сняли блестящую на солнышке её слезинку и бережно, как будто драгоценность, вдруг задрожавшие лучи несли на кончиках своих слезинку, несли как драгоценность. Они внесли слезинку внутрь шара. Шар вздрогнул, описал вокруг Анастасии круг, у ног её на Землю опустился, взметнулся ввысь и растворился в небесной синеве, оставив на Земле всё, как и раньше было. И мы, как прежде, стояли на своих местах. Светило солнце, река, как прежде, текла, лес вдаль виднелся, стояла, как и прежде, Анастасия перед нами. Мы молча созерцали всё вокруг, я радовался, видя всё, да, думаю, радовались и другие. Только молчали, может быть, от пережитого или от вдруг увиденной красоты вокруг...

Александр замолчал, словно в себя весь ушёл, я попытался с ним заговорить:

— Послушай, Александр, может быть, из того, что ты мне рассказал, на самом деле с вами не происходило ничего подобного. Может, Анастасия просто гипнозом каким-то сильным обладает? Я читал, что многие отшельники гипнозом обладают. Вот и она, может, вас загипнотизировала и показала видение?

— Гипноз, говоришь... Ты седину в моих волосах видел?

— Видел.

— Так седина эта после того раза и появилась.

— Ну, испугался под гипнозом, так и седина появилась.

— Если предположить, что это был гипноз, тогда нужно объяснить и другое загадочное.

— Что именно?

— Завал в ручье из камней и деревьев. Завал в ручье исчез, его не стало, ручей бежал свободно. Но завал в ручье был до нашего виденья, все видели завал в ручье, он был.

— Да. Вот так дела...

— К тому же какое это имеет значение, что с нами было, важнее другое. Я не могу быть прежним, не знаю, как мне дальше жить, чему и где теперь учиться. Когда домой вернулся, сжёг множество книг разных мудрецов, из разных стран учителей. Большая библиотека у меня была.

— Вот это зря ты сделал. Лучше б их продал, раз самому не надо.

— Не мог я их продать. И даже мне в голову такое не пришло. Теперь с мудрецами, учителями у меня свои счёты.

— А как ты думаешь, Александр, с Анастасией не опасно общаться? Может, она действительно как аномалия какая-то. Вот и в письмах некоторые люди пишут, что она — представитель другой цивилизации, а если так оно и есть, тогда опасно с ней общаться, потому что неизвестно, что у этой другой цивилизации на уме.

— Я убеждён совсем в обратном. Она так чувствует, любит землю, всё растущее и живущее на ней, что, скорее, мы на фоне Анастасии и выглядим приبلудными пришельцами.

— Так кто же она тогда? Учёные могут в конце концов внятно сказать? Почему она обладает таким большим объёмом информации, как она в её голове вмещается? Откуда способности непонятные, Луч её откуда?

— Думаю, здесь надо поверить её словам: “Я человек, женщина”. А информацию, я предполагаю, она в своей голове никакую и не держит. Скорее всего, чистота её помыслов позволяет ей пользоваться всей базой данных Вселенной. И способности её исходят от полной информативной обеспеченности.

Вселенная её любит, нас опасается, оттого и не открывается нам полностью. Наша мысль, мысль современного человека, воспитанного нашим обществом, заблокирована стереотипами и условностями.

У неё она полностью свободна. Оттого и трудно предположить, что разгадка тайны может быть сокрыта как раз в том, что она человек... Конечно, она может творить невероятные, по нашим понятиям, чудеса, я сам убедился в этом. Во время нашего визита произошло ещё одно событие, которое иначе как чудом и не назовёшь. Оно ещё более загадочно, чем то, что творилось с нашей группой. Оно более грандиозно!

Александр произнёс последние слова с каким-то волнением. Он встал и отошёл от костра в ночь. В мерцании звёздного неба и тусклом свете догорающего костра видно было, как прохаживается взад-вперёд молодой сибиряк. До меня доносились его короткие взволнованные фразы. Александр говорил что-то непонятное о науке, о психологах, о каких-то учениях. Мне надоело сидеть и слушать его отрывочные и потому непонятные фразы. Хотелось поскорее узнать, что, как он считает, грандиозного сотворила Анастасия на их глазах. Я попытался успокоить его:

— Александр, да ты успокойся, присядь. Скажи поконкретнее, что там на ваших глазах произошло грандиозного?

Александр снова подсел к костру, подбросил в него сухих веток. Но видно не до конца он успокоился. Наверное, от волнения он так резко взрыхлил палкой тлеющие угли, что взлетевшие фейерверком искры посыпались и на него, и на меня, заставили отскочить от костра. Когда всё успокоилось, я и услышал его взволнованный рассказ:

— За каких-то двадцать минут Анастасия на наших глазах изменила физическое состояние маленькой деревенской девочки. На наших глазах изменила. И ещё она, Анастасия, за то же время изменила и судьбу этой девочки, и судьбу матери девочки, повлияла даже на внешний облик заброшенной таёжной деревушки. И всё это за каких-то двадцать минут. И главное, каким образом она это сделала! Невероятно простым!.. Она...

Вот и верь после этого гороскопам. Я видел... Потому и сжёг я книги с мудрой белибердой и разными “духовными причитаниями”.

— Вот видишь, сам же говоришь, что творит она чудеса нечеловеческие, мистические, если даже гороскопы переламаывает. Сама же их творит, а человеком нормальным хочет называться. Хоть бы как-то подстроиться попыталась под нормального человека, так нет же.

Я ей тоже говорил: веди себя как все, тогда и будет всё нормально, но она, похоже, не сможет как все. Жалко... Так-то она красивая, добрая женщина, умная, людей лечить может, сына вот родила мне... А жить с ней, как с другой какой-нибудь, невозможно. Я даже представить себе не могу, как с ней после всего услышанного кто-нибудь переспать сможет. Никто не сможет. Всем попроще нужны женщины, не такие заумные. Но она со своей мистикой сама и виновата.

— Подожди, Владимир. Сейчас я тебе скажу кое-что. Только ты внимательно вдумайся в то, что я скажу. Это невероятно, но ты попробуй понять. Это всем надо понять! Всем! Может быть, мы вместе сможем осознать. Может быть... Понимаешь, Анастасия сотворила невероятное чудо с девоч-

кой, но при этом никакой мистики, снадобий она не использовала. Никакой ворожбы, никаких шаманских пассов. Она, Анастасия, ты только вдумайся, она сотворила это чудо, используя лишь простые, известные всем нам человеческие слова. Простые, обыденные слова, но прозвучали они в нужном месте и в нужный момент.

Если психологи проанализируют её диалог с этой деревенской девочкой, они смогут понять, насколько он психологически действен. Любой произносящий их, слова эти, смог бы добиться подобного эффекта. Только, чтобы именно такие слова пришли на ум в нужный момент, как раз и необходимы та искренность и чистота помыслов, о которых говорит Анастасия.

— А что, просто выучить нельзя эти слова?

— Мы их давно все знаем, вопрос в другом. Вопрос — что кроется за каждым нашим словом?

— Ты как-то непонятно говоришь. Расскажи лучше, что там у вас ещё произошло. Какими словами можно изменить физическое состояние и судьбу человека?

— Да. Конечно, надо рассказать, слушай.

КОГДА СЛОВА СУДЬБУ МЕНЯЮТ

Наша группа приходила в себя после пережитого. Никто ни с кем не разговаривал. Мы стояли на своих местах и только через некоторое время стали озираться по сторонам, воспринимая окружающий мир как-то по-иному, словно ощущали его впервые. И тут мы увидели, как со стороны деревенских домиков движется к нам группа их обитателей. Местных жителей было мало, человек двенадцать, всё население заброшенной шестидомовой таёжной деревушки. Одни старики. Были среди них и совсем немощные. Одна старуха, согнутая пополам, опираясь на палку, прихрамывала, но шла. Те, кто мог идти без палки, несли в руках разные орудия — коромысло, весло. Было ясно, они шли защищать Анастасию. Старые и немощные шли против молодых, здоровых и вооружённых мужиков. Шли без страха и с твёрдым намерением выступить на защиту Анастасии, кто бы перед ними ни был.

Их решимость пугала. Когда они приблизились к нам, шедший чуть впереди старик в резиновых сапогах и веслом в руках остановился, и группа за ним встала. Они игнорировали нас, как пустое место. Старик степенно погладил бороду и, глядя на Анастасию, уважительно произнёс:

— Здравия тебе доброго, Анастасиюшка, от нас всех.

— Добрый вам день, люди добрые, — ответила Анастасия, прижав руку к груди и поклонившись старикам.

— Вода в реке нынче рано уходит, — продолжил старик, — лето не дождливое нынче.

— Не дождливое, — подтвердила Анастасия, — но пойдёт ещё дождик, прибавится река, в силу прежнюю свою войдёт.

Пока они так говорили, из группы стариков вышла худенькая жёлто-бледная девочка лет шести. На девочке была старенькая курточка, перешитая из какой-то более взрослой одежонки, штопанные колготки на тоненьких ножках и старенькие ботиночки.

Я потом узнал: девочку звали Анюта. Болезненную, с врождённым пороком сердца привезла её, полугодовалую, мать из города, оставила старикам, да так и не появилась ни разу, говорят, работает где-то маляром на стройке. Анюта подошла к Анастасии, стала дёргать её за подол юбки, приговаривая:

— Наклонись, тётя Анастасия. Наклонись книзу.

Анастасия посмотрела на девочку и присела перед ней на корточки. Девочка быстро сняла со своей головки старенький белый платочек. Послюнила край его и стала осторожно вытирать уже запёкшуюся кровь, струйкой вытекавшую из ранки на виске Анастасии. Девочка старалась, пыталась вытереть запёкшуюся кровь и говорила при этом:

— Всё не приходишь ты, тёточка Анастасия, посидеть на своём брёвнышке на берегу. Дедушка говорил, раньше ты чаще приходила. На брёвнышке сидела, на реку смотрела. Теперь не приходишь. Дедушка показал мне брёвнышко, на котором ты, тёточка Анастасия, раньше сидела. Мне дедушка показал, и я к нему, к брёвнышку твоему, сама приходила стала. Сидела одна и ждала, когда придёшь ты, тёточка Анастасия. Очень хотела посмотреть я на тебя. У меня к тебе секрет один есть. А ты не идёшь к своему брёвнышку, чтобы посидеть на нём, на речку посмотреть. Может, потому что старое оно совсем? Я дедушку просила, просила, и дедушка новое притащил брёвнышко. Вон оно, рядом со старым лежит.

Девочка взяла Анастасию за руку и стала тащить её к лежащему бревну.

— Пойдём, пойдём, тёточка Анастасия, посидим на новом брёвнышке. Дедушка на нём два местечка топориком вытесал. Это я его упростила, чтобы, когда ты придёшь, рядом посидеть.

Анастасия сразу выполнила просьбу девочки, и они сели на брёвнышко рядом.

Некоторое время они сидели молча. Не обращая ни на кого внимания. Словно не было вокруг никого. И все стояли молча, не шевелясь. Потом девочка заговорила:

— Мне бабушка про тебя много рассказывала, тёточка Анастасия. А когда бабушка умерла, я дедушку просить стала. Он про тебя тоже рассказывал. Когда дедушка рассказывает, я о своём секрете для тебя думаю. Дедушка рассказывал, что когда я маленькой была, то сердечко у меня никчёмное было. Тикало неровно. Один раз совсем неровно тикать стало. Тогда привезли на лодке тётю врача. Тётя врач сказала: “Ничего сделать нельзя с таким плохим сердечком, никого оно не послушается. И скоро совсем умрёт”.

Дедушка рассказывал мне, как ты, тёточка Анастасия, тогда тоже на своём старом брёвнышке сидела, на речку смотрела. Потом встала и в нашу избу вошла. Взяла меня на ручки, на травку у двора положила, а сама рядом легла и ручку свою на мою грудку положила. Вот тут положила, где сердечко слышно как тикает. Вот тут. — И девочка прижала свою ручку к левой части худенькой груди. — Дедушка говорил, ты тоже, тёточка Анастасия, стала лежать со мной, как бездыханная, потому что твоё сердечко тихо-тихо, как моё, тикать стало. Потом быстрее твоё стало тикать, и моё за собой зовёт. Послушалось моё сердечко твоего, и вместе они затикали, как надо. Мне дедушка так рассказывал. Он правильно всё рассказывал? Правильно, тёточка Анастасия?

— Да, Анечка. Правильно говорил тебе дедушка. Твоё сердечко теперь всегда будет хорошим.

— Значит, твоё сердечко позвало и моё послушалось? Послушалось, да?

— Да, Анечка, послушалось твоё сердечко.

— Сейчас я секрет расскажу тебе, тёточка Анастасия. Очень! Очень важный секрет.

— Расскажи мне свой важный секрет, Анечка.

Анюта поднялась с брёвнышка, стала напротив Анастасии, прижав худенькие ручки к груди. Потом она вдруг... Вдруг маленькая Анютка упала перед Анастасией на колени и, сдавленный волнением, её детский голос произнёс:

— Тёточка Анастасия, миленькая тёточка Анастасия, попроси своё сердечко! Попроси! Пусть твоё сердечко позовёт сердечко моей мамочки. Пусть приедет моя мамочка ко мне. Хоть на денёчек один приедет мамочка. Ко мне. Вот секрет какой. Пусть твоё сердечко... мамино... сердечко... сер...

Анюта поперхнулась от волнения, замолчала, неотрывно глядя на Анастасию.

Сощуренный взгляд Анастасии устремился вдаль мимо маленькой, стоящей на коленях девочки. Потом она снова посмотрела на неё и спокойно ответила, констатируя этот ужасающий для ребёнка факт. Как взрослому человеку ответила:

— Моё сердечко, Анечка, твою мамочку позвать не сможет. Твоя мамочка далеко в городе. Она пыталась найти счастье и не нашла его. Она не имеет своего дома, нет у неё и денег тебе на подарки. А без подарков она приезжать не хочет. Трудно ей в городе. Но если она когда-нибудь приедет к вам, ей станет ещё труднее. Горькой и мучительной пыткой станет для неё встреча с тобой. Труднее и страшнее ей станет жить оттого, что увидит она тебя болезненную, плохо одетую. Увидит, как рушатся дома в вашей деревне, как ветхо и грязно в доме, где ты живёшь. Ещё труднее станет твоей маме потому, что она уже не верит в возможность хоть что-нибудь сделать хорошее для тебя. Не верит. Считает, будто бы всё испытала и такая ей судьба predetermined. Она сдалась самой придуманной безысходности.

Маленькая Анюта слушала страшную правду, худенькое тельце её дрожало.

Казалось, невероятно жестоко говорить такое ребёнку. Казалось, здесь уместнее и нужнее ложь. Погладить несчастную девочку по голове, пообещать скорый приезд её матери. Счастливую встречу.

Но Анастасия действовала иначе. Она высказала беззащитному, беспомощному ребёнку всю горькую правду. Потом некоторое время смотрела, как вибрирует её тельце, и заговорила снова:

— Я знаю, Анечка, ты любишь свою маму.

— Лю... Люблю. Люблю и несчастную... свою мамочку, — ответил едва не срывающийся на рыдания детский голосок.

— Так сделай счастливой свою мамочку. Только ты одна... одна на всей Земле сможешь сделать её счастливой. Это очень просто. Ты стань здоровой и сильной, учись петь. Ты будешь певицей. Твой великолепный и чистый голос будет петь вместе с твоей Душой. Твоя мама может встретиться с тобой через двадцать лет и станет счастливой, увидев тебя. Но твоя мама может приехать к тебе и будущим летом. Ты должна уже к этому времени быть здоровой и сильной. К её приезду. Приготовь

сама своей мамочке подарки. Покажи ей свою силу и красоту, и ты сделаешь счастливой свою мамочку, счастливой будет ваша встреча.

— Но я никогда не смогу быть здоровой. Быть сильной.

— Почему?

— Тётя врач. Она в белом халате. Тётя врач сказала бабушке. Я слышала, как она сказала: “Девочка всегда будет квёлой. Потому что девочка “искусственница”. Я “искусственница”. Меня мама не могла молочком из своей груди кормить. В мамочкиной груди не было молочка. А дети, когда маленькие, у своих мамочек всегда из груди молочко пьют. Я видела, когда в деревню одна тётя приезжала с ребёночком маленьким. Я ходила в дом, куда она приезжала. Мне сильно хотелось посмотреть, как из титечек мамочкиных маленькие дети молочко пьют. Я тихо, тихо старалась сидеть. Но меня всегда выгоняли. Тётя-мама говорила: “Чего смотрит она так и не моргает?” Я моргать глазками боялась, когда смотрела, чтобы ничего не пропустить.

— Ты думаешь, Анечка, тётя врач не ошиблась, сказав, что ты никогда не будешь здоровой и сильной?

— Как же она может ошибаться? Она в белом халате. Её все слушаются — и дедушки, и бабушки. Она всё знает. И что я “искусственница” знает.

— А для чего ты смотреть ходила, как ребёночка кормят из груди?

— Я думала, посмотрю, как ребёночку хорошо, когда с мамочкиной титечки он кушает. Увижу, как ему хорошо, и мне лучше станет.

— Тебе станет лучше, Анечка. Ты будешь здоровой и сильной, — спокойно и уверенно сказала Анастасия. И, сказав это, Анастасия стала медленно расстёгивать пуговицы своей кофточки и оголила грудь.

Как замороженная, словно онемевшая от неожиданности, смотрела Аня на обнажённую грудь Анастасии. На кончиках сосков выступили маленькие капельки грудного молока.

— Молочко... Мамино молочко! Тёточка Анастасия, ты тоже кормишь маленького ребёночка? Ты мама?

— Я кормлю этим молочком своего маленького сыночка.

Капельки грудного молока становились всё больше и больше. Одна капелька затрепетала на ветерке, и ветерок сорвал эту капельку с груди Анастасии...

Худенькое тельце Анятки молниеносной стальной пружинкой рванулось вслед за этой капелькой грудного молока. И она... Представляешь, худенькая и болезненная Анятка ловко поймала эту капельку.

Падая на землю, Анятка подставила свои ладошки — и поймала в выставленные ладошки маленькую капельку грудного молока.

Падая, она поймала её у самой земли. Анятка встала на коленки, поднесла к своему лицу сжатые ладошки, раскрыла их, рассматривая мокрое пятнышко. Потом протянула руки к Анастасии.

— Вот. Я поймала её. Вот она. Не упало молочко для вашего сыночка.

— Ты спасла капельку, Анечка. Теперь она твоя.

— Моя?!

— Да. Только твоя.

Анятка поднесла к губам свои ладошки и прикоснулась к мокрому пятнышку. Закрыв глаза, худенькая девочка долго держала ладошки, прижав к губам. Потом опустила руки, посмотрела на Анастасию и шёпотом, переполняемым благодарностью, произнесла:

— Спасибо!

— Подойди ко мне, Анечка.

Анастасия взяла подошедшую к ней девочку за плечи. Погладила по волосам, потом, посадив к себе на колени, наклонила, как грудного младенца, к груди и тихо запела.

Губы Анятки оказались близко от соска Анастасииной груди. Словно в полусне, Анятка медленно приближала свои губы, к груди Анастасии, коснулась ими влажного соска, слегка вздрогнула и стала жадно сосать переполненную молоком грудь Анастасии.

Судя по диктофону, она проснулась через девять минут. Подняла голову и вскочила с колен Анастасии.

— Я...Ой. Что же наделала я? Выпила молочко вашего сыночка.

— Не беспокойся, Анечка. Ему хватит. Ты только из одной выпила груди, а в другой ещё осталось. Ему хватит. Мой сыночек может и пыльцу цветочков кушать. Если захочет. А ты теперь всё получила, чтобы не бояться быть сильной, красивой и счастливой. Теперь возьми своё счастье от жизни, от каждого дня её.

— Я буду сильной и здоровой. Буду думать, как мамочку встретить, чтобы не переживала она, когда увидит меня, а радовалась сильно. Только петь не смогу. Раньше мы с бабушкой пели. Умерла бабушка. Я дедушку прошу, прошу, он не поёт. Только когда водки выпьет, споёт мне, и я ему подпеваю. Но трудно ему подпевать, хрипит его голос. С радиоприёмником тоже пробовала, но трещит приёмничек наш старенький словами непонятными.

— Ты попробуй, Анечка, пока петь без слов, повторяй голосом за птичками, как услышишь их, за водой, когда журчит она, за шелестом листвы и ветерком, когда сильный он и завывает в ветвях. И у травки звуков много. Много чистых звуков вокруг услышишь, если слышать захочешь. Им и попробуй своим голосом подражать. Они лучшими твоими учителями будут. А я пойду, Анечка, прощай. Пора мне.

Анастасия встала с брёвнышка. Анюта осталась сидеть, прислушиваясь к окружающему её миру звуков. Анастасия подошла к стрелявшему в неё молодому охраннику. Охранник по-прежнему был бледен, с дрожащими руками. Пистолет его валялся рядом на земле. Анастасия сказала охраннику:

— Не вините себя, не терзайте Душу свою. Она не участвовала в ваших действиях. Это инстинкт. Вы научились, не раздумывая над ситуацией, защищать то, что приказано. Вот и выработался инстинкт. Не хорошо, если инстинкт берёт верх над всем в человеке. Когда инстинкт главный, тогда человек не главный. Тогда не человек получается. Вы подумайте, может, лучше вернуться к себе — человеку.

От спокойных интонаций голоса Анастасии у охранника перестали дрожать руки, исчезла бледность с лица. А когда она закончила говорить, лицо охранника до кончиков ушей пылало красным цветом.

Потом Анастасия попрощалась с деревенскими стариками и пошла в сторону тайги. Мы молча долго смотрели вслед уходящей от нас Анастасии. И вдруг услышали необыкновенно чистый детский голос.

Сидящая на брёвнышке Анюта пела какую-то старинную, наверное, услышанную от бабушки песню. И как пела! Чистый голос её брал невероятно высокие ноты, заполняя пространство, и завораживал Душу.

*Дождик поливает,
Брат сестру качает.
Брат сестру качает,
Песню напевает.*

Анюта закончила песню и стала пристально смотреть на нашу всё ещё стоящую без движения группу. Потом Анюта встала, подняла с земли тоненький прутик и сказала:

— Плохие вы дяди. Такие большие, а всё равно плохие. После этих слов она пошла на нас с маленьким прутиком в руке. За ней молча двинулась группа старушек и стариков. И тут мы все, все до единого стали отступать перед ними. Мы пятились до самого стоящего у берега теплохода, потом, толкаясь, быстро взбирались по трапу на теплоход. Когда уже собрались убирать трап, капитан вдруг увидел, что на борту теплохода оказались и два вертолётчика.

— А вы куда забрались? Вертолёт на кого бросили? — крикнул из рубки капитан.

Вертолётчики спрыгнули с теплохода и побежали к своей технике.

Мы уходили, оставив на берегу бочки с горючим и палатки. Никто и не подумал их разбирать.

СОТВОРИ СВОЁ СЧАСТЬЕ

Когда Александр прервал свой рассказ, я не мог не высказать свою неприязнь к нему:

— С вами мне всё ясно. Палатки они оставили. Бочки. Жалко только, что лишь сединой только отделались. Блаженная она — Анастасия. Сразу было ясно, любой нормальный человек с первых слов понял бы, увидев вас. Понял бы, кто перед ним и чего хочет. А она Душу перед вами изливать стала.

— Она всё понимала. Зачем пришли и что хотели от неё. Понимала. Но говорила не с тёмной стороной человеческого “Я”. Она игнорировала тёмную сторону, общаясь только с тем светлым, что было в душе у каждого. Тем и изменила нас всех. Я ведь учёный. Психологией увлекался.

— Также мне учёный. Для чего твоя наука нужна, если задним числом мыслишь?

— Оттого так случается, что жизнь зачастую быстрее и точнее свои события выстраивает. К тому же Анастасия оказалась... Нет, я остерегусь пока давать ей определения, как и другому явлению...

— Какому?

— Как бы это сказать?.. Ну, понимаешь?.. Те старики, старушки из таёжной заброшенной деревеньки, они и сейчас на нас идут. И девочка худенькая с тоненьким прутиком впереди...

— Куда идут? Где?

— На нас, на всех, кто был там и видел их. Я думал, только со мной такое творится, как глаза закрою, так сразу и вижу их, а иногда они возникают, как только совершаю какие-то действия, наверное, по их мнению, непотребные. Я думал, только со мной такое происходит, но я разговаривал с другими... С теми, кто побывал там, такое же происходит.

— Ну, так это в мыслях ваших, в представлениях.

— Какая разница? Отступать перед ними всё равно приходится.

— Что же страшного может быть в немощных и безоружных стариках? Чего вы испугались?

— Мне пока и самому не понятно, чего мы испугались? Может быть, собственной... может быть, мы переступили некую черту вседозволенности?..

— Какую ещё черту? С ума сойти можно с такой философией, может, думать надо во время, когда дела какие-то делаешь?

— Может, думать во время... Всем нам надо задуматься...

— А с чего это ты взял, что после разговора Анастасии с девочкой судьба у девочки поменялась и у матери её? Да ещё и у жителей деревенских?

— Говорю же тебе, я психологией увлекался. Как учёный могу тебе сказать: Анастасия полностью поменяла жизненную программу Анютки.

Брошенный на попечение стариков больной ребёнок, маленькая девочка сидела беспомощная в уголке грязной избы и ждала приезда своей мамы. Её уверяли: “Приедет твоя мамочка. Играть будет с тобой, подарки привезёт”. Уверяли, думая, что дело творят благое враньём. А мать её тем временем в городе спивалась от безысходности. Ложные уверения обрекли девочку на бесплодные ожидания.

Так и мы в своей жизни зачастую ждём сошествия свыше. Кто-то должен прийти и сделать нас счастливыми, изменить судьбу.

Не оттого ли действуем вяло или вообще бездействуем? Не задумываемся, что нам уже и так всего предостаточно дано и пришедшего к нам сами должны встретить с подарками.

Анастасия поменяла судьбу, будущее, своей простотой и искренностью.

Подумать только, самыми простыми человеческими словами можно изменить судьбу.

Я много раз прослушивал запись диалога Анастасии с Анюткой. Думаю, если кто-нибудь другой так же поговорил бы с девочкой, последовал бы тот же эффект. И нужно-то немного, чтобы говорить так же, как она. Нужно не врать. Нужно просто искренне желать помочь человеку. Помочь, а не сочувствовать. Нужно быть свободным от кармических догм или, вернее, быть сильнее их. Можно порассуждать о карме, о безысходности, кармической предначертанности для маленькой больной девочки. Но Анастасия оказалась сильнее этой предначертанности. Она на неё попросту не обратила внимания. И другой так бы смог. Ведь словами всё делалось, обычными нашими словами. Только необходимо, чтобы прозвучали они в нужном месте и в нужное время, в определённой последовательности были сказаны. Сделать это умом трудно. Возможно, что та чистота помыслов, о которой говорит Анастасия, и расставляет эти слова автоматически в определённой последовательности, оттого и действенны они.

— Ну, это всё твои теории, предположения. Надо ещё в жизни реальной посмотреть, в будущем, изменится судьба от каких-то слов или нет. Да что может измениться в жизни для этой девочки? Если только чудо какое-то произойдёт.

— Чудо и произошло. Оказалось, все чудеса в нас.

— Какое чудо произошло?

— Маленькая Анютка перепрограммировалась. Сломала все кармы свои и окружающих.

— Что значит сломала? Тебе это откуда известно?

— Мне известно. Спустя некоторое время поехал я в эту деревушку. Решил отвезти Анютке свой приёмник, раз её хрипит, и антенну им на крыше поставить. Иду к дому Анютки по отремонтированным деревянным мосткам. Раньше они совсем прогнившие были, а тут все прогнившие доски на новые заменены. “Надо же, — думаю, — с чего бы это благоустройство такое?” Деда Анютки увидел сидящим на крыльце и сапоги в ведре моющим. Поздоровался с ним, рассказал о цели приезда.

— Ну ладно, — говорит дед. — Проходи в избу, коли так. Обувку только тебе снять придётся. Порядки, видишь ли, у нас новые заведены.

На крылечке разулся я. Вошли мы с дедом в избу. Там по-простому всё, по-деревенски, только очень чистенько и уютно.

— Внучка вот такой порядок у нас завела, — сообщил дед. — Долго она старалась. Пол драйла, перемыла всё. Больше недели с утра до вечера как заведённая. Отдохнёт и снова за уборку. Стены побелить меня уговорила. А теперь, как в сапогах в избу войду, след на полу остаётся, она тут же тряпку берёт и начинает следы вытирать. Ну, так лучше их не делать, следы. Тапочек у нас нет. Вместо тапочек она калоши старые приспособила. Надень калоши. Присаживайся.

Я присел за стол, покрытый старой, но чистенькой скатертью. В одном месте скатерть была потёртой и на часть потёртости, насколько могла сделать аккуратно детская рука, был пришит цветной лоскуток в форме зайчика. Посередине стола стоял гранёный стакан, в котором аккуратными лепестками торчали уголки тетрадных листиков вместо салфеток.

— Я смотрю, и деревеньку вашу благоустраивать начали. И на вас власти внимание обратили, раз тротуар деревянный отремонтировали, — сказал я деду.

А он мне отвечает:

— Да не власти у нас орудуют. Нет им дела до нас, властям. Это внучка, Анютка, непоседой стала.

— Как — Анютка? Она же маленькая ещё, чтобы тротуар отремонтировать. Там же доски тяжёлые.

— Тяжёлые доски. Да... На охоту я как-то собираюсь. За Анюткой попросил соседку приглядеть. А мне внучка и говорит: “Иди, деда, по делам своим. Не беспокойся, я сама со всем справлюсь. Только разреши мне доску, которая у сарая стоит, попилить.”

Удивился я, да, думаю, пускай играет ребёнок, раз нравится ей так играть. Положил ей доску на полено, дал пилу, ножовку и пошёл на охоту. Потом соседка рассказала.

Анютка куски трухлявой доски из мостиков повытаскивала. Верёвочкой размер сняла и по этому размеру доску, что я ей дал, пилить стала. Полдня, говорит соседка, пилила Анютка доску, но справилась всё-таки. Потом и притащила доску к мосткам, приладила её на место, где была трухлявая.

— Да как же она, такая худенькая, слабенькая, могла дотащить тяжёлую доску?

— Помощник у неё обзавёлся. Ещё два месяца назад подружилась она с псиной осиротевшей, лайкой сибирской. Бабка одна умерла на другом краю деревни нашей. Здоровая псина осталась. Ещё на похоронах Анютка всё гладила её. Потом поест ей носила. Лайка эта сначала от двора своего не уходила, хоть и не было никого в избе. Одна старуха жила. Анютка собаку несколько дней кормила. Она и пошла за Анюткой, так теперь и ходит за ней неотступно. Помогает псина старая во всех причудах внучкиных. Вот и доску помогла тащить. Верёвкой доску Анютка обмотала за один конец, сама взялась тащить, за другой — псина эта здоровенная зубами уцепилась, так и притащили они её к мосткам. А потом Анютка у соседки гвоздей попросила, молоток мой взяла. И давай пытаться доску приколачивать гвоздями к месту. Да не получалось у неё. Соседка увидела, как сидит Анютка на мостках, заколотить гвоздь пытается. Руку себе молотком в кровь сбила. Псина рядом сидит, смотрит и скулит.

Соседка подошла, отобрала молоток и приколотила ту доску гвоздями. Назавтра, к вечеру, увидела соседка, как Анютка вместе со своей собакой снова доску тащит. Новую дырку на мостках латать.

“Ты что же, Анютка, так и будешь ко всем дыркам доски новые прибивать? Другое занятие, девичье, не можешь для себя придумать?” — спрашивает соседка. Внучка ей и отвечает: “Очень надо, тёточка, так сделать, чтоб мостки вдоль всех домиков были новые, без дырок. А то гости вдруг придут в какой-нибудь дом, пойдут по мосткам, а на них дырки, и испортится у гостей настроение весёлое. И мамочка моя, как придет, может расстроиться мосткам несправедливым”.

Соседка приколотила вторую доску. А потом скандалить со всеми стала соседка. Ходит по дворам, кричит баба на всех: “Ремонтируйте мостки у своих домов! Не могу смотреть, как ребёнок из-за вашего разгильдяйства мается. Руки в кровь избивает”.

Так, смотришь, и отремонтировали мостки, каждый у своего дома. Чтоб не слышать, как баба скандалит.

— А где же сейчас ваша внучка? — спросил я у старика.

— Краску она до крайней избы потащила, там, наверное, и заночует в крайней избе, у стариков Лосиных. Да... Там может и заночевать...

— Какую краску, зачем?

— Обыкновенную краску, масляную, ярко-оранжевую. У теплохода она краску за рыбу выменивает. Блажь теперь у внучки новая поселилась.

— Какая блажь?

— Решила она, чтоб все избы весёлыми выглядели. Радостными. Как теплоход подходит, ну, тот теплоход, что рыбу отловленную собирает, она им рыбу тащит, за краску всю отдаст. А потом банку эту в какую-нибудь избу тащит. Просит, чтоб наличники вокруг окон покрасили. Старики и красят. Скоро до меня очередь дойдёт. Ладно уж! Покрашу. Отчего же не покрасить. Может, и лучше, если покрасить, если избы веселее будут снаружи выглядеть.

— А где она рыбу берёт?

— Сама рыбу и ловит. Каждый день хоть три, хоть две белорыбицы да притащит утром, а бьёт, и больше. Хоть бы раз не притащила, так нет же, цепляются рыбины на её крючки. А мне каждое утро с моим радикулитом: вставай, и всё тут. “Вставай, деда. Засоли рыбу, чтоб не пропала”. Каждое утро так, — ворчал беззлобно дед.

— Как же ей удаётся со снастями справиться? Одной?

— Так говорю ж тебе, помощник у Анютки, лайка эта старая, сибирская. Псина старая, да умная, слушается её. Во всех причудах способствует. Закидушку мою с пятью крючками Анюта берёт, наживку на крючки приспособит и с лайкой к реке вечером, место там у неё излюбленное. Один конец лески к штырю на берегу привяжет, потом на палку леску набросит, псина эту палку в зубы и плывёт. Плывёт, пока Анютка на берегу ей вслед непрерывно так приговаривает: “Пльви, Дружок, пльви, Дружок”. Собака и затаскивает закидушку, пока Анютка ей с берега приговаривает. А как до места дотащит, Анютка по-другому приговаривать начинает: “Ко мне, Дружок, ко мне, Дружок”. Собака палку из пасти выпускает и обратно к берегу. Ну ладно, давай спать.

Старик полез на печь. А я прилёг на деревянный диван. Проснулся на рассвете, вышел во двор и увидел. Внизу у реки Анютка, взявшись за кольцо, тащила закидушку. Огромная сибирская лайка помогала ей. Лайка, вцепившись зубами в кольцо, упиралась, пятилась назад. Они вместе тащили закидушку с приличным уловом.

Анютка была обута в явно размера на три больше, чем ей нужно, резиновые сапоги. Обута на босу ногу.

Когда улов был подтащен к берегу, она схватила сачок и побежала вытаскивать рыбу. Лайка упиралась лапами, держала в зубах кольцо. Анютка зашла в воду больше, чем позволяли сапоги, и вода стала заливаться за голенища её сапог.

Вытащив на берег, она сняла с крючков три приличные рыбины, положила их в мешок. Потом они с лайкой, взявшись за верёвку, тащили фанерку, на которой лежал этот мешок.

В Анюткиных сапогах хлопала вода, мешая ей идти. Анютка остановилась, сняла один сапог, потом второй и, стоя босыми ногами на холодной земле, выливала из них воду. Обувшись в мокрые сапоги, она продолжала своё дело.

Когда они вместе с лайкой дотащили утренний улов до крыльца, я посмотрел на лицо Анютки и был поражён.

Пылающие румянцем щёки, блестящие решимостью глазёнки и затаённая на губах счастливая улыбка делали её уже совершенно не похожей на жёлто-бледную, прежде болезненную девочку. Анютка стала будить деда, и он, пыхтя, слез с печи, накинул куртку, взял нож, соль, пошёл разделять рыбу. Когда Анютка поила меня чаем, я спросил, зачем она в такую рань ежедневно притаскивает домой рыбу?

— Дяденьки с теплохода, что на реке, приходят и забирают у нас рыбу. Мне деньги дают. А ещё я их краску для домиков попросила привезти. Они привезли за рыбу. И материю красивую на платье привезли. За эту материю я им всю рыбу отдала, что за неделю поймала,— ответила Анюта и достала большой кусок великолепной шёлковой ткани.

— Так здесь, Аня, не на одно платье хватит. Зачем тебе столько много? — спросил я.

— Это не мне. Это для мамочки моей подарок я приготовила, когда мамочка моя приедет, я ей ещё и платочек подарю красивый и бусы длинные тоже подарю.

Анютка вытащила из потёртого старого чемодана импортные женские колготки, жемчужные бусы, великолепный цветастый платок:

— Пусть не расстраивается мамочка, что не может мне подарок купить. Я сама теперь ей всё покупать буду. Чтоб не думала мамочка, будто жизнь её не сложилась.

Я смотрел, как она радостно показывает мне подарки для своей мамочки, вся счастливая, любитесь ими, и понял: из совершенно беспомощного, жалкого и ожидающего чьей-то помощи существа

маленькая Анютка превратилась в деятельного, уверенного в себе человека. И тем счастлива, что получается у неё, а может быть, ещё от чего-то её счастье... Теперь, я думаю, счастье каждого внутри у каждого. Оно в определённом уровне осознанности. Только с помощью чего достичь этого уровня, вот в чём вопрос! Анастасия помогла маленькой Анютке. Сумеет ли помочь она всем остальным? А может, нам самим нужно как-то соображать научиться...

Александр замолчал, и мы стали думать каждый о своём.

Закутавшись в полушубок и положив голову на бревно, я стал смотреть на яркие северные звёзды, казалось, они были совсем низко над нами и тоже обогривались пламенем костра. Я попытался заснуть.

Поспав часа три, на рассвете мы с Александром подошли к катеру. Но прежде чем оттолкнуть катер от берега, Александр вдруг заявляет мне:

— Думаю... Уверен. Не стоит тебе в тайгу идти. Не найти тебе теперь Анастасию. Никому не найти, и тебе тоже.

— Почему?

— Ушла Анастасия. Ушла вглубь. Не могла она не уйти. Ты, если пойдёшь, погибнуть можешь. Не приспособлен ты для тайги. А тебе ведь писать ещё нужно. Выполнить обещанное ей.

— Чтобы писать дальше, мне необходимо услышать её ответы на многие вопросы читателей. О воспитании детей, о религиях...

— Не найти теперь её никому.

— Да что ты заладил, не найти да не найти. Я знаю, где поляна её находится, найду.

— Не найти, говорю. Анастасия не может не понимать, что охота на неё началась.

— Какая охота? Местных охотников кто-то подкупает? Как вас с Егорычем?

— Да мы с Егорычем убедить пытаемся, чтоб не мешали ей, не тревожили. Когда убедить не удаётся, отвозим на противоположный берег. Охотников местных не подкупить, у них свои законы и ценности свои. Про Анастасию они до тебя ещё знали. Относились к ней с глубоким уважением. Даже между собой говорили осторожно, не понравится охотникам постороннего в тайге видеть, а стреляют они метко.

— Кто же тогда за ней охотиться может?

— Думаю, это тот, кто привёл нас к сегодняшнему дню такими, как мы есть... И дальше вести продолжает.

— А конкретнее?

— А конкретнее каждому самому вычислять нужно.

— Ну, а всё же, ты кого имеешь в виду? Таких, как Борис Моисеевич?

— Что он, лишь орудие. Нечто незримое с нами играет. И Борис Моисеевич сейчас понимать это стал, и тот, кто за ним стоял, тоже, похоже, понял.

КТО МЫ?

— Месяц назад Борис Моисеевич снова приезжал в эти края, — рассказывал мне Александр. — Он был уже без охраны и помощников. Тихий и задумчивый, разыскал меня. Проговорили мы с ним целый день. Скорее, это был не разговор, а его исповедь. Не мне, конечно, а самому себе исповедь. Он подарил мне копию своего отчёта о контакте с Анастасией. Я сделал для тебя выписки из него, хочешь, прочитаю?

— А для кого этот отчёт делался?

— Не знаю, и сам Борис Моисеевич не знает. Со своим заказчиком он встретился в солидном зале с камином. Заказчик назвался представителем Международной академии. А академий сейчас много развелось попробуй, разберись, какая наиболее серьёзная. Сейчас ведь о серьёзности по величине финансирования стали судить.

Заказчик этот на финансирование не скупился, всю поездку оплатил сразу наличными, премию пообещал группе немалую и включение всего отдела, возглавляемого Борисом Моисеевичем, в серьёзную научную программу, связанную с Анастасией.

Когда Борис Моисеевич с ним после возвращения встретился и отчёт ему представил, заказчик просмотрел отчёт бегло. Похоже, он уже был информирован, бросил листки с отчётом в камин, а Борису Моисеевичу сказал:

— Перед вами стояла задача налаживания контакта с объектом "X", как вы сами называли Анастасию. Вы применили при выполнении задачи не только свои научные методики, способности к

убеждению, но и насилие. Насилие — это ваша инициатива. Мы решили удвоить ваш гонорар за организацию экспедиции, но на будущее прервать с вами наши взаимоотношения. Получите свой гонорар, — указал он на дипломат, стоящий рядом с креслом, — и забудьте об экспедиции.

Борис Моисеевич пытался объяснить, что насилие произошло случайно и ему самому вся история неприятна, и он понимает, какой вред для будущих контактов с Анастасией нанесла неловкость их группы, и потому он лично отказывается от гонорара вообще.

И тогда сидевший у камина человек встал с кресла и, не терпящим возражения голосом, произнёс:

— Возьмёшь. И уйдёшь. Не ради дела твоё рвение было, а ради денег. Так получи их. Больше ты нам не понадобишься.

Борис Моисеевич взял дипломат с деньгами и вышел из обширного кабинета-зала. Он пытался делить деньги поровну между участниками экспедиции, но не все их брали. Эти деньги словно подчеркивали величину чего-то неприятного, содеянного людьми, участниками экспедиции.

— Почему ты мне только выписки сделал из этого отчёта? — спросил я у Александра.

— Судя по книге, ты не очень-то любишь читать труды, изобилующие непонятными для тебя терминами. Я постарался главное выписать, и без особой терминологии.

— Ну и что они говорят об Анастасии?

Александр достал из кармана печатные листки и прочитал мне:

— “Объект “X” не может быть подвергнут исследованиям обычными, известными нам сегодня научными способами.

Критерии оценки, общепринятые в научных кругах, неизбежно создадут определённые рамки, оставив за ними неизвестные ранее свойства и возможности явлений, возникающих и связанных с отдельными ситуациями, скорее всего, при меняющемся психическом состоянии объекта “X”.

Как информационный источник в различных областях научных изысканий, “объект” может быть непревзойдённым относительно известных науке источников.

Сам объект, скорее всего, носителем информации не является. Простого интереса к получению и анализу информации не имеет, однако при возникновении значимой для него цели и — как следствия — желая информация поступает к нему в отобранном кем-то виде и необходимом количестве и мгновенно может находить практическое применение объектом “X”.

Наша группа смогла дать лишь некоторые гипотезы. Но и подтвердила “опытным” путём ряд высказываний объекта “X” относительно растений. Констатировала факт существования луча. Научные термины “торсионное поле”, “радиоволновые излучения” здесь, скорее всего, не подходят. Они если и могут быть использованы, то лишь потому, что нет других, наиболее подходящих.

Самым невероятным и сомнительным, на наш взгляд, предполагалась возможность заложить, спрятать в тексте книги сочетания и знаки, по терминологии объекта “X”, “глубин вечности и бесконечности космоса”.

По утверждению самого объекта, эти знаки могут благотворно воздействовать на людей.

Мы предполагали провести серию опытов, сопоставив параметры физиологических изменений в человеке до и после прочтения книги, с помощью приборов, применяемых в медицине. Однако теперь это большого смысла не имеет.

Уже сейчас мы вынуждены констатировать бесспорность их существования. Их воздействие происходит не через физиологические, материальные органы, а на каком-то неосоздаемом, нематериальном уровне социума.

Создаётся впечатление, что в среде живущего на земле сообщества людей начинает происходить реакция, которую мы не в состоянии контролировать, а следовательно, и остановить.

Основным фактом, подтверждающим её существование, служит психическая реакция соприкоснувшихся с книгой людей. Опрос, тестирование, анализ корреспонденции читателей свидетельствуют о возникновении у большинства творческого порыва, который выражается в форме поэтических сочинений, создания рисунков, песенного творчества. У многих появляется потребность прикоснуться к растению, посадить растение, изменить профессию. В отдельных случаях после прочтения наступает значительное улучшение самочувствия, исчезновение симптомов заболевания.

Нами проведён эксперимент над тридцатью имеющими разные заболевания людьми. Им было предложено в кабинете психотерапии и лечебного сна чтение текста книги. У двадцати семи наблюдалась эмоциональная сосредоточенность, сон не наступал, в крови повышался гемоглобин. Если предположить, что реакция читателей происходит за счёт яркости литературно-художественного образа, то можно утверждать — данный образ по своему психологическому воздействию превосходит на несколько порядков все ранее известные, включая классические и библейские.

Беспорность данного утверждения показывает процентное отношение читателей, выразивших своё отношение в поэтической или иной творческой форме. Среднестатистически оно выражается как 1 к 19. При этом сам стиль изложения автора прост до примитивизма. Не соблюдаются устоявшиеся каноны литературно-художественного творчества, в тексте присутствуют грамматические ошибки. Но при этом тестирование текста с помощью компьютерной программы удобочитаемости показывает, что удобочитаемость составляет восемьдесят и более процентов!

При непосредственном контакте с объектом “X” мы наблюдали явление, нигде ранее не встречавшееся и не соответствующее ни одному из наблюдаемых и описанных уфологами.

Мы наблюдали шарообразный энергетический сгусток, похожий на большую шаровую молнию. Его энергетический потенциал превосходит существующие представления сегодняшней науки о силе природных энергий. Его способность локально менять гравитационное поле земли даёт ему возможность в одно мгновение превратить в космическую пыль всё, что не держится корнями за землю.

В момент нашего контакта гравитация земли была изменена незначительно, но при увеличении его усилий мы и все материальные предметы могли попросту оказаться в бездне космоса, при этом вокруг объекта “X” гравитационное поле не менялось, что говорит о возможности избирательности действий.

Изменению земного притяжения явно предшествовало уменьшение голубого спектра дневного света.

В качестве гипотезы можно предположить, что так называемое притяжение земли зависит не от самой земли, её массы, а от светового давления, исходящего от неких космических объектов, энергий или созданной кем-то оболочки земли.

Объект “X”, несмотря на возможность получения больших объёмов информации, не стремится к её анализу и воспринимает получаемое на уровне чувств, интуиции, отчего и происходит впечатление наивности. Взаимоотношения объекта “X” с энергетическим сгустком обыденны и просты, они строятся на уровне чувств, при полном отсутствии подобострастия, преклонения. При взаимоуважении друг к другу они сохраняют полную свободу действий.

Наблюдаемый нами светящийся энергетический сгусток обладает разумом и, что самое невероятное, чувствами, такого не отмечалось уфологами ни в одном НЛЮ. Свидетельством чувственности служит то, что при контакте лучи энергетического сгустка поглаживали ноги и волосы объекта “X” и сам он своими действиями реагировал на эмоциональное состояние объекта “X”.

Одновременно с возможностью физиологического воздействия на материю виденный нами объект обладает способностью к психологическому воздействию.

В качестве гипотезы объект “X” можно отнести к земному человеку, с которым периодически входят в контакт представители внеземной цивилизации, или с ним общается некое природное явление, неподверженное изучению.

В качестве гипотезы можно было бы и сам объект “X” отнести к одной из внеземных цивилизаций, однако заявление самого объекта: “Я человек. Женщина”, мешает нам это сделать. Подобное заявление ставит нас в тупиковую ситуацию, так как возникает вопрос: “Кто же тогда мы?” Или по-иному: “По пути прогресса шло человечество или по пути регресса?”

МУТАНТЫ, СОТВОРЁННЫЕ ЛЮДЬМИ

— Ладно, хватит, — прервал я Александра. — Для меня Анастасия — отшельница. Пусть с необычными способностями, но, думаю, Она — Человек. Лучше пока на это надеяться. Если во всё вдумываться, крыша может съехать. Заводи свою тарихтелку, поехали.

До заброшенной деревушки катер доставил нас часа за четыре. Когда я уже высадился на знакомый берег, Александр тоже вылез из катера и снова за своё:

— Ушла Анастасия, Владимир, ты подумай хорошенько, может, всё-таки отменишь свой поход к таёжной поляне? Не дойти тебе до неё.

— Пойду. — Я поднял рюкзак, чтобы надеть его на плечи, и вдруг увидел, как Александр вытаскивает из ножен большой охотничий нож.

Бросив рюкзак, я стал искать на земле что-нибудь подходящее для обороны. Но Александр, оголив по локоть правую руку, вдруг сам себя полоснул ножом по руке. Хлынувшую из раны кровь он закрыл своим белым льняным шарфиком. Потом он попросил меня взять из катера аптечку и перевязать ему руку. Ничего не понимая, я сделал это. Он протянул мне испачканный кровью шарф:

— Повяжи на голову.

— Зачем?

— По крайней мере, охотники тебя не тронут. В раненых они не стреляют.

— Да что они, дураки, что ли, твои охотники? Подойдут, сразу увидят бутафорию.

— Они не подходят. Зачем рисковать? Тропы и уголья у каждого свои. Если с добром человеку в тайгу надо, то сначала он поговорит с охотниками, расскажет о себе, о намерениях, согласует поход свой. Если с добром, они помогут, посоветуют и проводить сами могут. Про тебя они ничего не знают. Могут и не разбираясь шлёпнуть, но в раненого они не стреляют.

Я взял испачканный в крови шарф, повязал его на голову.

— Может быть, спасибо тебе сказать надо, но что-то не хочется спасибо говорить.

— И не надо. Не за спасибо я. Просто хоть что-то хочется сделать. Возвращаться будешь, костёр на берегу разожги. Время от времени проходить недалеко буду, дым увижу — заберу тебя, если сможешь вернуться.

При подходе к тайге я увидел, что метрах в ста от меня идут две собаки. “Наверное, деревенские, — подумал. — Хорошо бы поближе подошли ко мне, всё-таки с собаками спокойнее”. Я даже попробовал поманить их к себе, но собаки не подходили, продолжая двигаться параллельным мне курсом, так и вошли мы в тайгу. Зря пугал меня Александр. Не показалась мне тайга враждебной. Может быть, из-за ощущения, что здесь, среди этих деревьев и завалов, живёт Анастасия, а она хоть и странный, но всё же добрый человек. Но главное — в этой тайге с её завалами, необычными для городского жителя звуками и воздухом живёт мой родной сын. От такого осознания тайга чуть-чуть роднее стала казаться.

Двадцать пять километров от берега до поляны пройти труднее, чем по простой дороге, потому, что приходилось то через дерево поваленное перелезть, то кусты обходить. Когда с Анастасией шёл, за разговорами не замечались такие преграды. Главное, чтоб с направления не сбиться из-за них, и я всё чаще стал поглядывать на компас, подумал: “Как же Анастасия находит поляну без компаса? И тропы никакой нет”.

Отдыхая через каждый час пути, я к полудню добрался до мелкой речушки метра два шириной. Когда с Анастасией шёл, мы тоже пересекали речушку. Я решил перейти на другой берег и сделать длительный привал на примыкающей к реке поляне. Пошёл по упавшему в речку стволу полусгнившего дерева. Дерево не доставало немного до берега, и я сначала бросил рюкзак, потом прыгнул сам. Да как-то неловко получилось. Нога попала на какую-то корягу и подвернулась, или что-то растянулось в ней. Очень сильная боль пронзила ногу и даже в голове отдалась. Немного полежав, я попытался встать и понял, что идти не смогу. Так и лежал, раздумывая, как быть дальше. Я пытался вспомнить, что обычно делать нужно, когда подворачивается нога или растяжение происходит. Но вспоминалось плохо, наверное, боль мешала вспомнить. Потом решил: буду лежать, перекушу, может, боль утихать начнёт. Если понадобится, костёр разведу, переночую. К утру, может, точно нога поправится. На человеке ведь всё постепенно заживает.

И тут я снова увидел собак. Их было уже четыре, а с другой стороны — ещё две. И они никуда не шли. Они залегли с разных сторон, метрах в десяти от меня. Собаки были разнопородными, одна - эрдельтерьер, другая боксёр, остальные какая-то помесь. И маленькая болонка среди них была. Шерсть на собаках — клочьями, худые, у эрдельтерьера гноились глаза. Я вспомнил рассказ помощника капитана о подобных собаках. И от осознания ситуации даже боль в ноге на какое-то время ощущать перестал.

Помощник капитана штабного теплохода рассказывал, как люди, желающие избавиться от своих четвероногих, отвозят их куда-нибудь подальше и бросают. Если бросают в черте города, кошки и собаки группируются вокруг помоек, дающих им хоть какое-то пропитание. Когда собак отвозят в глухие места, подальше от города, они сбиваются в стаи и добывают себе пропитание, нападая на живность. И на людей, особенно одиночек, нападают. Собаки эти — пострашнее волков. Они стараются подстеречь подраненную или выбившуюся из сил жертву, набрасываются на неё одновременно. Сбившиеся в стаи, бездомные, озверевшие собаки пострашнее волков ещё и потому, что они лучше волков знают повадки людей и ненавидят их. Они — злые на людей, охотиться на дичь, как волки, у них опыта нет, на людей — есть.

Особенно страшно, если в стае такой окажется хоть одна собака, которую тренировали нападать на человека.

У меня была собака, и я тоже водил её в собачью платную школу. Там среди прочих упражнений по выполнению всяких команд есть и упражнение по нападению на человека. В собачьей школе помощник инструктора надевает на себя ватное пальто с длинными рукавами и собаку учат на него

нападать, кусать с остервенением. Если собака хорошо выполняет упражнение, её за это поощряют, лакомство дают. Вот и доупражнялись, умники.

Интересно, есть ли хоть одно существо на белом свете, кроме человека, которое занималось бы обучением других видов существ в нападении на себе подобных?

Окружившие меня собаки сжимали кольцо. Подумалось: “Надо как-то показать им, что я живой ещё, могу двигаться, обороняться”. Я поднял короткую палку и швырнул в большую ближайшую и облезлую псину. Собака увернулась от палки и снова залегла. Палок поблизости больше не было. Тогда я достал из рюкзака две жестяные банки с консервами. Пока доставал, самая маленькая собака — болонка — подкралась сзади, рванула меня зубами за штанину и отскочила, остальные собаки наблюдали. Наверное, остальные собаки смотрели, какая у меня будет реакция на нападение болонки.

Я швырнул одну банку в крупного ближайшего пса, другую в болонку. Больше бросать было нечего. В сознании наступила какая-то безысходность.

Я представил, как собаки будут рвать моё тело и жрать его куски, а я при этом, некоторое время в сознании находясь, буду видеть всё, корчиться от боли, потому что мгновенно собаки убить не смогут. И у меня с собой ничего нет такого, чтоб умереть быстро, без длительных мучений.

Ещё жалко стало, что рюкзак с подарками для Анастасии от читателей не донёс и для сына в рюкзаке разные детские штучки, необходимые для маленького ребёнка, тоже не донёс.

Полрюкзака занимали письма от читателей с вопросами, просьбами. Много писем. Необыкновенных писем. О Душе они, о жизни, и стихов много. Может, непрофессиональные стихи, не всегда в рифму, но чем-то хорошие. И вот теперь пропадёт всё. Сгниёт здесь. И тут как-то само собой придумалось. Решил написать записку и вложить в целлофановый мешок с письмами. Записку! Если кто найдёт рюкзак, пусть заберёт себе всё содержимое, и деньги тоже заберёт. А письма читателей, дочери моей, Полине, перешлёт. И написал в записке, чтобы она издала их, когда гонораров за книжки на то достаточно накопится. Нельзя допустить, чтоб столько стихов искренних зря пропало. Многие вообще, может, первый раз стихи написали, от Души они получились. И их единственное в жизни стихотворение пропадёт.

Записка эта с трудом писалась. Руки дрожали. От страха, наверное. И чего человек за жизнь так цепляется, даже в ситуации, когда абсолютно ясно, что всё кончено? Но я дописал записку, вложил её в целлофановый пакет с письмами и обвязал пакет потуже, чтоб влага не попадала. И тут увидел, как окружившие меня псы, подбравшиеся уже совсем близко ко мне, вдруг начинают совершать странный манёвр. Они один за другим переползали от меня. Некоторые привставали и смотрели в другую сторону, не на меня, и снова залегали, как в засаде. Я встал на ногу, чтобы посмотреть, что их отвлекло. И увидел... Увидел, как вдоль ручья стремительно бежала Анастасия.

Она бежала своим красивым бегом, от которого развивались её золотистые волосы.

Сначала я залюбовался этой картиной, но вдруг меня осенило: собаки! Они почувствовали, что добычу их могут отобрать, и готовились к нападению на стремительно приближавшуюся к нам Анастасию.

Изголодавшиеся, озверевшие псы будут с остервенением драться за свою добычу до конца. Одна Анастасия ничего с ними сделать не сможет. Псы её растерзают, и я закричал, насколько сил хватило:

— Стой! Стой, Анастасия! Собаки. Псы здесь озверевшие! Не беги сюда, Анастасия! Остановись!

Анастасия услышала, но нисколько даже не замедлила своего стремительного бега. Только руку вверх на бегу подняла и помахала. “Что она наделала? — подумал я. — Теперь и явление это необычное помочь ей не сможет”.

Быстро-быстро я достал из рюкзака маленькие стеклянные бутылочки с соком для детского питания. Стал метать бутылочки в собак, пытаясь отвлечь их на себя. Одной бутылочкой я попал, но собаки не обращали на мои попытки никакого внимания.

Понимали, наверное, псины, кто для них реальная угроза. Псы бросились на Анастасию одновременно с разных сторон, как только она вбежала в их круг. И тут... Эх, эту картину нужно только видеть. Анастасия всю энергию своего бега превратила во вращение. Она вдруг со всего разбега резко закружилась волчком, как балерины на сцене делают, только быстрее. Ударившись о вращающееся, как волчок, тело Анастасии, собаки разлетелись в разные стороны, не причинив ей вреда, но тут же стали готовиться к новому нападению на остановившего своё вращение человека.

Я пополз навстречу Анастасии. Она была одета в своё короткое лёгкое платьице. Если б хоть телогрейка была на ней, телогрейку труднее собакам прокусить.

Анастасия припала на одно колено. Она стояла в кругу озлобленных, полу-взбесившихся от голода собак, но лицо её не выражало страха, она смотрела на меня и быстро говорила:

— Здравствуй, Владимир. Ты только не пугайся. Ты отдохни немножечко. Расслабься. Ты не беспокойся, они ничего не сделают мне, эти голодные собачки. Не беспокойся.

Две здоровенные псины снова с разных сторон бросились на стоящую на одном колене Анастасию. Не переставая что-то говорить, она молниеносным движением рук, одновременно двумя руками, во время их прыжка схватила каждую собаку за переднюю лапу и перевернула собак в воздухе, чуть отклонив своё туловище, давая собакам столкнуться друг с другом и шлёпнуться на землю.

Псы снова залегли, наверное, обдумывая новую атаку, они готовились к атаке, но не напали.

Анастасия встала, взметнула руку вверх, потом резко опустила, два раза шлепнув себя по ноге.

Из-за ближайших зарослей кустов мгновенно выскочили четыре матёрых волка. В их стремительных прыжках была такая решимость, что, казалось, они не будут разбирать, в каком количестве и какой силы перед ними противник. Они вступят с ним в бой.

Собаки поджали хвосты и бросились наутёк. Волки пронесли мимо меня, обдав горячим дыханием. Следом за волками, изо всей силы пытаюсь не отстать и оттого мельтеша частыми мелкими прыжками, мчался совсем молодой волчонок, похожий на щенка овчарки. Поравнявшись с Анастасией, он вдруг затормозил всеми четырьмя лапами, даже перевернулся. Вскочил и два раза лизнул на босой ноге Анастасии свежую царапину.

Анастасия быстро схватила волчонка поперёк туловища и приподняла от земли:

— Ты куда это? Рано тебе. Мал ещё.

Волчонок весь задёргался в руках Анастасии, заскулил, как щенок. Ему удалось вырваться, или она сама его отпустила. Только оказавшись на земле, волчонок быстро ещё раз лизнул царапину и припустился догонять волчью стаю.

— Ну почему? — стал я говорить подбежавшей ко мне Анастасии. — Почему ты сразу волков не позвала? Почему?

Анастасия улыбалась, быстро ощупывала мои ноги, руки. Чистым, успокаивающим голосом говорила:

— Не волнуйся, пожалуйста. Собачкам показать необходимо, что человек всегда сильнее их. Волков они и так боятся. А на человека нападать стали. Теперь не будут на человека... Ты не волнуйся. А я, когда почувствовала, поняла, что ты идёшь... Побежала навстречу. Зачем ты так рисковал? Пошёл... А я потеряла тебя сначала, потом догадалась...

Анастасия отбежала в сторону, сорвала какой-то травы, потом поискала в другом месте и снова сорвала траву. Она растирала траву в своих ладонях и осторожно тёрла влажными ладонями больную ногу. И говорила не останавливаясь:

— Пройдёт. Быстро пройдёт. До свадьбы заживёт.

Я заметил, она употребляла разные поговорки, и спросил:

— Ты откуда поговорки наизучала?

— Слушаю иногда, как разные люди говорят. Чтоб научиться больший смысл во фразе короткой отобразить. А тебе не нравится?

— Невпопад у тебя иногда получается.

— А иногда всё же впопад? Здорово, когда впопад?

— Какой “впопад”?

— Так ты же это слово первый произнёс. Я повторила только.

— Скажи, Анастасия, далеко ещё до поляны твоей?

— Ты половину пути проделал, мы вдвоём теперь быстро дойдём.

— Быстро, наверное, не получится, нога пока болит.

— Да, ещё немножечко болеть может. Пусть отдохнёт нога, а пока я помогу тебе идти.

Анастасия легко подняла тяжёлый рюкзак, повернулась ко мне спиной, опустила на одно колено и предложила:

— Ты за меня хватайся. Садись на меня. На спину, — она говорила так быстро и решительно, что я и залез ей на спину, обхватив руками за шею. Анастасия быстро встала и легко, вприпрыжку побежала. И всё говорила, говорила на бегу.

— Тебе не тяжело? — спросил я через некоторое время.

— Своя ноша не тянет, — ответила Анастасия и ещё добавила со смехом:

— Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик.

— Стой. Дай слезу. Сам попробую идти.

— Но мне не тяжело. Почему сам?

— А что ты про мужика? “Я и баба и мужик”?

— Так это же просто поговорка такая. Не к месту проговорила её, да? Ты обиделся?

— Неважно, просто сам хочу попробовать идти. Ты только рюкзак понеси ещё немного.

— Если самому идти, тогда надо отдохнуть твоей ножке хотя бы час ещё один. Ты посиди пока, я быстро, я сейчас. — Анастасия убежала на некоторое время. Вернулась с пучком разных трав и снова стала втирать их в ногу около ступни. Потом присела рядом, хитро как-то и с улыбкой смотрит на рюкзак и вдруг спрашивает: — Скажи, пожалуйста, Владимир, что в рюкзаке твоём?

— Некоторые письма читателей. Подарки тебе от них же. И я купил кое-что для ребёнка.

— Ты мог бы сейчас, пока отдыхаем, показать мне подарки?

— А ребёночка, сына, ты мне покажешь? Не будешь говорить, что не должен он меня видеть, пока не очищусь?

— Хорошо. Я покажу тебе нашего сына. Только не сразу. Завтра покажу. Сначала ты поймёшь немножко, как общаться с ним. Ты быстро поймёшь, как увидишь.

— Пусть завтра.

Я развязал рюкзак и стал доставать сначала подарки для Анастасии. Она брала бережно в руки каждую вещь, с интересом рассматривала её, гладила. Стала звонить в валдайские колокольчики, которые подарила ей Ольга Сидоровна. А когда я подал ей красивый большой цветастый платок, подаренный тоже очень доброй женщиной Валентиной Ивановной, сразу понял: женщины есть женщины, много в них одинакового.

Анастасия взяла платок, развернула его. Потом она проделала с платком массу манипуляций. Повязала платок себе на голову так, как на шоколадке с картинкой “Алёнушка”, и ещё на разный манер.

Анастасия, смеясь, завязывала платок на талии, как цыганка, набрасывала его на плечи и прохаживалась передо мной в каком-то народном танце. Потом свернула аккуратно платок и положила на выложенные на траве подарки, сказала:

— Ты, пожалуйста, скажи, Владимир, каждому человеку. Передай от меня слово “спасибо” каждой женщине за тепло их Души, присланное с этими вещами.

— Передам, кого увижу. Но больше мне показывать тебе нечего. Остальное не для тебя. Для сына. Всё необходимое. Ты этим пользоваться не можешь, я тебе сам на месте покажу, как придём.

— А сейчас почему не хочешь? Всё равно же сидим, отдыхаем. Мне очень интересно посмотреть.

Я не хотел показывать Анастасии то, что купил для сына, потому что помнил её слова, которые она сказала ещё при первой нашей встрече: “Тебе захочется приобрести для сына всякие бессмысленные побрякушки, но они ему не нужны, они нужны тебе. Для самоудовлетворения. Какой я хороший, заботливый”. Но всё же решился показать, потому что и самому было интересно, как она отнесётся к достижениям нашей цивилизации в заботе о детях. Я стал показывать Анастасии подгузники и рассказывать, как они эффективно действуют по впитыванию влаги, когда ребёнок в них мочится, и от того кожа ребёнка не преет. Рассказывать всё то, что видел в рекламе по телевизору. Питание детское показал.

— Видишь, Анастасия, это питание детское, оно — просто шедевр. В нём есть все вещества, для ребёнка необходимые, витаминные добавки в нём тоже есть. А главное, готовить его можно без проблем. Разбавляй в теплой воде — и каша готова. Поняла?

— Поняла.

— Ну вот, не зря, значит, трубы заводов дымят нашего технократического мира. Есть среди прочих и трубы заводов, которые выпускают такое вот питание для детей, упаковку. Видишь, на упаковке ребёнок какой красивый, розовощёкий, улыбающийся изображён?

— Вижу.

Самым последним я показал Анастасии детский конструктор и сразу прокомментировал:

— Это конструктор детский. Конструктор — не бессмысленная погремушка. Здесь написано, он специально разработан для развития ребёнка. Можно из него машину сделать, как на этой картинке, можно паровозик, самолётик, дом. Ну, он чуть попозже сыну пригодится. Сейчас, конечно, ещё ему осмысливать рано, что как движется, летает.

— Почему — рано? Сейчас как раз он это и осмысливает, — ответила Анастасия.

— Вот видишь. Конструктор ему в этом и поможет.

— Ты так считаешь? Уверен в этом?

— Тут не только моя уверенность, Анастасия. Так и многие учёные считают, психологи, которые детскую психику изучают. Видишь, они в аннотации своё заключение пишут.

— Хорошо, хорошо, Владимир. Ты не беспокойся. Сделаешь сам всё, как нужным считаешь сделать. Только ты, пожалуйста, посмотри сначала, как живёт наш сын. Сам и определишь тогда, что ему необходимо в первую очередь.

— Ладно. Как скажешь, — обрадовался я, что не стала оспаривать Анастасия необходимость привезённых мною вещей, — сам посмотрю и определю.

— А пока давай спрячем рюкзак твой. Потом, как определишь, какая вещь нужна в первую очередь, я сбегая и принесу её или весь рюкзак принесу. Сейчас тяжело его нести. Нога ведь болит у тебя, а на меня садиться не желаешь.

— Ну ладно, давай пока спрячем, — согласился я. — Только письма заберём. В них вопросов к тебе много. Я их все и не запомнил.

— Хорошо, письма заберём, — согласилась Анастасия. Она взяла пакет с письмами. Я опёрся на её плечо, и мы пошли в сторону поляны Анастасии.

Только к позднему вечеру пришли мы на поляну Анастасии.

Как и прежде, ничего на ней не было. Никаких построек. Даже шалаша не было. Но ощущение складывалось, будто бы пришёл в родной дом. Даже настроение поднялось, и успокоенность какая-то наступила. Уснуть захотелось. Наверное, оттого, что с Александром всю ночь проговорили. “Надо же, — подумалось мне, — абсолютно ничего нет на этой поляне, а ощущение возникает такое, словно в дом пришёл.

Видно, ощущение дома не в том, какая у тебя по величине квартира или даже замок, а в чём-то другом”.

Анастасия сразу подвела меня к озерцу и предложила искупаться. Купаться мне совсем не хотелось, но я подумал, что лучше её пока слушаться во всём, чтоб сына быстрее посмотреть.

После купания, когда вышел на берег, холоднее, чем в воде, стало. Анастасия ладонями согнала с меня воду, травой какой-то потёрла, и тело словно горячее стало. Потом протянула своё платице и говорит со смехом:

— Надень, пожалуйста, Владимир, это будет рубашка для тебя ночная. Я одежду твою намочу, постираю. Запах от неё сильный.

Я надел платье Анастасии, потому что понял: надо уничтожить запах.

— Это для того, чтобы сын не испугался?

— И для него, — ответила Анастасия.

— Но в платье одном мне будет холодно спать.

— Не беспокойся, я всё уже сделала. Ты выспишься, тебе не будет холодно. Под голову положишь с письмами пакет, подушечку заменит он тебе. Я всё придумала, ты выспишься и не замёрзнешь.

— Опять медведицей обогреться? Не буду спать с медведицей, лучше сам как-нибудь.

— Я так всё постелила, что не будет холодно или жарко тебе.

Мы подошли к той землянке, где раньше я спал. Анастасия раздвинула нависшие над входом ветки. Я ощутил приятный запах трав сухих, залез в землянку, погрузился в травы, сон приятной истомой окутывал всё вокруг.

— Можешь укрыться кофточкой, но и без неё тебе не будет холодно. Если захочешь, я тоже потом рядом лягу. Обогрею тебя, — сквозь сон услышал я слова Анастасии и ответил ей:

— Не надо. Ты лучше к сыну иди, обогрей...

— Не беспокойся, Владимир. Наш сын уже во многом самостоятельно справляется.

— Как же он может самостоятельно, он же маленький...— Больше я ничего говорить не мог, погружаясь в глубокое, спокойное блаженство.

НОВОЕ УТРО КАК НОВАЯ ЖИЗНЬ

Проснулся утром. А настроение такое необычно хорошее, что лежу и думаю, не буду пока двигаться, чтоб вдруг не ушло такое настроение. И что это за ночь была такая? И почему так утром оказалось, как будто ночью этой тело и сознание словно в Любви купались. При свете дня мне стало ясно, почему ни холодно, ни жарко ночью не было. Я лежал, погружённый в сухую траву и цветы, они источали приятный запах и грели. Читатели спрашивают часто, как Анастасия зимой, в морозы лютые сибирские, не замерзает, а ведь как просто всё: в стог сена если закопаться, никакой мороз не страшен. Правда, она ещё каким-то образом обогревается, ходит полуобнажённой даже всего при пя-

ти градусах тепла и не мёрзнет и даже купается при такой низкой температуре и не дрожит, как из воды выходит.

Ещё я подумал, когда лежал в блаженстве на сухой траве: “Вот утро настаёт, иль новый день пришёл, а впечатление такое, будто новой жизни начало наступает, вот если бы всегда так было, каждым утром, тогда за жизнь одну как будто тысячу прожил веков и каждый век прекрасен, как это утро. Но как так сделать, чтоб каждый новый день прекрасным был, как это утро?”

Подниматься я стал только, как услышал весёлый голос Анастасии:

— Если рано кто встаёт, тому Бог много даёт.

Я вылез из прекрасной ночной спальни. Она стояла наверху, у входа сразу. Золотистые волосы были заплетены в косу, а внизу коса травинками обвязана, как бантом. Новая причёска ей тоже очень шла.

— Пойдём к озеру, умоешься, оденешься, — предложила Анастасия, перебрасывая косу вперёд, как кокетка.

“Надо же, женщины есть женщины”, — подумал я и говорю ей вслух:

— Очень красивая у тебя коса, Анастасия.

— Красивая. Да? Очень, очень красивая? — засмеялась она, перекруживаясь.

Мы побежали к озеру. На берегу, на ветках у кустов висели мои рубашка, брюки, майка, в общем, всё, что вечером оставил. Я потрогал, они оказались уже высохшими.

— Как же они успели высохнуть так быстро?

— Я помогла им, — ответила Анастасия. — На себя надела и побегала немножко в твоей одежде, она и подсохла быстренько. Теперь ты искупаешься и наденешь её.

— А ты будешь купаться?

— Я всё уже проделала, необходимое для встречи дня.

Анастасия перед тем, как я зашёл в воду, натерла моё тело какой-то кашицей из травы. И когда я нырнул, вокруг вода зашипела, тело зашипало немножко, но, когда из воды вышел, здорово было. Как будто все поры тела интенсивно сами задышали, и каждая сама воздух вдыхала. Дышать вообще стало легко, свободно.

Анастасия, весёлая, игривая, стала снова, как вечером, руками капельки с тела обтирать. Когда со спины стирала, я вдруг почувствовал, как по спине моей что-то горячее неожиданно полоснуло. Раз, второй, я резко повернулся, а она, двумя руками надавливая свою грудь, пустила мне струйку горячего грудного молока прямо в лицо, потом из другой мне струйку в грудь пустила. И давай с хотом растирать быстро-быстро.

— Ты зачем такое выделяешь? — спросил я, как оправился от неожиданности.

— А затем! А затем! — хохочет Анастасия, потом подала мне брюки и рубашку. Они тоже пахнут не так, как раньше, я сразу это заметил, когда надевал. И сказал твердо Анастасии:

— Всё я сделал, как ты хотела. Теперь давай показывай сына.

— Хорошо. Пойдём. Только ты, Владимир, пожалуйста, не пытайся подходить к нему сразу. Ты сначала понаблюдай за ним, понять его попробуй.

— Хорошо, понаблюдаю, ладно. И пойму.

Мы подошли к знакомой уже мне полянке. У кустов на краю поляны Анастасия говорит:

— Здесь посидим тихонечко, посмотрим, он сейчас будет просыпаться, и ты его увидишь.

У дерева на краю поляны лежала на боку медведица, но никакого ребёнка я не увидел. Волнение всё больше охватывало меня, и сердце странно биться стало.

— Где же он? — всё больше волнуясь, спросил Анастасию.

— Смотри внимательней, — ответила она. — Вот его головка и ножки из-под лапы у медведицы торчат. Он спит на ней, в паху её, там мягко и тепло, над ним она и лапу свою держит, не прижимает, только прикрывает его лапой чуть.

И я увидел. Крохотное тельце малыша покоилось в густой медвежьей шерсти. В паху огромного зверя, под его чуть приподнятой передней лапой. Медведица лежала на боку, не шевелясь, и только головой из стороны в сторону водила, озираясь. Малюсенькие ножки зашевелились в глубокой шерсти, и сразу медведица лапу немножко приподняла. Малыш просыпался. Когда ручкой двигал, медведица подымала лапу, когда опускал ручку, она его снова прикрывала. Только лапой и водила да головой, а туловище не шевелилось.

— Она что же, так и лежит, не шевелясь, ей же неудобно всё время в одной позе?

— Она так долго может лежать, не шевелясь. И совсем ей это не трудно. Она от восторга млеет, когда он заползает в свою кроватку. И вообще, теперь она вся из себя важная такая стала. Ответственная. Даже дружка своего к себе не подпустила, когда время настало своим потомством обзаво-

даться. Это не очень-то хорошо. Но когда наш сын подрастёт немножко, она подпустит к себе дружка.

Я слушал Анастасию и, не отрываясь, смотрел, как снова задвигались маленькие ножки под огромной лапой медведицы. Потом лапа поднялась вверх.

Малыш двигал ручками, ножками, потягивался, поднимал головку и вдруг замер.

— Чего он двигаться перестал, опять засыпать будет? — спросил я у Анастасии.

— Смотри внимательнее, он же мочится. Опять не успела медведица опустить на траву вовремя или не захотела, балует она его. Маленький фонтанчик лился на шерсть медведицы. Она, как и малыш, лежала, замерев, даже головой водить перестала и лапой двигать, пока не прекратился этот фонтанчик. Потом медведица стала переворачиваться на другой бок, и малыш скатился на траву.

— Хорошо. Вот видишь, сообщает она, что он ещё продолжит своё большое дело, наш маленький человечек, — весело сообщила Анастасия.

Крохотное человеческое тельце лежало на земле и тужилось. А над ним стояла огромная медведица и, казалось, помогала урчанием своим, словно сама с ним тужилась. Малыш повернулся на животик, задвигал ручками и пополз на четвереньках по траве. Попка его была немножко испачкана в какашках. Медведица шагнула в его сторону и лизнула маленькую человеческую попку своим огромным звериным языком, словно нянька, вытирая испачканное. Её язык толкнул малыша, и он шлёпнулся на животик, но тут же привстал и пополз дальше, а она, медведица, снова за ним и снова лизнула, хотя и так всё уже чисто было.

— Как ты думаешь, Владимир, смогла бы она подгузники снять или трусики, а потом надеть ему новые? — тихо спросила Анастасия.

— Да ладно тебе, — также шёпотом ответил я, — и так всё понятно.

Малыш перевернулся на спину, и когда назойливая медведица в очередной раз лизнула его между ног, он изловчился и маленькая ручка уцепилась за шерсть медвежьей морды.

Подчиняясь явно незначительным усилиям ручки, огромная медвежья голова легла на землю у ног малыша, он взял её за морду, второй ручкой подтянулся и стал карабкаться по голове зверя вверх.

— Куда это он?

— К глазкам медведицы. Блестят у неё глазки, ему интересно, он всегда их потрогать хочет.

Малыш лежал животиком на медвежьей морде и рассматривал её глаз, потом попытался пальчиком потрогать его, но медведица тут же зажмурилась. Пальчик ткнулся в веки. Ещё немножко подождав и не увидев больше блестящего глаза, малыш стал вниз сползать с медвежьей морды, прополз немножко по траве и замер, что-то рассматривая в ней. Медведица встала и два раза рыкнула.

— Это она волчицу зовёт. Ей самой почиститься, поесть нужно. Сейчас ты увидишь, как они между собой дружно разговаривать будут, — прокомментировала Анастасия.

Через некоторое время на краю поляны появилась волчица, но медведица встретила её появление совсем не приветственным, а грозным рычанием. И волчица повела себя отнюдь не дружелюбно. Она осмотрела всю поляну. Пружинистой походкой прошлась немного по краю поляны, залегла, потом вдруг сделала сильный прыжок, снова залегла, будто готовясь нападать.

— Где же дружелюбие их? — спросил я. — Чего медведица позвала, а сама рычит на неё? И волчица тоже грозно ведёт себя?

— Так они поговорили между собой. Медведица рычанием остановила волчицу, чтобы посмотреть, всё ли с ней в порядке. Не больна ли чем-нибудь, не опасно ли её подпускать к ребёнку человеческому. Достаточно ли сильна, чтобы суметь охранять его. Волчица показала, что с ней всё в порядке. На деле показала, не словами. Ты же видел, и прошлась, и прыгнула достаточно высоко.

Медведица действительно, понаблюдав за волчицей, спокойно заковыляла с поляны. Волчица легла на траву недалеко от маленького. Малыш ещё некоторое время что-то разглядывал, трогал в траве, потом, заметив волчицу, пополз к ней. Когда подполз, ручками стал трогать её за морду, гладил пальчиком зубы в открытой волчьей пасти, хлопал ладошкой по языку. Волчица лизнула его в лицо, потом маленький Владимир подполз к брюху, потрогал соски волчицы, обсосал свою руку и поморщился.

— Нашему сыночку кушать время настает, — снова заговорила Анастасия. — Но он ещё не настолько проголодался, чтоб у волчицы молоко есть. Я сейчас отойду ненадолго, а ты с краю на полянке посиди, если он увидит и заинтересуется, приползёт к тебе. Только сам его не хватай. Он человек уже, хоть и маленький на вид, бессмысленные улюлюканья он не поймёт. К тому же насилие свершится, если без согласия на ручки его взять. Не поймёт он тебя, если схватишь помимо воли. Даже если из хороших побуждений, но помимо воли. Неприятное впечатление о себе оставишь.

— Хорошо, не буду я хватать. Так посижу. А волчица не тронет меня?

— У тебя сейчас запах такой, что не тронет.

Анастасия два раза хлопнула себя по бедру, волчица встала, посмотрела в её сторону, на ребёночка, снова заигравшегося с какой-то букашкой, и подбежала к Анастасии.

Анастасия встала ко мне вплотную и подозвала волчицу подойти ближе и лечь ей жестом приказала.

— Может, мне погладить её, чтобы подружиться окончательно, — предложил я.

— Не понравится ей покровительственная фамильярность с твоей стороны. Она всё поняла и не тронет тебя, но и показного превосходства не потерпит, — ответила Анастасия. Отправила волчицу снова на поляну и побежала по каким-то своим делам, пообещав скоро вернуться.

Я вышел из-за кустов, откуда мы с Анастасией украдкой наблюдали за происходящим на поляне. Вышел и сел на траву метрах в десяти от маленького Владимира. Так и сидел на траве минут пятнадцать. Он на меня ноль внимания. Я подумал, если я буду продолжать тихо сидеть, он на меня никогда внимания не обратит. И я щёлкнул раза два языком.

Малыш повернул головку и увидел меня. Сын! Мой сын с интересом неотрывно смотрел на меня, и я на него с волнением смотрел, даже тело от волнения нагреваться стало.

Хотелось подбежать, схватить на руки маленькое тельце, потискать, прижать его к груди. Но просьба Анастасии, а главное, присутствие волчицы сдерживали.

И тут мой маленький сын медленно пополз ко мне. Смотрит на меня неотрывно и ползёт. А в груди у меня сердце так забилося, что слышно его стало, и чего бьётся оно так? Может малыш испугаться, как оно колотится.

А он полз, полз и снова чем-то в траве заинтересовался, стал ручкой тянуться за какой-то букашкой. Потом рассматривать стал что-то ползущее на своей ручке. Три метра. Всего три метра не дополз до меня мой маленький сын.

Из-за какой-то букашки. И что за мир в этой траве, что за жизнь, так его интересующая. Ну и порядки, ну и правила тут лесные. Перед ребёнком отец родной, а его букашка больше интересуется. Не должно так быть. Должен понимать ребёнок — отец важнее букашки.

Вдруг малыш снова поднял голову в мою сторону, улыбнулся беззубым ротиком и быстро, шустрой обычного, пополз. Я уже приготовился схватить его, но увидел, он полз мимо, не обращая внимания на меня.

Я оглянулся и увидел: сзади, чуть в стороне от меня, стояла улыбающаяся Анастасия, она присела и положила на траву руку ладонью вверх. Улыбающийся малыш лез к материнской груди. Анастасия не схватила его, а лишь слегка помогла долезть, лишь слегка помогала ему добраться к своей груди. Малыш уже лежал на её руках, хлопал своими ручонками по обнажённой материнской груди и улыбался Анастасии. Потом он потрогал и погладил сосок её груди, прильнул к нему губами и стал сосать упругую грудь Анастасии. Анастасия лишь один раз взглянула на меня, и то палец к своим губам прижала, показывая, чтоб молчал. Я и сидел молча всё время, пока она кормила сына.

Казалось, Анастасия во время кормления вообще забыла о моём присутствии. Да и про мир весь окружающий не думала. Она всё время смотрела только на сына. И ещё казалось, что они как-то общаются друг с другом. Потому так казалось, что малыш сосёт-сосёт и вдруг прекращает, отрывается от соска и смотрит на лицо Анастасии. Иногда улыбаясь смотрит, а иногда серьёзно. Потом он затих и некоторое время поспал на руках. Когда проснулся, снова заулыбался, и Анастасия посадила его себе на ладонь, придерживая за спину.

Их лица оказались рядом, и малыш руками трогал Анастасию за лицо, прижался к её щеке своей щёчкой, и тут он снова увидел меня. И снова замер на некоторое время, с интересом рассматривая.

Вдруг он протянул в мою сторону свою ручку, подался ко мне своим тельцем и произнёс “э”. Я непроизвольно протянул к нему свои руки, тут же Анастасия передала его мне.

Я держал на руках крохотное тельце своего родного, такого желанного сына! Всё на свете забылось. И очень сильно захотелось сделать что-нибудь для него. Малыш трогал моё лицо, ткнулся в него губами и, отпрянув, поморщился, видно, укололся о небритое лицо. А дальше, сам не знаю, как получилось у меня, нестерпимо захотелось поцеловать маленькую тёплую щёчку. И я решился поцеловать! Но вместо поцелуя почему-то два раза быстро лизнул его в щёчку, как волчица делала. Малыш отпрянул от меня и с удивлением захлопал глазками. Звонкий заливистый смех Анастасии заполнил поляну. Малыш тут же протянул к ней ручки и тоже засмеялся, заёрзал в моих руках. Я понял, он просит отпустить себя, мой сын уходит от меня. Подчиняясь его воле, установленным здесь правилам общения, я осторожно опустил его на траву. Малыш сразу же направился ползти к Анастасии, она, смеясь, вскочила и, оббежав меня, с другой стороны села, совсем рядом со мной. Ма-

льш тут же развернулся и, улыбаясь, пополз к нам, залез к Анастасии на руки и ручкой снова меня потрогал за лицо. Так в первый раз я пообщался с сыном.

В ЧЁМ МИССИЯ ОТЦА

Мой сын, мой маленький Владимир, уснул. Он играл некоторое время после кормления с чем-то в траве. Трогал свалившуюся с Кедров шишку, лизать её пробовал. На облака смотрел, что проплывали в небе. Прислушивался к пенью птичьему, потом залез на холмик, где трава погуще, калачиком свернулся, глаза закрыл, чему-то улыбаясь, и уснул. Анастасия побежала по своим делам каким-то. Я по лесу один прогуливаться стал и думать, ничего вокруг не замечая. Одновременно чувство радости и досады не покидало меня. Я сел под Кедром на берегу озера и решил: буду так, не шевелясь, сидеть, пока не придумаю, что же как родитель я могу привнести в становление своего ребёнка. Надо придумать такое, чтобы он чувствовал, что главным для него является отец. Когда подошла Анастасия, мне сначала не хотелось с ней разговаривать. Именно её смех отвлек от меня сына. Анастасия тихо сидела рядом, обхватив руками колени, задумчиво смотрела на спокойную воду озера. Она первая заговорила:

— Ты не обижайся, пожалуйста, на меня. Так смешно выглядело ваше общение. Не удержалась я.

— Дело не в моей обиде.

— А в чём же?

— Многие читатели в своих письмах о воспитании детей спрашивают, просят у тебя о системе воспитания детей всё расспросить и описать в следующей книге. А что тут описывать. Нет никакой системы, наоборот всё. У вас тут антисистема какая-то. Что, например, в такой ситуации отцы делать должны, читатель спросить может.

— Ты очень точно определил — антисистема, её и опиши.

— Да кому это интересно? Люди ищут толковые книжки, где сказано, что с ребёнком нужно делать, когда ему один, потом, когда ему два месяца, и так далее. По часам расписывают. Режим питания предлагают в книжках. Систему воспитания расписывают в зависимости от возраста. А здесь полное потакательство прихотям ребёнка. Вседозволенность какая-то.

— Скажи мне, Владимир, кем бы ты хотел видеть нашего сына, когда он вырастет?

— Как это — кем? Конечно же счастливым, нормальным, преуспевающим в жизни человеком.

— А много ли счастливых людей среди твоих знакомых?

— Счастливых? Ну, совсем счастливых людей, может, и немного. У каждого что-нибудь, да не ладится. То денег не хватает, то в семье неполадки или болезни разные цепляются. Но я бы хотел, чтобы мой сын избежал всяких неприятностей.

— Подумай, как же он сможет их избежать, если ты заведомо втиснешь его в систему, по которой воспитывались все? Подумай, может быть, существует некоторая закономерность в том, что все родители хотят своих детей видеть счастливыми, а они вырастают и получаются как все. Не очень счастливые.

— Закономерность? В чём она? Если знаешь, говори сама.

— Давай вместе подумаем, в чём.

— Да, над этим давно люди думают. Специалисты, учёные разные думают. Для того и изобретают различные системы воспитания, по часам расписанные, чтоб найти оптимальную систему.

— Ты смотри вокруг внимательней, Владимир. Растут деревья, травы и цветы. Как можно расписать заранее по дням, часам, когда их поливать. Не будешь же ты поливать цветы, когда с небес вода их омывает, лишь потому, что кто-то предписал мудрёно день и час полива.

— Ну, это слишком. Это ерунда какая-то, а не пример воспитания детей. Такого в жизни прозойти не может.

— Но происходит сплошь и рядом в жизни. Какая б не была система. Она системой будет лишь. Всегда она направлена на то, чтоб сердце, Душу отстранить ещё от маленького человека и подчинить его системе. Чтоб вырос он таким, как все, удобным для системы. И так веками длится, чтоб не допустить в Душе людской прозрения. Не допустить раскрыться человеку во всей его красе, с Душой, данной Богом. Ему! Вселенной всей властителю.

— Ты подожди, не заводись, спокойно говори и языком нормальным. Что нужно для того, чтоб было так? Ну, чтоб вырастали дети, как ты говоришь, с Душой свободной. Властителями Вселенной, счастливыми. Как Бог того хотел.

— Им нужно не мешать и в мыслях видеть их такими, как Бог того хотел. Стремление сил всех Света во Вселенной направлено, чтоб каждому рождённому всё лучшее из мироздания передать. И долг родителей творящий Свет не закрывать премудростями догм надуманных. Веками споры длятся на Земле, какая из систем мудрейшей может быть. Но ты подумай сам, Владимир. Спор возможен там, где Истина закрыта. В бесплодных спорах можно бесконечно обсуждать, что в комнате находится, закрытой дверью. Но стоит дверь открыть, и ясно станет всем, и спорить не о чем, коль каждый Истину увидеть сможет.

— Ну, кто ж, в конце концов, откроет эту дверь?

— Она открыта. Теперь глаза Души лишь нужно распахнуть, увидеть, осознать.

— Что осознать?

— Ты о системах спрашивал меня. О расписаниях, режимах жизни говорил, что в книгах для людей их кто-то излагает. Но ты подумай сам, кто может говорить яснее, чем сам Создатель о творении своём?

— Создатель ничего не говорит. Он до сих пор молчит. Никто не слышит слов Его.

— Значений разных много у одних и тех же слов, придуманных людьми. Создатель с каждым терпеливо и с любовью говорит нетленными, прекрасными деяньями. Восходом солнышка и отблеском луны, туманом мягким и росинкою, с лучом играющей, небесную вобравшей в себя синь. Есть во Вселенной множество примеров ясных. Вокруг смотри. Тебя и каждого касаются они.

А далее, если изложить сказанное Анастасией о воспитании детей, то получится, наверное, полная противоположность тому, что происходит у нас сегодня с этим делом.

Я уже говорил, что весь их древнейший род и сама Анастасия относятся к новорождённому как к Божеству или непорочному ангелу. У них считается недопустимым прервать мыслительный процесс ребёнка.

Дедушка и прадедушка могли длительное время наблюдать, как маленькая Анастасия с увлечением рассматривает букашку или цветок, о чём-то думает. Они стараются не отвлечь её своим присутствием. Общаться начинают, когда ребёнок сам обратит внимание и захочет общаться. Анастасия утверждала, что в тот момент, когда я наблюдал, как маленький Владимир рассматривал что-то в траве, он познавал не только букашек, но и всё мироздание.

По её словам, букашка более совершенный механизм, чем любой рукотворный и тем более примитивный конструктор.

Ребёнок, имеющий возможность общаться с этими совершенными живыми существами, сам становится более совершенным, чем от общения с мёртвыми, неживыми, примитивными предметами.

К тому же, как она утверждает, каждая травинка, букашка взаимосвязаны со своим мирозданием и помогают впоследствии осознать сущность вселенскую и себя в ней, своё предназначение. Искусственно созданные предметы такой связи не имеют и неправильно расставляют приоритеты, ценности в мозгу ребёнка.

На замечание, что условия, в которых воспитывалась она и теперь наш сын, сильно отличаются от тех, в которых приходится воспитывать детей нашего цивилизованного мира, она ответила следующим:

— Ещё в утробе матери своей и уж тем более когда на свет является внешне, казалось бы, беспомощный малыш, ликуют силы Света во Вселенной. Ликуют в трепетной надежде, что вновь пришедший непорочный человек, подобный Богу, станет их добрым властелином и Свет Любви усилит от Земли.

Всё для него предусмотрел Создатель. Вселенная букашкой, деревом, травинкой, зверем, внешне лютым, ему готова доброй нянькой быть. Ещё малюсенькому внешне человеку — Создателя великому творенью. В порыве вдохновенья светлого Создателем содеян человек. И для него был создан Рай Земной.

Никто не властен и ничто не властно над высшим сотворением Создателя. Его порыв любви и вдохновенья светлого уже заключены в мгновеньи каждом, народившимся на свет.

Из всех существ Вселенной необъятной одно лишь может на его судьбу влиять, встав между Богом, Раем, счастливою звездой и человеком.

— Так, значит, есть на свете существо сильнее Бога?

— Сильней Божественного вдохновения нет на свете ничего. Но есть ему подобное по силе существо, способное вставать между Богом — воспитателем нежнейшим, и ангелоподобным младенцем — человеком.

— И кто же это, как его зовут?

— То существо есть человек — родитель.

- Что?.. Да как же может так случиться, чтобы родители желали несчастья своему ребёнку?
- Желают счастья все. Да путь к нему забыли. Вот оттого насилие вершат с намерением благом.
- Хотя как-то свои утверждения ты можешь доказать?
- Ты о системах разных воспитания твердил. Подумай. Разные они. А Истина одна. Одно лишь это говорит о том, что множество неверным поведут путём.
- Как отличить, где истинная система, а где нет?
- Душой открытою на жизнь попробуй посмотреть. Очисти мысль от суеты бесплодной и тогда увидишь мир, Создателя Вселенной и себя.
- Где глаз Души, а не обычные глаза? Кто в этом может разобраться? Ты лучше обо всём конкретней говори. И оборотами попроще речевыми. Ты утверждала, что речь твоя моей подобна будет, а говоришь иначе. И меня сбиваешь на речь свою. Я чувствую, ты говоришь иначе.
- Только чуть иначе. И ты запомнить сможешь основное. И речь моя смешается с твоею речью. И не волнуйся, не стесняйся сочетаний слов своих, речь твоя понятной будет многим людям. Для многих Душ она откроет то, что в них самих таится. Пусть в ней поэзия Вселенной претворится.
- К чему всё это? Не хочу, чтоб кто-то мой язык менял.
- Но ведь обиделся же ты, когда один из журналистов кондовым твой язык назвал. Я вместе с теми, кто читает, сделать так могу, что из кондового он лучшим языком из всех звучавших может получиться.
- Ну, хорошо, пусть так потом случится, а пока простого лучше слышать языка. И так сложна проблема, непонятна. Как происходит? Почему? Что именно родители путь к счастью закрывают ребёнку своему. Да и на самом деле, так ли это? Вот в чём сначала нужно убедиться.
- Хорошо. Коль хочешь убедиться, картины детства вспомни своего.
- Но это трудно. Не каждый может вспомнить в младенчестве себя.
- А почему? Не потому ль, что память, ощущения щадя, бесплодное, пустое отсекает? Внушение безысходности пытается убрать. Стереть и то, как ты в утробе матери своей переживал, мирскую ощущая брань, через переживания матери своей. И дальше, хочешь, вспомнить помогу?
- Ну, помоги. Что дальше было и из памяти ушло?
- А дальше ты не хочешь вспоминать, как ты, Вселенной властелин, лежал один беспомощный в кровати. Запеленован крепко, словно связан, и за тебя с улыбкою решали, когда тебе поесть, когда тебе поспать. Обдумать ты хотел всё, осознать. Но тебя с улюлюканьем частенько к потолку бросали. “Но для чего?” — не успевал подумать ты. Ты чуть подрос, увидел множество вещей, безмолвных и бездушных, вокруг тебя, но их нельзя было касаться. Ты мог притронуться лишь к той, которую тебе преподнесли. И ты, смирившийся, пытался осознать, в чём совершенство в представленной тебе игрушке-побрякушке. Но ты не мог найти в абсурдном примитиве того, чего и не было и быть в нём не могло. Но ты ещё искал, ты не совсем сдавался и ручкой трогал, и вкусить пытался, но тщетно. Объяснение ты так и не нашёл. Тогда и дрогнул первый раз, рождённый властелином быть Вселенной. Решил, что ничего решать не можешь. Ты предан был родившими тебя и сам себя предал.
- Ты о событиях из жизни говоришь моей. Я что, хоть чем-то отличался от других детей?
- Я говорю конкретно о тебе. И о тебе, кто слышит в данный миг меня.
- Так, значит, много властителей Вселенной, коль каждый им рождён? Но как же так? Что за властитель, если одним и тем же множество владеет? Или Вселенных много быть должно?
- Вселенная одна. Едина. Неделима. Но в ней пространство у каждого своё. И целое зависит от него. От каждого.
- Так где ж оно, моё пространство?
- Потеряно оно. Но ты найдёшь его.
- Когда ж я потерять успел?
- Когда сдавался.
- Что значит сдавался? Я как все дети был.
- Ты, как все дети, веря в благость ближних, в родителей своих, всё чаще подавлял свои желанья. И соглашался с тем, что ты ещё ничтожный, ничего не знающий малец.
- И ощущения, рожденные в тебе насилием над детством, до конца стараются с тобой пройти по жизни, стремясь потом в твоих потомков воплотиться. Ты в школу, как и все, ходил. Тебе рассказывали там, как человек был просто обезьяной. Как примитивен он. Как глупо верил в Бога. О том, что есть лишь вождь один, который знает всё. Его народ избрал. Он всех один достойней и умнее. И ты читал с самозабвением стихи о том вожде. Ты прославлял его в самозабвении.
- Не только я стихи читал и прославлял, кого велели, я верил сам тогда.

— Да, многие стихи читали. В соревнование вступая меж собой, кто лучше всех прославит. И ты стремился первым быть.

— Так все тогда стремились.

— Да, вся система требовала, чтобы у каждого единими стремленья были. Тем и насильовала каждого. Стремясь сломить, чтоб сохранить себя.

Но вдруг, прожив часть жизни, ты узнал, что множество систем и разные они. Потом узнал, что человек, возможно, никогда и не был обезьяной. А вождь мудрейший был тиран глупейший. И жизнь неправильно прожита поколением твоим. Теперь в другой системе надо жить.

И ты родителем становишься. И, не задумываясь, дочь свою в систему новую, как в благо, отдаёшь. Уже не думая, как раньше. В недоумении погремушкой не гремишь. Насилие признав, насилие и сам творишь ты над дитём своим. Тысячелетиями сменяясь, друг за другом системы разные приходят и уходят, у каждой цель одна: убить тебя, властителя, мудрейшего творца в бездушного раба переиначить. Через родителей всё время действует система. И через тех, кто сам себя учителем мудрейшим называет. Учения новые создаст, тем самым новую родит систему. И лишь чуть приоткрывшись, ясно видеть можно — стремление старое им движет: разделить тебя и Бога. Встать между вами и заставить попытаться жить, работать на себя, тебя и Бога. В этом суть любой системы. И ты, Владимир, стал просить меня создать очередную. Я не смогу такую просьбу выполнить твою, ты сам смотри вокруг. Попробуй осознать только своей Душою.

— Скажи, Анастасия, а наш сын? Он что же, живя в тайге дремучей, среди зверей, насилие не познал ещё нисколько?

— Ему не ведомы насилие и страх. К нему всё большая уверенность приходит, что человеку всё подчинено и человек за всё в ответе.

— А разве не насилие, ну, хоть чуть-чуть, когда медведица облизывала, его запачканную попку после сна? На животик сын упал, когда медведица его лизнула. Когда опять пополз, она второй лизнула раз. Опять упал. Я видел, явно не понравилось ему такое подмывание. Он потому за морду и схватил медведицу, чтобы прекратила она своим языком толкаться.

— И тут же перестала медведица его лизать. Чуть позже он поймёт значение этой процедуры, но и сейчас игрой её воспринимает, он сам с медведицей играет и хочет, чтоб она за ним бежала.

— Ты говорила, человек — умнейший во Вселенной, а сына нашего воспитывают звери. Не совсем нормально это. По телевизору я видел, одного уже взрослого человека показывали. Он младенцем к волкам попал, когда вырос и люди его поймали, он долго разговаривать не мог по-человечьи и умом, мне кажется, отстал.

— Для сына нашего все звери, что вокруг, не воспитатели, а няньки добрые, умелые и искренне влюбленные в него. И, без сомнения на миг, они отдать готовы жизнь за человека маленького своего.

— И долго ты их так дрессировала? Тебе и дед, и прадед помогали?

— Зачем дрессировать? Все сделал так давным-давно Создатель.

— Да как же так предвидеть всё заранее Он смог, чтоб каждую зверюшку научить, что делать и в какой момент? Там, на поляне, когда я наблюдал за сыном, на белок он внимание обратил, одна понравилась ему, к ней ручку протянул, заулыбался, “э” сказал протяжно. И белочка — стремглав к нему, и именно та белочка, которая понравилась ему. Малыш с ней потом играл, за лапку брал и хвостик гладил. И как же мог Создатель предвидеть ситуацию такую и белку научить?

— Создатель мудр. Он сделал проще всё и гениальней.

— Как?

— От человека, лишённого агрессии, корысти, страха и многих привнесённых позже тёмных чувств, исходит Свет Любви. Не видим он, но он сильнее света солнца. Живительна энергия его. Создатель сделал так, что только человек способен обладать способностью великою такой. Лишь человек! Лишь он один живое всё способен отогреть. Вот потому живое всё и тянется к нему.

На белочек своё внимание обратил Владимир, маленький наш сын, свой взор лишь на одной остановил, на ней он сконцентрировал внимание своё, и к этой белочке пошло его тепло. Она тепла почувствовала Благодать, и бросилась к источнику, и хорошо ей было с ним играть. Любого зверя так же может сын наш подозвать.

Благодаря Создателю во всех новорождённых есть способности такие. Когда в Любви Пространстве находятся они и ничего ещё не уничтожило прекрасного начала.

С утробы матери своей Любви Пространство происходит, потом лишь расширяется оно. Дано испортить или усовершенствовать Любви Пространство только человеку.

Вот дедушка орла тренировал, ты слышал это, тем самым он в Пространство новое привнёс. Так издревле ещё мои стремились сделать прародители, отцы и матери мои. И завтра необычный будет день, и ты увидишь, что произойдёт. Для будущего завтра будет важный день.

ПТИЦА ДЛЯ ПОЗНАНИЯ ДУШИ

На следующий день, придя к поляне, как и раньше, незаметно, мы с Анастасией наблюдали за увлечённой игрой нашего маленького сына. На краю поляны лежала волчица и тоже зорко наблюдала. Рядом с волчицей играли волчата. Я заметил, что время от времени маленький Владимир берёт в рот пальчик своей ручки и сосёт его, как это делают все младенцы почему-то. Я знал, родители разными способами должны отвлечь ребёнка от этой процедуры. Ручки его пелёнками связать или пустышку в ротик дать ребёнку. Об этом я сказал Анастасии, а она в ответ:

— Не беспокойся, в этом есть большая польза. Наш сын облизывает с пальчиков своих пыльцу.

— Пыльцу? Какую?

— Цветочную пыльцу и травяную. К травинкам он руками прикасается, к цветкам. Букашки иногда по его ручке лазят, а на их лапках тоже есть пыльца. Смотри, поморщился. И пальчик изо рта убрал. Значит, с какой-то травки не понравилась ему пыльца. Теперь он наклонил голову и в ротик взять пытается цветок, попробовать на вкус. И пусть берёт. Пусть пробует Вселенную на вкус.

— Вселенная и маленький цветок! Какая связь здесь? Или ты просто говоришь? Условно?

— На свете всё живое Вселенскую имеет связь.

— Но как? Где? В чём увидеть можно связь такую? Какой прибор способен зафиксировать её?

— Прибор не нужен. Здесь нужна Душа. Тогда понять, увидеть сможешь то, что видимо днём каждым и помногу раз.

— Что, например, Душой увидеть можно, а потом понять?

— Вот солнце. Далеко оно от нас. Вселенская планета, а как взойдёт оно, лучом цветка коснётся, и в радости раскроется цветок. Так далеко они казались друг от друга — великое, огромное светило и маленький совсем цветок, а меж собою связаны. Не могут друг без друга.

Неожиданно Анастасия замолчала и стала смотреть вверх. Я тоже посмотрел. Увидел. Над поляной низко кружил большой орёл. Я в зоопарке примерно такого видел. Всё ниже, ниже опускался он, кружась, и вдруг когтищами своими метрах в двух от малыша земли коснулся, гордо пробежался по инерции полёта, встрепенулся, гордый на поляне встал.

Волчица вся насторожилась. Шерсть вздыбилась на ней, но нападать не стала на орла, прохаживающегося гордо по поляне.

Малыш весь возбуждённым стал. На попку сел и... Вот несмышлёныш! Он ручки к птице страшной тянет.

Ступая медленно когтищами своими, вплотную подошел к нему орёл. И голова с крючкообразным клювом нависла над головкой малыша.

А он — малыш, опасности не чувствуя совсем, орла за перья трогать ручкой стал и прикасался к ногам когтистым, хлопал ручкой по груди орла, и рот его беззубый улыбался.

Огромный клюв к головке маленькой вдруг прикоснулся, раз, второй, как будто что-то в ней ища. Потом орёл вдруг в сторону пошёл от малыша и растопырил крылья, и крыльями взмахнул, слегка над травкой в воздух приподнялся и снова встал на землю. Малыш тянулся ручками к огромной, грозной птице и звуками своими звал: “э”, “эээ”.

И вдруг орёл... Орёл зашёл за спину малыша, вдруг разбежался и взлетел! Орёл круг низко над поляной сделал, рванулся вниз и на лету схватил за плечи когтищами своими малыша.

Но когти в тельце не впивались.

Орёл под мышки пропустил их острые концы и стал, махая крыльями, кружиться по поляне, пытаясь над Землёй подняться с малышом.

Малыш дрыгал волочившимися по траве ножками, иногда лишь чуть приподнимающимися над Землёй, глазёнками тарасился, вдруг заблестевшими огнём от возбуждения. И вдруг... Они поднялись! Над травой на метр поднялись, когда слились, когда толчок о Землю ножек малыша совпал с орлиным взмахом крыльев.

Орёл, кругами набирая высоту, нёс малыша, но не кричал малыш, они летели, вместе поднимаюсь в синеву.

Орёл уже поднял его на уровень вершин высоких Кедров и продолжал стремиться в высоту.

Онемев от неожиданности, не в силах говорить, я за руку схватил Анастасию. А она, не отрываясь, смотрит вверх и шепчет тихо про себя:

— Ты ещё сильный. Молодец. И пусть ты стар, но ты ещё силён. Твои могучи крылья. Взлетай! Взлетай повыше.

И орёл, несущий в своих когтях маленькое тельце крохотного ребёночка, описывал круги, поднимался всё выше в небесную синеву.

— Зачем нужна эта экзекуция над ребёнком? Зачем подвергать его опасности такой? — выкрикнул я Анастасии, как только оправился от оцепенения.

— Не беспокойся, пожалуйста, Владимир. Подъём орла не так опасен, как самолёта, на котором ты летал.

— А если он ребёнка с высоты отпустит?

— Он никогда такого не помыслит даже. И ты расслабься, не производи ни страха, ни сомнений в мыслях. Значение большое в осознании для сына нашего несёт полёт орла. Орла, поднявшего ребёнка над нашею Землёю.

— Какое тут значение, кроме суеверия. Вот уж точно, не нужно вмешиваться в великие творения человеку. Тут я согласен. Не предусмотрен был такой подъём. Вы сами, дед твой птицу научил такому. Из суеверия какого-то, скорей всего. А для чего ж ещё? Бессмыслен этот риск!

— Когда я маленькой была, с орлом вот этим тоже поднималась высоко. Немногое тогда ещё понять могла, но было очень, очень интересно, необычно. Полянка маленькой казалась с высоты. И необъятною, большой Земля предстала. Так ярко было всё, и необычное запомнилось надолго, навсегда. Когда я подросла, уже три годика мне было, прадедушка однажды задал мне вопрос:

— Скажи, ответь, Анастасия, всем нравится зверюшкам, когда ласкает, гладит их твоя рука?

— Да, всем. Они и хвостиками машут оттого, что нравится им очень ласка. И травкам, и цветкам, и деревцам — всем нравится, но хвостик не у всех есть, чтоб повилять, чтоб показать, как хорошо, когда ласкают ручки их.

— Так, значит, всё желает руки твоей объятие познать?

— Да, всё живущее, растущее, и маленькое, и большое.

— И Земля большая тоже хочет ласки? Ты Землю видела, её величину?

Картина яркая с орлом запомнилась мне с младенчества. Величину Земли я знала не понаслышке. И потому ответила прадедушке не медля:

— Земля большая, край её не виден. Но если ласки все хотят, то, значит, и Земля её желает. Но кто же сможет Землю всю обнять? Она так велика, что даже, дедушка, твоих не хватит ручек, чтоб Землю всю обнять...

Прадедушка раскинул руки в стороны, посмотрел на них и подтвердил, со мною согласившись:

— Да, ручек не хватает и моих, чтоб Землю всю обнять. Но ты сказала, как и все, Земля желает ласки?

— Да, она желает. От человека ласки все хотят.

— Вот ты, Анастасия, всю Землю и должна обнять. Подумай, как обнять. — Прадедушка ушёл.

Как Землю всю обнять, я стала думать часто. И не могла придумать. И знала, что со мной прадедушка не будет говорить, вопроса не услышу от него, пока задачу не смогу решить, и я старалась.

Но больше месяца прошло. Задача не решалась. И вот однажды я на волчицу посмотрела ласково, издалека. Она стояла на другом конце поляны.

Волчица завилыла вдруг хвостом под взглядом. Потом я стала замечать, что радуются все зверюшки, когда на них посмотришь с радостью и лаской. И расстояние до них и их величина здесь не важны. Их радость также посещает от взгляда, или когда подумаешь о них с любовью. Я поняла, им так же хорошо становится, как раньше от руки, когда рукой ласкаешь. Тогда и поняла... “Я” есть с ручками и ножками своими, но есть ещё “Я” большая, чем ручками возможно показать. И эта большая, невидимая, тоже я. Так, значит, человек устроен каждый, как и я. И это большее моё сумеет Землю всю обнять.

Когда прадедушка пришёл, ему сказала я, вся радостью пылая:

— Смотри, дедулечка, смотри, зверюшки радуются все, не только когда их ручкой обнимаю, но и когда издалека на них смотрю. Невидимое, но моё их что-то обнимает, оно и Землю может всю обнять.

Я Землю обниму невидимой собою! Анастасия я. Есть маленькая я, и есть большая. А как называть себя, другую, ещё не знаю. Но я подумаю, как правильно назвать, и назову, и всё тебе, дедулечка, отвечу. Тогда и ты со мной заговоришь?

Прадедушка заговорил со мною сразу:

— Зови вторую, внученька, себя — Душою. Своей Душою. И береги Её, и действуй Ею, необъятной.

— Скажи, Владимир, сколько было лет тебе, когда свою смог осознать, почувствовать ты Душу?

— Не помню точно, — ответил я Анастасии и подумал, познал ли я свою Душу вообще и как другие познают её, во сколько лет? И в степени какой? Быть может, просто говорим мы о Душе, не чувствуя себя едиными с Душою, не думая о своём “Я” втором, невидимом. Да и насколько важно чувствовать всё это, для чего?

Движущаяся сверху точка стала быстро увеличиваться. Орёл, описывая круги, опускался над поляной. Когда кружил ниже крон деревьев, я увидел раскрасневшееся личико малыша, его блестящие от возбуждения глазёнки. Растопыренные в сторону ручки двигали пальчиками в такт взмахов крыльев птицы необычной. Когда маленькие ножки коснулись земли и стали волочиться по траве, когти орла разжались. Малыш упал, перевернулся на траве и быстро встал на четвереньки, сел, головкой завертел, он друга стал недавнего искать.

Орёл, покачиваясь, в сторону от малыша пошёл, но повалился набок. Метрах в десяти от малыша неловко как-то на траве лежал орёл и в сторону одно крыло своё откинул. Дышал он тяжело, а с клювом голова к траве склонилась.

Малыш его увидел, заулыбался и пополз к орлу. Орёл встать попытался навстречу малышу, но снова завалился набок. Оскалившаяся злобно волчица в два прыжка оказалась между орлом и малышом. С волнением Анастасия прошептала:

— Как совершенны и строги твои законы, ты человеку изначально всё отдал, Создатель. Твоим законам следует волчица, но жалко, очень жалко мне орла.

— Что происходит? Почему волчица агрессивна, злится? — спросил Анастасию я.

— Орла к Владимиру теперь волчица не подпустит, его больным считает, раз он на бок завалился. Напасть на него может, чтоб отогнать с поляны. Не должен нападение Владимир видеть, не поймёт пока. О, что же?.. Что же предпринять?..

И тут орёл вдруг встрепенулся, на ноги твёрдо встал, гордо вскинулась его голова, два раза щёлкнул грозный клюв. Уверенной, гордой походкой орёл шёл к малышу. Волчица вроде успокоилась, посторонилась, но далеко не отошла, готовая в любой момент к прыжку, она неотрывно следила за происходящим.

Малыш трогал огромную птицу сначала за клюв, потом стал тянуть за перья крыла, трепать крыло и что-то требовать или просить, всё повторяя: “э... э...”, “аа...”.

Крючкообразный клюв прикасался к темечку малыша и к плечу с рубцами от когтистых лап.

Потом орёл, наклонив к земле голову, сорвал клювом какой-то маленький цветочек и положил его в не закрывающийся, как у птенца, ротик малыша, всё произносящий свои звуки. Орёл покормил маленького человечка, как своего птенца, но снова пошатнулся. Волчица злобная готовилась к прыжку. И вдруг орёл... Разбег... Взмах крыльев... Взлёт!

Он поднимался выше, выше, потом вдруг резко пикировал к поляне, не долетая метра полтора земли, выравнивал полёт и снова вверх взмывал. Малыш махал ему руками, тянулся, звал, смеялся ртом беззубым. Анастасия, неотрывно за орлом следя, с волнением шептала:

— Не надо так. Ты хорошо всё сделал. И ты здоров, я знаю, ты не болен. Ну, отдохни же, отдохни. Спасибо! Я верю, верю, ты здоров! Ты просто стар немножко. Отдохни!..

Орёл ещё раз сделал свой сложный пируэт, да так, что зацепил когтями за траву и всё же он не встал ногами, не оттолкнулся от земли, а, крыльями взмахнув могуче, сумел подняться в воздух, сорвав пучок травы когтями. Он сделал круг, осыпал сверху малыша травинками и стал всё выше, выше в небо подниматься. Анастасия неотрывно следила, даже когда он в точку превратился, всё смотрела на орла. Я тоже почему-то всё смотрел, как точка от поляны удалялась. Сначала просто вверх, потом вдруг резко в сторону, подальше от поляны. Вдруг точка пошла к земле, и вскоре стало видно, как то одно, то второе крыло раскрываются от ветра, не от продуманных усилий птицы.

И не махал, и не планировал своими крыльями орёл, он просто падал. Крылья на ветру его трепались, от ветра сами раскрывались.

Воскликнула Анастасия:

— Ты умер в небе, наверху! И там остался. Ты сделал всё, что мог для человека сделать. Спасибо... Тебе за высоту спасибо, старый мой учитель.

Орёл всё падал, а вверх над ним других два молодых орла кружили.

— Твои птенцы, окрепшие уже. Ты сделал всё и для их будущего тоже, — шептала Анастасия упавшему где-то за поляной старому орлу. Как будто мёртвый он слышать мог её.

Два молодых орла кружили уже низко над поляной. Я знал, они его птенцы, и им малыш махал...

— Ну, надо же. Зачем эта бессмысленная жертва? Зачем он так? И всё для человека? Зачем же так стараются они, Анастасия? За что они так жертвуют собою?

— За Свет, от человека исходящий. За Благодать, что может дать им человек, и за надежду для детей своих. Теперь птенцы его увидят, ощутят от Человека Свет Живительной Любви! Смотри, Владимир, наш сын орлятам улыбнулся, они летят к нему. Быть может, понимал орёл, что в этом Свете, от человека исходящем, Благодатном Свете, и его частичка будет.

— За Свет от всех людей так жертвовать они собой готовы?

— За всех людей, кто источать способен Благодатный Свет!!!

СИСТЕМА

Анастасия ушла готовиться, чтоб сына покормить, а я в раздумье снова стал гулять по лесу.

Два фактора расстраивали. Неприятны были для меня. Первый — я как отец совершенно не подходил для себя ниши, в которой мог бы поучаствовать в воспитании своего сына. Понятным стало, что мне не найти для него игрушек более интересных, чем он уже имеет. Питание тоже привозить сюда ни к чему.

Материнское молоко, свежая цветочная пыльца, потом пойдут орехи, ягоды... Конечно, детской смесью в пакетах не заменить живой продукт. И всё равно в голове с трудом укладывалась такая ситуация.

Ничего ведь нет у Анастасии, и в то же время она ни в чём не нуждается и даже ребёнка свободно обеспечивает.

По телевизору так рекламируют игрушки, разные приспособления для детей, что, кажется, без них не выживет ребёнок, а здесь они бессмысленны, и более того, — вредны. И даже кровать не нужна ребёнку здесь. Конечно, на такой кровати, как медведица, и в сорокаградусный мороз не замёрзнешь. Стирать простынки, пелёнки не надо. Медведица, надо же, ещё и чистюля, каждый раз у себя под мышкой скребёт лапой когтистой, как расчёской. О траву плашмя трётся, потом купается. Из воды выходит и трясётся, брызги в разные стороны летят, потом на спину ложится брюхом кверху и сушится и снова в паху своем расчёсывает.

Анастасия подводила меня к ней, дала потрогать то место, где спит малыш. Мягко там, чистенько и тепло.

Но если от меня совсем не требуется материального обеспечения, то в воспитании отец должен участвовать, это уж точно. Вот только как? Может, надо решительно и твёрдо потребовать у Анастасии ответа? Ведь я же выполнил её условия, не хватал ребёнка, не стал настаивать в использовании привезённых подарков.

Второе разочарование было оттого, что я не смогу теперь выполнить просьбу читателей и изложить конкретно расписанную систему воспитания детей. О детях вопросов в письмах много, и на читательских конференциях их всегда задают. Я обещал, что обязательно расспрошу об этом Анастасию, изложу в следующей книге систему, по которой их род из поколения в поколение детей воспитывал. И вот на тебе! Систему она вообще отрицает и, более того, говорит, что любая система вредна. Конечно же, такого быть не может. Должна быть хоть одна правильная среди вредных. И тут меня осенило. В письмах читателей и на конференциях не было ни одного вопроса по воспитанию детей, адресованного мне. Все просили ответить Анастасию, и если люди ей доверяют больше, чем нормальным специалистам из нашей жизни, и уж, конечно, больше, чем мне, то пусть она и отвечает на поставленные вопросы. Именно она обязана это сделать. А моё дело изложить в книге. У меня с изданием книги и так забот полно.

Анастасия освободилась от своих дел, подбежала весёлая, на лице румянец:

— Всё сделала. Наш сын уснул. Ты здесь скучал один?

— Я размышлял.

— О чём?

— О том, что в книжке больше нечего писать. Я говорил тебе, что люди ждут ответы на конкретно поставленные вопросы. Воспитание детей людей интересует. А что я напишу о воспитании? Ну, изложу, как ты с ребёнком общаешься, как он живёт. И что из этого? В условиях нашей жизни такие приёмы неприемлемы. Не станет же каждый медведицу, волчицу заводить, орла тренировать, да и полянки с чистенькой пыльцой на цветочках, как здесь, ни у кого нет.

— Но смысл ведь не в медведице, Владимир. Не в орле, они лишь следствие. Есть главное. Оно найдёт в любых условиях дорогу.

— Что — главное?

— К ребёнку отношение. Производимые вокруг ребёнка мысли. Поверь, пойми. Христа родить лишь та способна мать, которая поверит, что Христос у ней родится, и если отношение родителей к младенцу будет, как к Христу или Мухаммеду, последует за мыслью и младенец. И стать таким он устремится. И на природе всё равно бывают люди, и тот, кто сможет осознать, почувствовать Создателя творения, их смысл, предназначенье, тот сможет для ребёнка своего создать мир светлый и счастливый.

— Но как почувствовать? Здесь постепенно нужно как-то. Методика нужна.

— Только сердцем почувствовать можно, только сердце способно понять.

— Ну а конкретнее.

— Конкретнее ты тоже написал, когда про дачников рассказывал, и не заметил сам. К чему ж слова впустую тратить? Коль не открыты сердце и Душа, слова лишь в ветерок едва заметный превратятся...

— Да, написал. Однако в жизни ничего не происходит.

— Ростки едва заметны, не сразу каждому видны. Ростки, в Душе проросшие, — тем более.

— А если не видны, зачем тогда писать? Я пишу, стараюсь, но верят, понимают далеко не все, о чём ты говоришь. Есть и такие, что даже в твоём существовании сомневаются.

— Подумай, Владимир, быть может, сможешь смысл увидеть и в сомнениях.

— Какой же может быть в сомнениях смысл?

— Противодействия сомнения тормозят, вот потому для тех я существую, для кого и существую. Мы вместе с ними, рядом и в сердцах друг друга. Ещё подумай, ты сможешь осознать. Я существую потому, что есть они. Их сила созидать, творить, не разрушать. Они тебя поймут, поддержат, в мыслях рядом будут.

— Ну, что ни говори, а надоело выслушивать оскорбительные высказывания. Развей сомнения у неверящих. Давай, выступи по телевидению, покажи что-нибудь необычное из своих способностей, — просил я Анастасию, а она в ответ:

— Поверь, Владимир, плоть моя и чудеса, на публику творимы, в неверящих свет веры не вольют. Они лишь раздражение увеличат в тех, кому не нравится не их мировоззренье. И ты свою не трать энергию на них. Всему есть свой черёд, своя заря, коль хочешь, выйду к людям я, и выйду во плоти. Но перед этим сделать так должна, чтоб женщине, невольно посвятившей кухне жизнь, увидеть удалось и радости иные. И чтоб над мамой молодой с дитём своим, оставшейся одной, Свет воссиял любви. И дети! Понимаешь, дети! Над их Душой необходимо прекратить насилие постулатов...

— Ну вот, опять ты завелась с мечтой своей. Прошло немало времени, как помечтала, а сделано немного. Книжка есть, картины да стихи, а где ж твои глобальные свершения для всех людей? Только не надо говорить про светлые росточки, которые в Душе растут людской. Ты покажи такое, чтоб потрогать можно было, реально ощутить. Не можешь показать? Не можешь!

— Могу.

— Так покажи!

— Коль покажу, тебя подвергну искушению до времени раскрыть лишь восходящие росточки, от злого града кто их сбережёт тогда?

— Ты сбереги.

— Придётся так и поступить, свою ошибку исправляя. Смотри.

Благодаря Анастасии мне удалось прикоснуться к явлению, ещё более необыкновенному и потрясающему, чем было мной описано в книгах ранее. За одно мгновение передо мной, во мне или рядом — непонятно — пронеслось множество прекрасных лиц разных по возрасту людей. Из разных мест Земли.

Это было не просто мелькание. Люди представляли в своих делах прекрасных, как их лица. Была видна окружающая их обстановка, события, произошедшие с ними или благодаря им за годы их жизни. Все они были из нашей сегодняшней действительности. Многие годы потребовались бы на просмотр подобного количества информации в кино, а тут — одно мгновение, и снова предо мной Анастасия, она и позу не успела поменять свою. Заговорила сразу, как её увидел:

— Подумал ты, Владимир, что лишь гипноз какой-то видения твои. Прошу, пожалуйста, не думай над разгадкой, с чьей помощью предстали пред тобой они. О детях говорили мы. О главном! Детей увидел ты? Скажи?

— Да, видел я детей. Осмысленны их лица и добры. Дом сами строят дети, красивый очень дом, большой. Ещё они поют при этом. И человека среди них седого видел. Он академик, этот человек. И мне он сразу показался мудрым очень. Да только странно говорит. Считает, будто дети мудрее могут быть и даже тех, кто звания учёные имеет. С тем академиком седым общаются как с равным себе дети, и с уважением в то же время. Ну, там, в видении, о детях много было. Как странно учатся они, о чём мечтают, но это лишь видение, чего о нём твердить. В реальной жизни всё совсем иначе.

— Ты видел жизнь реальную, Владимир, и в этом убедиться вскоре сможешь.

И надо же, случилось всё ведь точно так. Случилось! Увидел!

ПРЕТВОРИТЕ В ЖИЗНЬ ВИДЕНЬЕ СЧАСТЬЯ

Вскоре по возвращении из тайги я приехал снова в город Геленджик, где должна была проходить читательская конференция по книге. Заместитель главы Краснодарского края по Геленджикскому району повёз меня в лесную школу академика Михаила Петровича Щетинина.

Узенькая щёбёнчатая дорога уводила от трассы к лесу, к небольшой, запрятанной меж гор долине. Дорога вскоре заканчивалась, упираясь в необычный двухэтажный дом-терем. Он ещё не был достроен. Из его оконных проёмов без рам лилась, выводимая детскими голосами, русская народная песня. Этот дом был из лесных видений, но теперь он был абсолютно реальным.

Никому ничего не говоря, я полез через разные стройматериалы, чтобы всё-таки своими руками дотронуться до этого дома. Когда я подходил к нему, увидел, как по приставной лестнице без перил ловко спустилась девочка лет десяти, подошла к кучке речной гальки, стала выбирать и складывать в жестяную банку из-под селёдки камешки. Когда она снова взбиралась по лестнице, я полез за ней навстречу льющей, манящей песне. На втором этаже такие же, как она, и чуть постарше дети брали из коробочки гладкую гальку, прикрепляли её цементным раствором к стене, выкладывая на ней удивительные по красоте узоры. Две девочки мокрыми тряпочками сразу протирали бережно каждый прикреплённый к стене камушек. Они занимались своим делом увлечённо и пели. Взрослых среди них не было. Потом я узнал, что фундамент и каждый кирпичик этого дома положен детской рукой. И проект дети сами придумали, и оформление каждого уголка своего дома.

В небольшом городке-школе такой дом не единственный. В этом удивительном месте дети сами строят свои дома, свой город, своё будущее и поют. Здесь десятилетняя девочка способна строить дом, великолепно рисовать, готовить пищу, знать балетные танцы и навыки русского рукопашного боя.

Дети лесной школы знали Анастасию. Они сами рассказывали мне о ней. В этой школе учатся триста детей из разных городов России.

В этой школе за один год осваивают курс математики десятилетней школы, одновременно изучают сразу три языка. Сюда не подбирают вундеркиндов и не делают вундеркиндов, здесь просто дают раскрыться в детях тому, что уже в них имеется.

Школа академика Михаила Петровича Щетинина относится к Министерству образования Российской Федерации, она бесплатная. Школа себя не рекламирует, в ней нет ни одного свободного места, но есть две с половиной тысячи заявлений на вдруг появившееся место.

Трудно подобрать слова, способные отобразить счастьем светящиеся детские лица. Может быть, следующим фактом попробовать? Я поехал в эту школу сразу после состоявшейся в Геленджике читательской конференции. Поехал вместе с небольшой группой читателей, услышавших о предстоящей поездке.

Среди читателей была и удивительный человек Наталья Сергеевна Бондарчук — актриса, кинорежиссёр, член правления Рериховского общества. Она, великолепно разбирающаяся в эзотерике, выступала на конференциях, говорила о Рерихах, об эзотерике. Об Анастасии говорила намного толковее, чем я. С Натальей Сергеевной была её десятилетняя дочь Машенька. После конференции им предстояла поездка на кинофестиваль в город Анапу, где уже находилась любимая бабушка Машеньки, известная актриса Инна Макарова. Но, как гром, как призыв к прозрению, прозвучали слова Машеньки: “Мамочка, пожалуйста, хоть на три денёчка. Хоть на три! Пока ты будешь на фестивале, сделай так, чтоб я могла остаться в этой школе”. И осталась на три дня изнеженная Машенька в этой школе к величайшему изумлению матери, произнесшей с грустью: “Видно, многое недодаём мы детям своим, что, даже любя, неосознанно обкрадываем их”.

С Натальей Сергеевной был кинооператор, он заснял, как дети школы Щетинина рассказывали о своём общении с Анастасией. О своём понимании жизни. Я приведу здесь разговор с детьми, занятыми на строительстве дома-герема. Вопросы детям задавали мы с Натальей Сергеевной.

— Создаётся впечатление, что каждый кирпич вашего дома наполнен большой силы светлой энергией.

— Да, это так, — отвечала нам старшая, рыжеволосая девочка. — Очень много зависит от людей, которые к ним прикасались. Мы все это делали с любовью, старались своим состоянием привнести в будущее только хорошее, радостное.

— Кто автор проекта этого здания, колонн, рисунков?

— Это наша совместная, общая мысль.

— Значит, все, кто здесь работает, только внешне занимаются каждый своим, а на самом деле — это общая мысль?

— Да, мы собираемся каждый вечер на огоньки, где продумываем, моделируем предстоящий день. Представляем образы, которые будут в нашем доме.

Ещё у нас некоторые учащиеся исполняют роль архитекторов, они конкретизируют, объединяют совместную работу.

— Какой образ присущ помещению, в котором мы с вами сейчас находимся?

— Образ Сварога, Огненного небесного начала. Здесь это можно увидеть по символам, по берегам камня.

— Среди вас можно выделить начальника, руководителя?

— У нас есть ведущий, но вообще-то здесь работает общая мысль — лава, так мы называем.

— Повторите, мысль — лава?

— Да, состояние, образ, желание.

— У вас все работают с удовольствием, все улыбаются, у всех блестят глаза, всем весело?

— Да, это наша жизнь, потому что мы делаем то, что хотим, то, что можем, то, что любим делать.

— Ты говорила, что каждый камень имеет пульс свой, ритм?

— Да, и он бьётся в один день — один раз.

— У всех камней это так или у некоторых два раза?

— Пульс у всех камней бьётся одинаково.

— Вам не кажется, что ваш дом похож на храм?

— Храм это не форма, это состояние. К примеру, купола, они лишь помогают тебе войти в определённое состояние. Форма лепится чувством. И не случайно к нам пришли формы купола, шатры — устремление в небо, нисходящая Благодать Небесная.

— Этот дом, где каждый камень положен доброй рукой, может исцелять?

— Конечно.

— Всё-таки исцеляет?

— Да, исцеляет.

Я засмотрелся на девочек, выкладывающих на стене горницы орнамент из речной гальки. Девочки, одетые совсем в простенькую, немодную одежду, были красивы какой-то необычной красотой, и я подумал: “Где знакомимся мы со своими будущими жёнами? На танцплощадках, вечеринках, курортах. Видим своих будущих жён раскрашенными, модными, влекущими своими стройными ножками и другими прелестями фигуры, женимся на всём этом, а потом, когда краска смыта, смотришь, сидит перед тобой кикимора кикиморой, ворчит, внимания к себе требует, любви ответной. Какое счастье всю жизнь с кикиморой жить, о чём говорить с ней? А она ещё от тебя и материального обеспечения требует. Эх, не повезло. Но, может, сами мы именно таких и достойны? Конечно, таких и достойны. Это надо же такими полными идиотами быть, чтоб на краске, да на ножках длинных жениться! А кому-то повезёт, кому-то достанутся в жёны вот эти, выкладывающие на стене орнамент девочки. Они и дом красивый построить смогут, и пищу с любовью приготовить, языки разные иностранные знают, мудрые, умные, красивые и без косметики они, когда подрастут, ещё красивее станут. Конечно, многим захочется такую в жёны взять, но за кого же они согласятся выйти замуж?” Таким и задан был вопрос красавицам в простенькой одежке.

— Скажите, за кого бы вы вышли замуж, какой должен быть ваш муж? Какими обладать качествами? И не задумываясь, сразу первая девочка ответила:

— Добротой, терпением, и он должен быть человеком, который любит свою Родину. Человеком, который имеет честь и достоинство.

— А что в вашем понимании честь?

— Для меня честь — в одном выражении: я имею честь быть русским.

— А что такое русский человек?

— Это человек, который любит свою Родину. Это прежде всего тот, который стоит за неё и никогда не подведёт. Ни в какую минуту, даже самую сложную. Он сам считается частью Руси.

— И ваши дети будут жить для Родины?

— Да!

— И, значит, муж должен с вами это разделять?

— Да!

Ответ второй девочки на вопрос, каким должен быть ваш муж:

— Он должен быть человеком, способным отдавать тепло и Свет другим людям. Если это от него будет исходить, то и окружающим будет хорошо, и нашей семье тоже. Человек, богатый Духом, здоровым Духом, несравним ни с каким богатством.

А самой маленькой девочке во время работы видеокамеры никакого вопроса не задали, я потом её спросил и в ответ услышал:

— Может, все лучшие поженятся, пока я подрастаю, но мой муж всё равно будет очень хорошим, добрым и счастливым, я его сама сделаю таким, я помогу ему, как Анастасия.

И я увидел, понял, Анастасия делится своими способностями с детьми. Почему с детьми школы Щетинина? Потому что академик Михаил Петрович Щетинин — сам великий маг, создавший и продолжающий создавать Пространство Любви, и оно будет увеличиваться.

Сейчас ещё маленькие русокодые Анастасии. Но они подрастут! Пойдут по Земле, создавая такие же оазисы, пока не заполнят ими Землю всю.

Когда я стоял в горнице второго этажа необыкновенного дома-терема, разглядывал орнамент и рисунки, сделанные детскими руками, но похожие на шедевры великих мастеров, возникло ощущение, что нахожусь в самом великом, светлом и добром храме на Земле. Это, наверное, оттого, что дом, каждый миллиметр которого с любовью обласкан детской рукой, неизмеримо больше наполнен светлой энергией, чем некоторые храмы.

И подумалось тогда. Вот восстановим мы разрушенные храмы и монастыри, используя современную технику и железобетонные технологии, не так уж сложно это сделать, потом придём в эти храмы с чувством исполненного долга и станем просить: “Господи, благослови”. Но не получим благословения. Потому что в это время внимание Бога будет посвящено детям, строящим необыкновенный дом-храм. И будет переживать Он, что кончается у детей цемент, что кирпича и досточек для пола не хватает. И с любовью будет благословлять Бог каждого, кто поможет им. И я не удержался от искушения показать эти маленькие росточки. Не удержался, чего и опасалась Анастасия. А произошло вот что. Я шёл по дорожке мимо стоящих на улице кухонных столов, за которыми работали дети, и вдруг ощутил на себе мягкое тепло, словно тепловой рефлектор кто-то направил на меня. Ощущение тепла было похожим на то, которое исходит от Анастасии, когда она смотрит, сконцентрировав свой взгляд. Только в этот раз оно было совсем слабеньким, но я остановился и посмотрел в сторону, откуда оно исходило. Одиннадцатилетняя девочка сидела за крайним столом и перебирала от сора рис, смотрела на меня и улыбалась. Я подсел к её столу. От близости взгляда горящих голубым светом глаз стало ещё теплее, и спросил:

— Как тебя зовут?

— Здравствуйте. Меня зовут Настей.

— Ты, значит, можешь обогреть своим взглядом, как Анастасия это делает?

— Вы почувствовали?

— Да.

Маленькая Настенька не в полной мере, но обладала способностью Анастасии согревать тело своим взглядом. Подошла и села за стол Наталья Сергеевна Бондарчук, кинооператор включил камеру. Ничуть не смущаясь и не прекращая свою работу, Настенька стала отвечать на вопросы.

— Откуда вы берёте знания, способности?

— От звёзд.

— Что ты поняла, общаясь с сибирской Анастасией?

— Очень важно понимать и любить свою Родину.

— Почему это очень важно?

— Потому что Родина — это то, что сотворили наши далёкие и близкие родители.

— Кто твои родители? Где работает твой отец?

— Мой папа — учитель. В школе, где он преподаёт, тоже хорошо, но здесь лучше.

— Вы живёте здесь единой, дружной, счастливой семьёй. Вы забываете своих родителей?

— Наоборот. Мы больше и больше любим своих родителей, посылаем им добрые мысли, чтобы и им было хорошо.

Работала кинокамера, и мне очень захотелось, чтобы Настенька показала скептикам, что такое обогревающий взгляд. Я попросил её:

— Настенька, покажи многим людям, как можно обогревать взглядом. Вот камера, посмотри в объектив, обогрей всех, кто будет смотреть.

— Всех сразу очень трудно. У меня может не получиться.

Но я продолжал настаивать. Повторил просьбу. И с Настенькой стало происходить в точности то же самое, что с Анастасией в лесу, когда она силой воли своей, на расстоянии, с помощью своего Луча спасала мужчину и женщину от истязаний бандитов. Я описывал эту сцену в первой книге. Сначала Анастасия пояснила:

— Это не в моих силах, это уже как бы запрограммировано раньше, не мной, я не могу вмешаться напрямую. Они сейчас сильнее.

И всё же при настойчивом повторении просьбы она выполнила её. Выполнила, зная при этом, что может погибнуть.

И маленькая Настенька после настойчивого повторения просьбы стала пытаться её выполнить. Она два раза подряд, не выдыхая, втянула в себя воздух, закрыла глаза на некоторое время, потом спокойно стала смотреть в объектив камеры. Замер заворожённый оператор. И вдруг Наталья Сергеевна Бондарчук, сорвав с себя платок, закрыла им Настеньку. Она первая заметила, как начало вибрировать её тело и появилась бледность на лице. Я понял: повторять просьбу не следовало. И не стоило тратить энергию на неверящих. Это лишь усилит злые противостояния в них.

Приехавшие взрослые люди не могли сдержать желание дотронуться до детей. Они трогали, обнимали их, гладили, словно котят. И зачем я привёз с собой целую группу этих взрослых людей? Ведь знал же, что в эту школу приезжает много разных комиссий, делегаций разного уровня, просто отдельные люди приезжают посмотреть, потешить своё любопытство, прикоснуться к исходящей от её обитателей Благодати. И прикасаются, и берут, ничего при этом не привнося от себя. И, может быть, права Анастасия, говоря: “Пытаясь взять святого места Благодать, подумай, что ему ты от себя оставить можешь. И если Свет не научился источать, зачем же брать и хоронить в себе, словно в могиле”. Я тоже оказался в этой школе из любопытства. Благодаря Анастасии принял меня академик Михаил Петрович Щетинин, и стол ещё накрыли дети, яствами уставленный, и всех, приехавших со мной, кормили. Не только пищу со стола мы брали здесь. Огонь живых глазёнок детских неизмеримо большее дарил, а что взамен им мы? Как покровители погладим по головке? Так, раздосадованный на себя, от группы прибывшей уйдя в сторонку, один стоял и думал. Вдруг подошли и встали рядом уже знакомые мне Лена и Настенька.

— Вы расслабьтесь, — тихо сказала Настенька. — Взрослые всегда так. Погладить им хочется, обнять. Думают, что главное обнять. А Вы с самого утра сегодня всё нервничаете. Пойдёмте с нами на полянку, мы вам об Анастасии расскажем. Я знаю, в каком она сейчас пространстве.

Когда мы пришли на полянку, кинооператор, присоединившийся к нам, попросил меня:

— Давай попробуем взять ещё интервью у девочек. Отличные кадры должны получиться, смотри, какой прекрасный пейзаж, и никто не мешает.

— Может, не надо? Наверное, замучили их уже расспросами всякими.

— Но с тобой они всё равно с удовольствием будут говорить. Посетителей, журналистов в эту школу не с удовольствием пускают. А нам такая уникальная возможность представилась. Жалко упускать. Пойми меня как профессионала.

Я взял в руки микрофон и говорю девочкам:

— Интервью у вас взять надо. Я сейчас вам вопросы задавать буду, а вы отвечать на них, не возражаете?

— Если вам нужно, задавайте вопросы, — ответила Лена, а Настенька добавила: — Конечно, конечно, мы будем отвечать.

Девочки встали рядышком, поправили свои длинные русые косы и стали внимательно смотреть мне в глаза в ожидании вопроса.

После двух банальных вопросов я замолчал, вдруг осознав, что подобные банальные, стандартные вопросы им задают все приезжающие взрослые, и члены всевозможных комиссий, и журналисты, а они способны ответить на вопросы по такой теме, о которой не каждому, жизнь прожившему, взрослому человеку доводилось думать. Прав оказался казачий атаман, сказав:

— Мой сын всего три месяца в этой школе проучился, а я уже чувствую, что самому срочно что-то познавать нужно, иначе глупым рядом с ним буду выглядеть.

Да и вообще, все мы не унижаем ли детей своих глупыми вопросами, заведомо внушая тем самым детям своим, что они на большее не способны? Я стоял перед девочками с микрофоном и молчал, и видел по их лицам, что они переживали за меня видя, что растерялся и не знаю, о чём говорить с ними. Тогда и признался им честно:

— Не знаю я, о чём говорить с вами, какой вопрос задать.

И тут сложилась совсем уж комичная ситуация. Стоим мы с кинооператором, два взрослых мужика, а перед нами две малышки, энергично поддерживая друг друга, не задумавшись даже на секунду, быстро объясняют нам, как надо брать интервью, как разговаривать с другим человеком:

— Вы расслабьтесь, надо уметь расслабляться. Главное, искренне говорить. Говорить о том нужно, что волнует вас.

— О нас не думайте. О другом человеке нужно думать, когда с ним разговариваешь, но вы не думайте о нас, раз трудно вам. Расслабьтесь.

— Вы свои вопросы сердцем нам задайте, ответить сможем мы, не думайте о нас.

— Пока не можете, давайте сами мы вам что-нибудь расскажем...

Они шли по полянке, улыбаясь, трогали травинки и говорили. Глубина их познаний мироздания, исходящая от Души чистота, добротой светящиеся глаза погружали в состояние покоя и уверенности. Кинооператор снимал издали, не мельтеша сменой планов. Впоследствии не раз просматривал я подаренную Натальей Сергеевной видеокассету. Смотрел, как идут по полянке маленькие русокобые белые магини. Они подрастут! Их в этой школе триста.

Я пишу об этой школе не для того, чтобы кому-то что-то доказывать, а для того, чтобы порадовать сердца тех, кто читал, почувствовал и понял Анастасию.

Если кого-то раздражает, что и как я излагаю, так вы не читайте. Критики я получил уже предостаточно, и за стиль изложения, и за грамматические ошибки, и за якобы меркантильный вымысел. Но всё равно сейчас следующую книжку пишу, лучше постарайтесь её не читать, события в ней покруче, чем в предыдущих книжках, и стиль изложения ненамного улучшается. Совсем вы можете разнервничаться.

АКАДЕМИК ЩЕТИНИН

Кто он? Мы привыкли характеризовать человека, излагая его биографию, послужной список, звания. Но в данном случае всё это делать бессмысленно. В Библии сказано: "...по плодам их узнаете их". Плоды Академика Щетинина — счастьем светящиеся детские лица и лица родителей детей, обучающихся в его школе. Так кто он тогда? Наталья Сергеевна Бондарчук не только заслуженная артистка России, она и член правления Международного центра Рерихов (неправительственной организации ООН), сказала:

— Я общалась со многими известными проповедниками и учителями разных стран мира, но нигде не была поражена до такой степени, как здесь. Возможно, здесь мы соприкоснулись с великим Ведуном. Ведуном не потому, что он знает древние Веды, ему известно то, что многим из нас неизвестно.

Я тоже хотел бы высказать своё впечатление от встреч с Михаилом Петровичем Щетининым, но я не специалист в области образования и мои определения будут неверны, потому и постараюсь без искажений передать то, что говорил он сам.

Наталья Сергеевна, её кинооператор, Михаил Петрович и я шли по коридору школы. В холле, не отделённом от коридора стеной, вокруг расставленных столов сидели дети разных возрастов, все они были увлечены каким-то непонятным делом, ни мы, ни камера кинооператора их не отвлекли. Некоторые из сидящих за столами детей иногда вставали, куда-то выходили, возвращались снова. Иногда подходили к висящим на стене стендам с цифрами или просто могли задумчиво прохаживаться по комнате, некоторые разговаривали между собой, что-то доказывали, поясняли друг другу.

— Михаил Петрович, что здесь происходит? — спросила Наталья Сергеевна.

— Здесь вы видите в основном попытку встретиться. Если встреча произойдёт, дети смогут освоить курс математики десятилетней школы не более чем за год. Такая стоит задача. Это случится с теми, кто сможет встретиться с владеющими подобными знаниями, насколько их отношения будут открытыми. Их полевые структуры смогут считывать информацию друг друга. Известное наблюдение в народе — любовь с первого взгляда, когда любящие понимают друг друга с полуслова. Ты ещё не сказал, а он уж понял. Вы видите, что здесь делается всё, чтобы дети были вольны, свободны.

Здесь они смогут спокойно задавать любые вопросы, подниматься, входить. Важно сохранить отношения.

Очень важно, чтоб ребёнок работал на отношения. И тот, кто организует процесс, — также. Потому мы снимаем тормоза, как видите, мы не акцентируем внимания на возраст. Здесь рядом с пятнадцатилетним Иваном Александровичем сидит десятилетняя Маша. Также здесь находится студент университета Сергей Александрович, правда, в этом году он заканчивает университет.

— А сколько же лет студенту, заканчивающему университет?

— Сергею Александровичу в этом году будет восемнадцать.

— И он оканчивает университет в семнадцать лет?

— Семнадцать ему в этом колоне, мы, вообще, понятие возраста стремимся не употреблять. Это очень важно. Обратите внимание, здесь учителя как бы сливаются с учениками. Правда, это группа особая. Находятся здесь те, кто не смог принимать участия в строительстве дома. И перед ними стоит задача — освоить курс математики десятилетней школы, чтобы потом передать свои знания работающим сейчас на строительстве. И это произойдёт. Потому что у них зарождается система взаимосогласованных элементов интеграции.

Нашей родовой памяти известно устройство космоса и способы жизни в космическом пространстве. Поэтому очень важно не допустить мысли, что они что-то не знают. Если кто-то из объясняющих допустит себе такую мысль, его ученики и будут не знать. Основное для объясняющего — вступить с учеником в отношение по решению задач, тогда обучение пойдёт само собой. Чтобы не сконцентрировать внимания на обучении, на запоминании. Не допускать мысли, что кто-то учит. Сотрудничая, они перестают чувствовать, кто из них ученик, кто учитель.

В процессе решения задач обретаются необходимые знания, а фактически воспоминание о забытом. Это рефлекторная дуга, помните, у Павлова — стимул реакции. Если есть необходимость — я решаю.

Очень важно, чтобы то, что делают они, имело непосредственное отношение к окружающим людям. И они сейчас учатся не для себя, это очень важно. Они сейчас озадачены тем, чтобы передать освоенное другим. Не оценка для них важна. Они понимают, что через несколько дней должны будут всё объяснить другим.

Им поручено начало учебного процесса. У каждого определена группа. Он наблюдает, как работают на стройке те, кому он должен передать свои знания, и беспокоится о том, чтобы его группа не отстала от других. Большое значение имеет мотив — служение другому. И если они чему-то учатся, то это понимать Душу, стремления, мысли другого человека. Не математика здесь важна, а человек, постигающий математику. Не математика ради самой себя, а математика ради движения к Истине. И чем масштабней мотив — “ради чего”, — тем успешнее процесс продвижения в область знаний.

Важно быть в атмосфере искренности, не должно быть обид, раздражений. Слово “не так” вообще отсутствует. В древнерусском языке нет остановки движения, нет плохих слов. Древние люди любых народов не обозначают плохим словом никакое явление. Оно не существует — на нём не надо фиксироваться. Нехорошего не существует. Если Вы зашли в тупик, то слова по поводу выхода из тупика обозначают: направо повернуться, налево, подняться вверх, как бы подсказка, куда идти, а не фиксация — “стоишь неправильно”. Сегодня кощунствуют русофобы, говоря: “высказаться по-русски”, подразумевая под этим нецензурные выражения, — это нерусское. У Кобзева очень точное выражение этой мысли:

*У наших предков, у славян,
меж дел великого значенья
всегда к реченьям и словам
было особое почтенье.*

Это точно. Потому у тех, кто работает с ними, словесный ряд должен быть глубоким, исключая случайные слова, отвлекающие Мысль. Большое значение имеют слова, согретые чувством.

Истина, наследие — это духовное. Необходимо ребёнка вписать в естественный космический процесс — вечного самовоспроизводства. Тогда ты подарил ребёнку вечность, радость жизни, действительное существование. Не мнимые формы: вот я, мол, сын, купил тебе рубашку, брюки, туфли... — теперь я могу умереть. А что же ты дал своему сыну? Ведь твои подарки всего лишь на один сезон! Если бы ты отдал сыну своё достойное имя, свою честь, своё дело, друзей своих, народ процветающий. Когда ты ему дал понимание Истины существования и мудрой жизни, вот тогда ты можешь сказать: “Сын, я дал тебе самое главное, ты будешь счастлив. Ты будешь покупать рубашки и строить дома, ты теперь знаешь, как это делается”.

Слушая высказывания академика Щетинина, наблюдая его взаимоотношения с детьми, я отмечал, что они схожи с тем, что говорила о детях Анастасия, и удивлялся: “Каким образом могут так одинаково или почти одинаково мыслить одинокая отшельница сибирской тайги и этот седой академик? Почему он вообще со мной разговаривает? Почему принял так тепло, стол накрыл, накормил? По школе водит, всё показывает. Почему? Кто я такой для педагогики? Никто. Бывший троечник. Ну, конечно же, снова она как-то постаралась”.

Конечно же, я попал в школу академика Щетинина благодаря только Анастасии. Но о ней мы со Щетининым не разговаривали. Говорили на разные житейские темы, в каждый мой приезд ходили смотреть, как продвигается строительство необыкновенного дома-храма. О книжке он сказал коротко: “Это очень точная книга” — и всё.

А через несколько дней после того как побывал я в школе с группой приехавших на конференцию людей, показывал им Настеньку и просил, чтобы она своим взглядом обогрела всех, произошло следующее. Мы шли с Михаилом Петровичем по коридору школы, я искал её глазами. Искал, как все интуитивно ищут то, что источает Свет.

— Потухла Настенька, — вдруг произнёс Щетинин, — пытаюсь теперь восстановить её силы. Получается, но с трудом. Время потребуется на восстановление.

— Как потухла? Почему? Она же сильная. Что произошло?

— Да, она сильная. Но и выплеск эмоциональный с её стороны был очень сильным.

Я стоял в кабинете Щетинина злой и раздосадованный на самого себя. Ну, зачем?! Кому или чему в угоду стал доказывать? Доказывать, несмотря на слова Анастасии: “Ни плоть моя, ни чудеса, на публику творимы, в неверящих свет веры не вольют... они лишь раздражение увеличат в тех, кому не нравится не их мировоззрение”.

“Всё! Хватит, — думал я, — доказывать не буду больше и писать не буду. Хватит. Дописался”. Я думал про себя, но вдруг сказал Щетинин:

— Писать не нужно прекращать, Владимир. — Потом он подошёл ко мне, положил руку на плечо и, глядя в глаза, стал голосом вдруг выводить мелодию. Седой академик брал высокие ноты, но более удивительным было то, что он выводил мелодию, похожую на ту, которую пела в тайге Анастасия.

Направляясь к выходу из школы, я всё же увидел в холле, где сновали дети, сидящую на стуле Настеньку и подошёл к ней. Она встала, подняла голову и чуть усталые глаза через мгновение запылали, даря Свет и тепло. Я понимал сейчас: она отдаёт свою энергию и тепло и отдаст всё, без остатка отдаст, чтобы помочь той, другой, сибирской Анастасии, её мечте. Ставшей теперь их общей мечтой. Да что же это творится такое? В чём сила той мечты? Зачем они?.. С полной самоотдачей... И этот детский взгляд... Хватит ли одной жизни, чтобы стать, хоть частично, достойным такого взгляда? Вслух ей сказал:

— Ну, здравствуй, Настенька. — А про себя: “Не надо, Настенька. Спасибо. Прости меня...”

— Я провожу вас. Мы с Леной проводим вас до машины.

Пока машина не свернула на повороте, я смотрел на маленькие и всё уменьшающиеся фигурки, стоящие в начале дороги у дома-терема под фонарём. Они не махали руками, прощаясь. Каждая держала одну руку поднятой вверх, ладонь — направленной в сторону удаляющейся машины. Я знал, мне Щетинин ещё раньше пояснил. Этот жест обозначает: “Мы направляем тебе свои Лучики добра, пусть они будут с тобой, где бы ты ни был”. И снова всё обжигающая мысль: “Что нужно сотворить, как стать таким, чтоб быть ваших Лучей достойным?”

С ЧЕМ СОГЛАШАТЬСЯ, ЧЕМУ ВЕРИТЬ?

Встреча с академиком Михаилом Петровичем Щетининым, знакомство с его удивительной школой произошли после второго визита к Анастасии. После посещения этой школы у меня почти не осталось сомнений относительно высказываний Анастасии по воспитанию детей, относительно её действий по общению с сыном. Но тогда в тайге во мне всё бунтовало против неё. Не хотелось ей верить. По крайней мере, не всему хотелось верить.

Пишу эти строки и представляю, как многие читающие их скажут, кто вслух, кто про себя: “Сколько же можно не верить? Ведь множество раз ему приходилось убеждаться в её правоте, и все равно он, как дебил, не может воспринять новое явление”.

Дочь Полина видеокассету прислала с читательской конференции, я посмотрел, как учёный из Новосибирска, Сперанский его фамилия, прямо со сцены сказал: “ То, что говорит Анастасия, Мегре осмыслить до конца не может. Ему нечем такое осмыслить”.

Я не в обиде на него, напротив, он очень интересно всё говорил, зал слушал, затаив дыхание, и я благодаря ему смог осознать: Анастасия — Сущность, самодовлеющая субстанция.

Что про меня тут говорить, другим всё время делом занимался, но что же те, кто увлекался наукой о Земле, о детях и молчал или тихо говорил, словно пищал? И даже дети пишут в своих письмах мне, чтобы я внимательнее относился к тому, что говорит и делает Анастасия.

Но, уверяю вас, уважаемые читатели, я теперь намного внимательнее к ней отношусь, однако не могу не спорить с ней, не сомневаться. Потому не могу, что не хочется ощущать себя и всё наше общество полными идиотами. Не хочется верить в то, что мы идём путём дегенератов.

Вот и стремлюсь найти хоть какое-то оправдание нашим действиям. Или неприемлемость для нашей современности её мировоззрения. И буду стремиться к этому, насколько хватит сил. Ведь если этого не делать, придётся признать не просто её правоту, а ужасающую ситуацию, в которой мы с вами сегодня находимся. И если говорить о существовании ада, то мы сами и строим в ад дорогу. Давайте возьмём хотя бы ситуацию с воспитанием детей. Я о себе скажу, но и про всех, подобных мне, и, думаю, немало их.

Учился я посредственно, отец наказывал меня за каждую двойку. Наказывал, не только лишая возможности погулять на улице с ребятами, покупкой очередной игрушки, но и покруче. И был страх. Страх больший, чем удар ремня. Чего-то большего боялся я всё время. И шёл к доске, словно на эшафот. И вырывал из дневника страницы.

*Школьные годы чудесные,
С книжкой, тетрадкой, песней,
Как они быстро летят,
Их не воротить назад.
Разве они пролетят без следа?
Нет. Не забудет никто никогда
Школьные годы.*

Помните слова песни, внушающие нам, как прекрасны школьные годы? Внушают, внушают. Но давайте вспомним, особенно мы, троечники, а ведь нас большинство, с какой радостью зашвыривали подальше мы ненавистный портфель, когда начинались каникулы.

Как могут быть чудесными школьные годы для ребёнка, которому физиологически необходимы движения, а от него требуют целых сорок пять минут сидеть почти без движения, в строго определённой позе, положив, как все, обе ручки на парту. Кто-то флегматичный, медлительный это выдерживает, а тот, который от природы подвижный, темпераментный, импульсивный, ему какво? Но ведь всех под одну гребёнку, словно роботов, без разбора — сиди, иначе...

И сидит, старается выдержать сорок пять минут маленький человек, а через десятиминутный перерыв — новые сорок пять, так месяц, год, десять лет, выход один — смириться. А главное, смириться вообще с тем, что всю жизнь с чем-то должен смириться. Жить, как заведено, жениться, как заведено, на войну идти, раз такая дана установка. Верить непременно в то, во что скажут.

Согласившимися смириться легко управлять. Вот только хорошо, если бы они были здоровыми физически, для работ разных. А они пить начинают, наркотики употреблять. Но не потому ли человек пьёт и наркоманом становится, что вырваться, хоть на мгновение, но вырваться стремится из клетки всеподчинённости чему-то непонятному его Душе и сердцу. Да не летят они быстро, школьные годы, тянутся они каждые сорок пять минут пытками.

Наши прапрадеды, деды и отцы считали и теперь мы считаем, что так надо, что ребёнок не понимает. И насилие над ним нужно для его же блага. Вот теперь, сегодня наши дети, Ванечки, Коли, Саши и Машеньки, тоже идут в школы, и мы сегодня, как века назад наши предки, тоже считаем, что направляем их во имя их же блага, за знанием и Истиной идут они. Вот тут-то — стоп! Давайте поразмыслим.

Период наш дореволюционный. За партами наши прадедушки сидят, тогда ещё не выросшие дети. Закон Божий им преподают, историю и как кто должен жить учат. Тех, кто не вызубрил и кто как следует воспринимать не хочет представленное мировоззрение, линейкой по башке и по рукам учитель строгий бьёт для их же блага.

Но вот свершилась революция, и враз признали взрослые, что в школах детям внушали ахинею. Из классов старое всё — вон, и новое внушается детишкам: законы Божьи — ерунда сплошная. От обезьяны развивался человек. Наденьте красный галстук, в линейчку постройтесь, стихи читайте,

славьте, славьте коммунизм. И славили, читали, надрываясь, и отдавали взрослым пионеры честь. “За детство счастливое наше спасибо, родная страна”. И снова тех, кто не слишком постарался, лишали, били, публично осуждали.

Но вдруг, и в нашем же веке, на наших глазах, новые вдруг установки. Забросить галстуки. Чума красная постигла нас. А коммунизм — террор сплошной и лицемерие. Человек от обезьяны? Да это бред сплошной. Мы от другого чего-то родились. Рынок! Демократия! Вот Истина!

Где Истина, где догма лживая — ещё неясно до конца. Но дети вновь за партами сидят не шевелясь. А у доски — учитель строгий...

Веками длится над детьми садизм духовный. Как будто лютой зверь, невидимый и страшный, стремится каждого рожденного вновь поскорее вогнать в какую-то невиданную клетку. У зверя — верные сподвижники, солдаты, кто они? Кто издевается духовно над детьми? Над каждым в этот мир пришедшим человеком? Как имя их? Профессия какая? И что ж, поверить просто так, что имя их — учитель школьный или родитель? Образованный родитель? Так сразу не могу поверить, а как вы?

Сегодня учителям не платят вовремя зарплату. Учителя бастуют: “Мы детей учить не будем”. Скажите, плохо или хорошо, когда зарплату не платят человеку? Конечно плохо. Жить ведь человеку на что-то нужно. Но если среди бастующих действительно духовные садисты есть? Скажите, плохо или хорошо, что деньги не дают тому, кто над ребёнком вашим издевается?

Вообще, забастовки учителей навели меня на интересные размышления. Сейчас в крупных городах есть платные школы, организаторы этих школ подбирают наиболее одарённых учителей и платят им неплохую зарплату — примерно раза в два больше, чем в обычных. Отдать ребёнка в такую школу не каждому родителю удаётся, даже если он имеет возможность оплачивать обучение. Потому что школ таких не хватает. А почему не хватает? Причина проста — потому, что не хватает учителей хороших. Организаторы не могут их найти.

Ещё вопрос. Учителей не могут найти даже на хорошую зарплату, а кто тогда бастует — вот вопрос? Только поверьте, пожалуйста, я никоим образом не хочу выделить из всего среза нашего общества именно учителей одних. Я, говоря о них, себя в виду имею тоже. Ведь это я среди них. Ведь я — родитель и дочь свою учить заставлял то, что преподавали в школе ей, а потом, в начале перестройки, спрашивал: “Как по истории, учитель, что сейчас вам говорит?” — в ответ услышал: “Учитель говорит, но будто бы молчит”. А что на это дочери сказать? Вот и сказал: “Ну, ты не мудрствуй. Ты, давай учись”.

Теперь вот забастовки, но только ли учителей? Врачи бастуют, шахтёры, учёные. Бастующие пишут на своих плакатах: “В отставку правительство, в отставку президента!” Логично всё, считают, кто бастует. Раз нет зарплаты, значит, не справляется с обязанностями власть.

Сегодня всё в требованиях подобных кажется логичным, а вот завтра что? Опять вопрос. Быть может, выяснится завтра, что правительство и президент на светлой стороне стояли, от посягателей, вампиров Землю всю спасали. Невольно, может быть, и сами не подозревая, под градом недоброжелателей, рискуя власть терять, но денег не давали садистам, разрушителям и Душ людских, и плоти, и Земли. А те в истериках пред всеми мучениками представляли.

Сегодня мучениками. С сегодняшних позиций, постулатов, но завтра новые постулаты придут, и кем предстанет кто — ещё не ясно. Анастасия говорит:

— Неверный путь сам каждый выбирает. Всегда расплата не потом, а в этой жизни наступает. Но каждым новым днём, с восходом солнца каждому дано для каждого осмыслить Истинность его пути, и выбор дан тебе! Ты волен, выбирай, куда идти. Ты человек! Осмысли суть свою. Ты — человек, рождённый быть в Раю.

Я спрашиваю:

— Где же он? Рай? Кто нас завел в какое-то болото? А она в ответ:

— Сам для себя творит всё человек.

Вы только поймите, что она ещё говорит. Она ведь утверждает, что сейчас настало время ускорения каких-то процессов вселенских. И те, чей образ жизни не соответствует естественным законам бытия, будут подвержены испытаниям сначала самым обычным способом, понятным и явным, и эти испытания для них как добрый знак к осмысливанию своих поступков, своего пути. У тех, которые осмыслить не сумеют, ещё невзгоды будут, а потом они из жизни должны будут уйти, чтоб здоровыми возродиться лишь через девять тысяч лет.

И получается, что, по её словам, шахтёры, рвущие жилы Земли, врачи современной медицины, вторгшиеся в генную инженерию, учёные, наизобретавшие смертоносные производства, уже получили первый знак в виде отторжения их обществом и материальной неудовлетворённости. Те из них, кто имеет материальные блага сегодня, ещё больше страдают от моральных неудовлетворённостей,

подсознательно осознавая, что их деятельность вредна и никакого блага не приносит никому. Я возражать пытался, объясняя, что уголь нужен для заводов, а она:

— Каких заводов, что дымят, сжигают воздух, для дыхания человека предназначенный, и льют металл, чтоб сделать автомат и пули?

Другими словами, она утверждает, что созданная нами система искусственного жизнеобеспечения столь несовершенна, что все её достижения сейчас будут оборачиваться катаклизмами.

Изрытая под большими городами Земля, где заменили естественные подземные ручейки и бьющие из недр чистые ключи системой труб, кранами, не может самовосстанавливаться и гниёт, а гниль свою с водой в краны для каждого несёт. Ещё Анастасия говорит:

— Наступит время, человечество поймёт. Учёный самый крупный к бабушке на огород придёт. Изголодавшийся, попросит он помидор себе на пропитание. Учёный и его творения мнимые той бабушке сегодня не нужны. Она про них не знает, да и знать не хочет. Она спокойно без учёного живёт. А он не может без неё прожить. Он — в мире иллюзорном, бесплодном, в никуда ведущем. Она — с Землёй естественной и с Вселенной всей. Она нужна Вселенной, он не нужен.

Я возразить пытался тем, что если мы не будем производить оружия, а только Землёй заниматься, то станем слабыми, нас легко могут завоевать технически развитые державы, имеющие оружие.

— У них проблема настаёт, как бы себя сберечь от собственных оружий! И порождённых ими социальных катаклизмов.

— Да, бросят всё они и с пулемётом побегут на огороды, к нашим бабкам, дачникам твоим, а пулемётов нет у бабок, чтобы отбиться.

— А добежать успеют? Как считаешь ты? Между собой за бабок не передерутся?

Вот и получается, если не спорить с Анастасией, отнестись с доверием к тому, что говорит она, тогда нужно признать себя полнейшим идиотом, червями, погоняющими плод. Не хочется такого признавать!

Так понимая, ну, может быть, не всё в Анастасии, я хоть какое-то пытаюсь оправдание найти тому, что мы творим. А если не найти разумных оправданий, признать несостоятельность пути, тогда... А что тогда? Давайте поразмыслим. Быть может, стоит детям дать без наших постулатов подрасти? И у детей спросить, куда и как нам следует идти?

Анастасия говорит о том, что дети, не искалеченные духовно нами, дети найдут возможность и себя и нас спасти, вернее, данный Рай нам изначально обрести.

Всё просто и не очень просто в нашем мире, оказывается. Ну почему, скажите, почему бы не распространить опыт школы академика Щетинина. Почему бы не сделать хотя бы по одной такой школе в каждом областном центре? Оказывается, не очень просто. Щетинина я попросил в Новосибирске такую школу сделать. Он дал согласие. Но кто поможет с помещением? Вопрос. Я у Щетинина спросил:

— А если в городах других найдутся люди. Организуют базу, сможете вы в разных городах хоть по одной организовать подобной школе?

— Так сразу невозможно всё решить, Владимир.

— Почему?

— Мы столько не найдём учителей для школы.

И снова мысль. Да что ж это такое — “нет учителей”? А кто ж тогда бастует?

Школа академика Щетинина — официальная школа, не частная. Это бесплатная школа Министерства образования Российской Федерации. Но почему она в горах, в ущелье? Почему? И почему стреляли в академика Щетинина. И почему убили его брата? И почему казаки помогают охранять её? Кому не нравится она? Кому мешает?

Меня в Госдуму пригласили, в Комитет по образованию. Там прочитали книжки “Анастасия”, “Звенящие Кедры России”. И в Госдуме, в Комитете по образованию, нашлись люди, разделяющие и понимающие сказанное Анастасией. Хорошие люди. Я им о Щетинине рассказывал, они и его хорошо знают, с уважением отзываются.

— Так в чём же дело? — спрашиваю. — Почему ничто не изменяется в образовании страны? По-прежнему страдают дети, идут к доске, как к эшафоту. И без движения за партами сидят? Ответ был грустным для меня. И, к сожалению, трагичен для тех, кто ещё дети сегодняшнего дня. Парадоксально, но именно учителя, сами учителя преградою непреодолимой стали, как понял я, когда услышал грустный тот ответ:

— Куда, скажи, деть множество учёных званий, степеней, бесчисленные диссертации на тему воспитания детей? Куда научные деть институты? Ведь ими разработана система. Запущена машина,

и маховик её так просто, враз не остановить. Каждый диссертант, тем более со званием профессор отстаивать стремится свои взгляды.

Ещё узнал я, как женщина-депутат из нашей Думы после визита в школу Щетинина посокрушалась:

— Мне непонятно всё в той школе, она какая-то необычная, на секту похожа.

Я не знал, что конкретно обозначает слово секта. Уже потом нашёл словарь и посмотрел. В словаре сказано:

“Секта от лат. secta, учение, направление, школа —

1. Религиозная община, группа, отколовшаяся от господствующей церкви;
2. Обособленная группа лиц, замкнувшаяся в своих узких групповых интересах”.

Непонятно, что под этим словом имела в виду депутат, но думаю, что в отношении школы Щетинина ни первое, ни второе не очень-то подходит. А если он обособился, то от хорошего или плохого? Думаю, если он и обособился, то от садистского обращения с детьми. А вот о Думе, депутаты которой делают такие заявления, ничего не могу сказать. Пусть читатели подумают, в какой степени подходит к некоторым фракциям Думы определение: “Обособленная группа лиц, замкнувшаяся в своих узких групповых интересах”. Секта, значит?

В Щетинина стреляли. Но он мужчина. Сейчас казаки, быть может, хоть как-то помогут. И Анастасия сказала, что будет сберегать росточки новые. Теперь я понял, пусть и она не выходит из своей тайги пока. Была б она поагрессивней, шарахнула б Лучом своим по диссертациям, по званиям, по гнили всякой. Так нет же. Надо, мол, спокойнее. Надо сознание менять.

Вот так, что думал сам про воспитание детей, про школы современные, то написал, но получается, наверное, сумбурно, не очень искренне. Не очень искренне потому, что вообще-то мне хотелось про школу нашу с матом русским написать. Да стиль письма какой-то новый после общения с Анастасией появляться стал, не все слова в него ложатся.

Ещё хотелось бы сказать учителям, всем тем, кто смог и вопреки системе хоть чуточку ребёнку дать добра и, как Щетинин говорит, “вписать в естественный космический процесс”. Спасибо вам! И до Земли поклон.

И ещё я понял из того, что говорит Анастасия о воспитании детей, на самом первом месте осознание: ребёнок — личность. В отличие от взрослых, нас, малыш физически, конечно же, слабее, но он неизмеримо нас добрее, он непорочен, постулатами не сжат. И прежде чем всякие нравоучения ему в голову вбивать, нам следует самим о мире кое-что понять. Самим! Самим подумать! Хоть на время позабыть чужие постулаты.

А нам, предпринимателям, самим придётся как-то учителей искать им в каждом городе, помочь в создании базы школьной и там учить детей своих и внуков.

О КОНТАКТЁРАХ

День за днём проходит моего пребывания в тайге, а я так никакого занятия для себя и не нахожу. Анастасия бегаёт куда-то, всё хлопочет по делам своим. Сын, хоть и маленький ещё совсем, но и он прекрасно с помощью нянек своих диких со всем справляется. Странное дело получается: как будто человечество понавыдумывало всего лишь для того, чтоб вроде бы при деле быть. А тут ходи по лесу и только думай. Вот и хожу, и думаю. К озеру снова пришёл, на место своё излюбленное сел у озера под Кедром. И на мешок, что с письмами читателей, смотрю и тут подумал: “Надо не забыть, чтоб на вопросы все ответила Анастасия”. Как подошла она, я сразу говорю:

— Видишь письма от читателей? Я всё рассортировал по вопросам. Вопросы о воспитании детей, разные предложения, о религиях, о предназначении России, о войнах, стихи и пожелания, от контактёров письма. Видишь?

— Да, вижу.

И первым делом о контактёрах я спросил Анастасию.

— Есть люди, которые говорят, ну, вот они в письмах пишут, что общаются с внеземными цивилизациями, с какими-то личностями прошлого, голоса разные слышат, записывают некоторые люди то, что слышат, говорят, что они записывают разную информацию, переданную им Высшим Разумом Вселенной. У нас книги большими тиражами издаются о контактах, например Блаватская, женщина-писательница есть такая, она написала несколько толстых книг, и Рерихи, известные многим люди, тоже написали и книги, и картины, читают во многих странах их, картины выставляют. Другие

люди пугаются, боятся, когда голос слышат. Смотри, вот есть письмо от девочки из города Клинцы, ей голос говорит, что он — учитель мудрый, и она слушаться его должна, а девочка пугается и просит ей помочь. Действительно ли они общаются с кем-то и как это происходит?

— Но что, по-твоему, вземная цивилизация, Владимир?

— Ну, население какой-то другой планеты, звезды или что-то невидимое, рядом живущее. Если они общаются с личностями, которые раньше жили, значит, эти личности в каком-то невидимом мире живут.

— Каждый человек, Владимир, так устроен, что ему доступна вся Вселенная, и видимая, и невидимая тоже. Каждый человек общаться может, с чем или с кем захочет.

Общение происходит примерно так, как через ваш радиоприёмник. Множество станций вещают всевозможную информацию, но отбирает из всего владелец радиоприёмника, что ему слушать.

Человек одновременно и радиоприёмник, и его хозяин. И от его осознанности, чувств и чистоты зависит, какая станция, какой источник звучание своё в нём обретёт. Как правило, та информация к конкретному приходит человеку, которую осмыслить сможет он, понять, использовать. И всё должно происходить спокойно, без назойливых акцентов на величие.

Когда кому-то о собственном величии говорят, пытаются воздействовать на самость: я так велик, но выбрал лишь тебя из всех, ты будешь ученик мой, тоже возвеличишься над всеми. Как правило, такое говорят неполноценные, бездушные создания. Им не дано быть во плоти, тогда они стремятся Душу человеческую потеснить и плотью завладеть чужой. Воздействуют они на разум, самость и на страх перед неведомым у человека.

— Но как избавиться от них, многие читатели спрашивают?

— Так это просто очень, они трусливы сами, примитивны. Предупредить их нужно: “Уходи, а если не уйдёшь, я обожгу тебя своей мыслью”. Они прекрасно знают: мысль человека сильнее их во много раз.

Ещё листочек чистотела можно пожевать, сначала на ладонь листочек положить и мысленно ему сказать: “Избавь меня листочек от всяких нечистот”.

— А если множество людей и сами захотят с одним источником поговорить? Как быть? Смотри, вот в письмах пишут, что с тобою говорят, так ли это? И если так, то как ты успеваешь всем ответить? Ведь много их, они все утверждают, что непосредственно с тобою говорят и ты им отвечаешь.

— Свои воспроизводит мысли каждый. И мысли каждого живут, не исчезают в никуда.

Мной и тобой помысленное тоже есть в пространстве, есть и моя мечта в пространстве, мои мысли, их может слышать каждый, кто захочет, одновременно слышать могут многие, вопрос лишь в том, какое искажение способен допустить приёмник.

— Что значит искажения? Они зависят от чего?

— От чистоты того, кто принимает. Представь, Владимир, по приёмнику обычному ты слышишь речь. Но вместо слов отдельных врываются помехи, а некоторые слова тебе неведомы, понятия, стоящие за ними, тебе не ясны, что в этом случае ты будешь делать?

— Попробую сам догадаться, какие вставить в непонятные места слова.

— Конечно. Но вставленное тобой слово способно мысль звучащую принизить, изменить, в обратном направлении направить. Лишь собственная чистота способна Истину без искажения слышать, и если недостаточна она — твой настрой и чистота твоя, — тогда не следует винить источник.

Как в материальной жизни, вашем мире, источников звучащих множество со всех сторон, на Истину претендовать они стремятся, твоим умом и волей завладеть, твою построить жизнь себе в угоду, но слушать их или не слушать, волен ты. Ты волен сам решать, ни на кого не следует пенять.

— Допустим, так, но если прозвучит вопрос какой-то, а мысли во всей Вселенной для ответа ему нет? Тебе вопрос, к примеру, задают, а мыслей нет твоих таких в пространстве, чтобы ответить на заданный вопрос, ты в ответ своих не производишь мыслей, что тогда произойдёт?

— □ Вопрос, которому ответа во Вселенной нет, мгновенно и во всем ускорит продвижение. Как вспышка яркая, как звон, достигнет он всех уголков, в движение всё придёт, случится воссоединение противоположностей, ответ родится, и его услышат.

— □ Так, значит, сразу же ты лично, непосредственно услышишь тот вопрос, увидишь задавшего его?

— □ Как все, и я его мгновенно буду слышать. Но, к сожалению, тысячелетиями вопросы одинаковые люди задают, ответы есть на них, да слышащих немного.

— Как всё же разобраться? Когда источник Истину несёт или, вернее, без помех когда Она воспринимается? Ведь треска нет в ушах, когда извне мы что-то слышим, ты говоришь, ответ рожда-

ется как будто в виде мыслей собственных, собой произведённых. Но разобраться с помощью чего, во благо голос или нет? Ведь все, кто слышат голоса, считают, будто слышат только Высший Разум.

— Когда в тебе звучит не просто слово. Когда вдруг чувство вспыхнуло, эмоции Души и слёзы радости в глазах. И ощущение тепла, и запахи, и звуки родились в тебе. Когда порыв, потребность к сотворению почувствуешь в себе и жажду к очищению, уверен будь, ты ясно слышишь мысли Света.

Когда холодная приходит информация, указка или приказ, пусть даже говорящая о благе, пусть мудрой кажется она, мудрейшей даже. И представляется верховным и могущественным очень источник, исторгающий её, ты знай: за благом прячется не благо, а приучает следовать тебя себе в угоду сущность, которой воплощения в совершенство не дано.

ВСЕМ В ЛЕС ИДТИ?

— Анастасия, вот ещё одна проблема. Читатели некоторые хотят жить, как ты в тайге живёшь. Одни к тебе попасть стремятся и просят дорогу указать, другие поселения в тайге организовать хотят. И, как это сделать, свои предложения пишут в Московский центр. Вообще, я прочитал: в мире есть уже поселения такие, когда люди из городов оставляют свои дома и селятся общиной на природе. В Индии такие поселения есть. В Америке, у нас в России тоже, в Красноярском крае, например. И спрашивают люди у тебя, как лучше им осуществить свои задумки.

— Зачем же уходить в другое место жить?

— Ну, как это — зачем? Уходят люди из грязных городов, где воздух плохой, шум разный, суэта. Переселяются на чистые, экологически чистые места, чтобы самим стать чище.

— А там, где грязно стало, кто должен убирать? Другие?

— Не знаю, кто. Но разве плохо, когда желание у человека появилось жить в чистом месте на природе.

— Желание хорошее, вопрос в другом. Когда вокруг себя творящий грязь на место чистое приходит, он грязь собой привносит. Там, где сорил, сначала убери, тем самым смоешь ты свои грехи.

— Значит, с уборки нужно всё начать. И как, по-твоему, происходить всё будет?

— Всему началом осознание служит, стремление мысли, словно ручеёк дорогу оптимальную находит.

В России всё сегодня так и происходит. Ты посмотри внимательно, Владимир. Не зря, не просто так и не случайно заводы с трубами чадающими сегодня стали не у дел.

Всё меньше средств на армию находится в стране.

Но главное, героями не стали почитать вы тех, кого вандалами назвать не грех, кто Землю загрязнял деянием своим.

В леса не нужно уходить. Пришедшего пространство леса настороженно примет и долго будет изучать намерения его, привычки, образ жизни. Ведь там, где жил ты, где сейчас живёшь, лес раньше тоже был, Создателем взращённый. Оазис Рая благотворный во что сегодня превратили?

Ушедший в лес не значимее, а наоборот, тех дачников, что на Земле пустынной, неухоженной, сады взрастили собственной рукой. Их знает, любит каждая травинка их участка, отдать старается тепло вселенское. И истинные чувства в тех, кто сам возвел оазис Рая, своей Души благое воплощая средь суеты и мрака омертвления.

— А что ж тогда случится с городами? Кто будет их в нормальном поддерживать состоянии? Ведь в городах всё будет рушиться, гнить, разлагаться.

— Недопустим и резкий переход от одного к другому, спокойное движение необходимо, оно сейчас и происходит. Оно прекрасно, в будущем ещё прекрасней будет.

— Ну, Анастасия, ты в своём репертуаре. По-прежнему все дачники для тебя кумиры. Вот только о духовном они почти не говорят, как множество объединений разных, общин духовных.

— К чему слова, воистину святые их дела.

— Ещё вот письма. Один так целых пять уже прислал. Он утверждает, слышит голос и рамка говорит ему, что ты его зовёшь в тайгу, и он к тебе стремится. Мне в письмах угрожает, в Московский центр к Солнцеву приходит. Он говорит, что мы тебя от всех скрываем, и требует, чтобы ему поездку к тебе в тайгу организовали. Он не один такой, что ты ответишь им? Ты знаешь, думаю, что влюблены они в тебя. Считают, что они вместе с тобой дела благие должны делать. И вместе жить с тобой в тайге.

— Отвечу всем, кто искренен: спасибо за Любовь. Но не звала в тайгу я никого. Что делать будете вы здесь? Что привнесёте? Если благие намерения ваши, пусть воплотятся там они, где вы живёте. Любовь осветит пусть живущих рядом с вами.

О ЦЕНТРАХ “АНАСТАСИЯ”

— В городах России, да и за рубежом уже люди стали организовывать центры, которые называют твоим именем. Давай послушай, я тебе прочитаю только одно письмо, каких много дочери моей, Полинке, пишут. Она сама на некоторые как-то отвечает, другие мне пересылает, но я на все ответить не могу, да и не знаю до конца, как отнестись к некоторым письмам. Ведь есть такие люди, что эти центры сектою считают. Давай послушай, вот одно письмо от центра, что сама на это скажешь?

Я прочитал Анастасии полностью одно письмо, что мне Полинка переслала. Вот оно:

“Здравствуйте, Полина!

Пишет Вам соратник нашего школьного экологического центра творчества “Анастасия” Карасёв Валерий Анатольевич.

Наш Центр очень юн, он образовался 4 декабря 1997 г. и сейчас находится в процессе своего становления. А способствовала его рождению книга Вашего отца, за что мы ему все очень благодарны.

Анастасия, подобно лучу Света в тёмном царстве, сейчас объединяет созидательные силы взрослых и детей, не потерявших способность к творчеству, к отстаиванию своей чести и достоинства, стремящихся к светлым идеалам, верящих, что счастье России, родного края — в наших руках и наших помыслах.

Мы понимаем, какие силы тьмы сейчас обрушились на неё, и, чем можем, стараемся помочь ей.

В нашем Центре трудятся учителя, школьники и их родители.

В настоящее время знакомим с Анастасией и её мыслями ребят, их родителей с помощью выступлений, классных часов, используя и распространяя книги Вашего отца, статьи из журналов.

Стараемся подбирать и научную литературу, объясняющую способности Анастасии.

Мы понимаем всю трудность работы в пробуждении осознанности человека, преодолении инертности человеческого мышления, поэтому ведём свою деятельность спокойно и уверенно. И уже сделали интересные открытия.

Часть людей воспринимают Анастасию как красивую сказку, другая часть с первого прочтения книги подключается к нашей работе, самая маленькая часть начинает распространять слухи, что Анастасия — это очередная секта. Мнение последних вызывает улыбки.

Но как говорится: Прости им, Боже, ибо не ведают, что творят.

Самое главное, мы рады тому, что Анастасия собрала нас вместе в этом сельском крае с умирающим сельскохозяйственным производством, в разорённом совхозе с его забывшими про нужды людей и молодёжи руководителями, в том самом месте, где когда-то родился М.И Калинин и процветал совхоз-миллионер “Верхнетроицкий”.

Здесь, в Центре “Анастасия” сельской школы им. М.И Калинина, и родилась наша программа “Радуга”. Назначение которой: “разработка и практическая реализация творческих направлений по развитию Родного Края, трудовому и нравственному воспитанию подрастающего поколения, созданию базы по производству экологически чистой сельскохозяйственной продукции”.

Цель программы “Радуга” — создание молодёжного культурного и производственно-экологического объединения “Русь”, в которое будут входить: славянский культурный центр “Лада”, производственный экологический комплекс “Род”.

Вот какую программу нам помогла создать Анастасия.

Пусть неверующие верят хотя бы в своё неверие, а мы будем осуществлять нашу программу, какой бы нереальной она кому-то ни казалась.

Наша цель: дать молодёжи на практике почувствовать свою творческую силу.

Одно из направлений программы “Радуга” — это краеведение, изучение древней истории Родного Края, жизни и культуры наших предков-славян.

Рядом с Верхней Троицей когда-то был построен град Медведь, о нём практически ничего неизвестно, он стёрт с лица Земли. По берегам реки Медведицы находятся курганы славян. Имеют ли некоторые из них такое же значение, как дольмены в Геленджике, где произошла битва рати града Медведь с ордынцами? Нам нужна эта информация, мы не хотим быть непомнящими. То, что

сможем, мы возьмём под свою охрану и восстановим, хоть фрагментами. Такая у нас просьба, Полина, к Анастасии.

Весной начнём создавать питомник по выращиванию саженцев Кедра, он станет реальностью благодаря земляку, лесничему Шапошникову Георгию, который оставил нам удивительный подарок.

По сюжетам книги “Анастасия” наш детский театр, возглавляемый сибирячкой Заонегиной Татьяной Яковлевной, будет ставить спектакль, ребята загорелись этой идеей.

Мы очень желаем, чтобы с нами на связь вышли и другие центры и объединения, которым могла родиться Анастасия. Пусть по всей Руси протянутся между центрами её божественные линии Света.

Взаимное общение, пусть даже письменное, умножит силы и быстрее поможет найти ответ.

Наш адрес:

171622, Тверская обл., Калининский р-он, п-ок Верхняя Троица, школа им. М.И. Калинина, ШЭЦГ “Анастасия”.

А последующее — от нашей школы — всем, для кого Анастасия существует.

СЛУШАЙТЕ ПРИКАЗ, БРАТИШКИ!

Чтоб помочь Анастасии
Сделать мир Земли счастливым,
Катастрофу упередить,
Навсегда о ней забыть,
В шесть утра проснёмся дружно
И с улыбкой, простодушно
К звёздам мы протянем руки
Так, чтоб не было в нас скуки.
И потянемся, как в детстве,
К милой маме, как к невесте:
На меня! Возьми, родная!
И улыбка озорная нас охватит,
В тот же миг —
Мамы ей ответит лик.
Здравствуй, Матушка Природа,
Ты при Батюшке при Роде
Родила богатырей
Во Вселенной нет добрей.
Ну, славянка! Ну, сестрёнка!
Ждали мы тебя так долго.
Лучик твой дошёл до нас,
Выполняем твой указ.
Слушайте приказ, братишки!
В шесть утра! По тьме! Как в книжке!
Проведём мы артобстрел,
На пятнадцать минут дел.
Поддержать сестрёнку надо,
Чтоб не волновалось чадо,
Мы в ответе ведь за них,
Как же бросим их одних?
Не впервой нам привыкать,
Как блокаду прорывать!

Валерий, офицер флота России.

Удачи Вам и всего наилучшего, Полина. Будем рады от Вас получить в Центр информацию, касающуюся Анастасии. Передайте самые наилучшие пожелания от нас и Вашему отцу. С наступающим Новым годом!”

— Ну, что ты о таком письме, Анастасия, скажешь?

— Скажу, прекрасны у людской Души стремленья. В том не моя заслуга, не твоя. В том сила только их Души и красота. В названии не моё, а их достойней будут имена. Я в колыбели у Создателя возрастала, а их Душа мучения ада преодолевала и выстоять смогла.

Годами вокруг них невзгод, лишений, искушений и сует череда стремилась исказить понятия добра. Их Души всё преодолеть сумели, они сильнее тех, кто оградил себя от мира каменной стеною. Они в миру и мир собой украсят. Их имена в названии быть должны. Когда моим все центры станут называться, возникнет культ, такого допустить нельзя. Культ личности или образа всегда от главного уводит человека, от себя.

— Так что ж получится тогда? В Москве — центр Солнцева, а Ларионовой — в Геленджике, есть отделение уже “Анастасия” и при Международной академии духовного развития, как люди будут узнавать направленности центров?

— Всем людям интуиция дана, и суть определяет не название, Душа деяния почувствовать должна.

— Вот интересный поворот, теперь опять думать придётся. Ты нестандартная какая-то, Анастасия, и от общения с тобой работа в мыслях создаётся теперь не только у меня, подумать и другим придётся, а отдыхать когда? Ещё вопрос тебе конкретный задают, что за курганы там у них на речке, на Медведице?

— Курганы раскапывать не нужно. Своё предназначение исполнили курганы, и родились там люди те, что первыми вопрос задали главный.

— Какой вопрос?

— Подумай сам, Владимир. А пока скажу: ты помоги подобным им познать друг друга. Их адреса ты в книге укажи. Пусть письма все, что светлым лучикам подобны, помогут людям обогреть сердца. Поэт Санкт-Петербурга — Коротынский — тебе давно подсказку написал:

*От сердца к сердцу луч Любви
Сверкнёт Божественною нитью.
От праха Душу отними
И напои небесной высью.*

— Ладно, понял. Я и сам хотел опубликовать и письма, и стихи, которые читатели прислали. Отдельным сборником их хотел издать. Сам чувствовал, что-то есть в них непростое. И адреса их через центр Московский можно предоставлять, чтоб люди помогать могли друг другу. Полинка, дочь моя, такой работой тоже может заниматься, она ответственно к письмам отнеслась.

А что, неплохо может получиться, когда из разных стран Душою люди меж собой общаться будут. Найдут себе по духу подходящих, поженятся или подружатся хотя бы, затеют дело общее или отпуск вместе проведут. Всё! Здорово! Сборник я издам такой. А то ты знаешь, у нас служба знакомств есть, в газетах люди объявления печатают такие, ну, в общем, брачные, так в объявлениях они свой рост, цвет глаз да возраст сообщают, как будто бы корову для хозяйства выбирают. А тут, наверно, лучше будет, когда по Духу встретятся и помогать начнут друг другу.

— Конечно, лучше и прочней союз по Духу.

— Да... Только вот проблема есть одна...

— Проблема? В чём она?

ВОССОЗДАЙТЕ ШАМБАЛУ

В Новосибирске так всё почему-то происходит... что критики и книжки, и меня оттуда больше всех исходит. Да, в общем, только там и критикуют.

В трёх зарубежных странах книжку издают, и многие другие страны контракты предлагают. В Новосибирске всё ругают. А там — Полина, представляю, как она переживает. И про сборник скажут: “Вот опять придумал финт какой-то, лучше б бизнесом продолжил заниматься”. По телевизору в Новосибирске о предпринимателях первых передача шла. И про меня в ней вспомнили, с Полиной интервью в ней показали, вопрос задали дочери: “Твой папа не у дел теперь?..” — сказали. Полина про духовность что-то пыталась говорить, но там её прервали.

— Немного ещё времени пройдёт, и большинство новосибирцев с пониманием к тебе и книге отнесутся. Из прежних — лучшие друзья к тебе вернуться, и новые появятся друзья.

В одном из центров городских недалеко от Вечного огня и новые, и прежние твои друзья Кедровую аллею возведут.

— Вот это да! Ну, надо же! Такое чтоб помыслить... Кедровую аллею у Вечного огня... Ну, ты даёшь, Анастасия, мечтательница милая моя.

Она с травы вскочила, на колени встала, сияя вся, всплеснув руками, вдруг шёпотом произнесла:

— Спасибо за слова такие. Милая. Моя. Ведь это я, Владимир, да? Я стала милой для тебя?

— У нас так к слову как бы говорится. Ну, а мечта действительно красивая твоя.

— И сбудется, поверь, она. Как помечтала, так всё и случится.

— Само собой ничто не происходит в мире. Вот если бы ты чудо сотворить какое-то могла в Новосибирске. Да нет, не просто чудо, что толку от чудес, ни холодно от них, ни жарко. Вот если бы сделать так могла, чтоб каждый житель города большого хоть чуть богаче стал и здоровее, ну, в общем, чтоб счастливей каждый стал в Новосибирске, вот тогда, быть может, и аллею люди посадили. Но такое, я думаю, всем твоим Светлым Силам, даже вместе, не по силам сделать. Такое не по силам никому.

— Ты прав, Владимир, над волей человеческой никто не властен. Несчастной или счастливой — сам строит человек свою судьбу. Осознанность для каждого дорогу выбирает.

— А кто осознанностью нашею играет? Кто не даёт нам выбирать такую, чтобы счастливым из несчастных стать?

— К чему искать причины вне себя, Владимир, что ты изменишь, если кого-то станешь обвинять? Прекрасной мысль родилась у тебя: для людей города хорошее создать, — мне очень нравится она, с ней надо помечтать...

Так! Здорово! Придумалось! Вот это да! Войдут в века все люди города Новосибирска, там поколение счастливое родится. Счастливее живущий каждый станет и сейчас.

Давай помыслим вместе, как людям города, который так тебя волнует, сказать, пробившись к сердцу каждого, к Душе...

— Что хочешь каждому из них сказать?

— Что Шамбалу всем вместе можно воссоздать.

— Да что за Шамбала? Ты говори яснее.

— Веками ищут на Земле искатели святое место. Считают, что зовётся Шамбалой оно, что с мудростью вселенской в том месте связь с любым случится.

Но Шамбалу никто найти не смог, хоть стран заморских искатели объехали немало. И не найдут, коль будут так искать, ведь Шамбала у каждого внутри и внешне проявление её людьми воссоздаётся.

— Конкретнее. Что сделать надо для связи с мудрою Вселенной и чтоб счастливей стать, и не внутри себя. Внутри себя всё как-то непонятно. Скажи о внешнем, что нужно строить, сеять или ломать?

— Пусть каждый житель города большого достанет из смолистой шишки Кедра орешек маленький, во рту своём, в слюне своей его подержит. Посадит в доме в Землю в маленьком горшочке и поливает Землю каждый день. Перед поливом в воду пальцы рук опустит, беззлобным состояньем быть должно, и пусть себе, а главное, своим потомкам, детям, добра, осознанности Бога пожелает. Так каждый день.

Когда взойдёт росточек, с ним можно мысленно беседовать о сокровенном. В день летний и неморозной ночью горшочек с маленьким росточком на улице среди других растений нужно ставить. Пусть он со звёздами, луною, солнышком в общенье вступит, познает дождик, ветерок и дух травинки, растущих рядом, и в дом вернётся снова к своим друзьям, родителям своим. Так делать можно много раз, когда желанье есть и время.

В века росточек прорастает, ведь больше полутысячи лет Кедр проживёт, потомство даст и новым Кедром о Душе взрастивших их расскажет. Когда он в доме вырастет на тридцать сантиметров, весной ранней в Землю можно посадить росточек. Пусть власти города всем тем, кто Землю не имеет, хоть метр один квадратный Земли для их росточка отведут.

И с краю города, на берегу реки и вдоль дорог, среди домов и в центре многолюдных площадей посажены росточки будут. Пусть люди каждый свой росточек берегут и пусть друг другу помогают.

Со всей Земли веками в этот город будут ехать люди, чтоб посмотреть, к святыням прикоснуться, с людьми его счастливыми обмолвиться хоть словом.

— С чего же вдруг со всей Земли поедут люди? Чтоб на озеленение города обычное взглянуть? Вот если б ты в Новосибирске какие-то святыни вдруг открыла! Дольмены, например, как в Геленджике. Ты о дольменах геленджикских рассказала, сейчас туда из разных городов России, да и стран других стремятся люди. Я видел, каждый день экскурсии теперь идут к дольменам.

И каждый год в сентябре из разных городов на конференцию съезжаются читатели. Художники устраивают выставки картин, и фильмы там снимают. А тут, вот невидаль, какая, деревья в городе - растут. И не деревья, только лишь росточки Кедров.

— Росточки эти будут непростые. Звенящим Кедром уподобятся они. Согретые теплом людских сердец, с Душой соприкоснувшись человеческой, они Вселенной лучшие лучи в себя вберут и людям отдавать их станут. И на века и люди, и Земля в том месте воссияют. И новая осознанность придёт, открытия вселенского масштаба от тех людей по всей Земле пойдут!

Святое место, что это такое, знаешь? Поверь, Владимир, ты в городе тебе родном его познаешь.

— Заманчиво, конечно, это всё. Но ты пойми, Анастасия, одной тебе в такое вряд ли кто поверит. История подобного не знала, наука современная не подтвердит. Вот если б что-то повесомее тебя, с авторитетом, всем известным, такое показало...

— В Коране мудро сказано, что значат деревья. И Будда мудрость познавал, в леса надолго удаляясь. Скажи, Владимир, ты ведь Библию читал?..

— Читал, и что из этого?

— В Завете Ветхом сказано: ещё до рождества Христова мудрейший из правителей Земли, царь Соломон, из Кедров храм во славу Божию и дом себе построил. Он тысячи людей нанял, чтобы рубили Кедров и ему несли с далёких мест. Царь Соломон мудрейшим был, так Библия гласит, и "Песнь Песней", написанная им, до дней дошла сегодняшних.

В Завете Ветхом говорится также, что к концу жизни дней своих из разных стран, вер разных, его гарема жёны от веры Соломона стали уводить. Он веры разные познал, какою удовлетворился, знаешь?

— И какой же?

— Той, где не только рубят, но и сажают деревья. И понял, умирая, мудрый царь. И дом его, и храм во времени сотрутся, потомки не удержат власть, величие. Могущество померкнет государства, — так и случилось всё.

И до сих пор Душа его ошибкою содеянной томится. И понял мудрый царь: "Нельзя Богоугодное свершить, при этом сотворённое Создателем, живое убивая". Томление Души его и многих Душ людских в тысячелетиях длится, взирая, как одна ошибка тысячелетия вершится. Её исправить можно, и тогда взойдёт над миром вновь прекрасная заря. О городе твоём по всем земным каналам и вселенским молва пойдёт.

Из всех чудес на свете, дошедших до сегодняшнего дня, никто ещё не слышал о городе таком, где каждый житель с любовью необычною и с лаской, и с Душой такие деревья взрастил, в Любви Пространство, в храм истинный, живой, вселенский окаменевший город превратил. Для этого осознанность божественною быть должна, так пусть же, пусть у каждого появится она, предназначение своё, вселенское понять поможет.

— Быть может, есть рациональное зерно в словах твоих, Анастасия, и я об этом, может, напишу, пусть люди сами всё определяют, но, знаешь, должен я тебя предупредить: и ты здесь кое-что теряешь. Ты о деревьях так всё говоришь... Ну, в общем... Замуж никогда официально выйти ты не сможешь. Чтоб расписаться в загсе, документов не имеешь, а тут с таким значением о деревьях говоришь... И без того церковные служители тебя язычницей считают, а как слова твои вот эти напишу, они и к храму близко тебя не подпустят и ни за что ни с кем тебя не обвенчают.

— Владимир, напиши слова мои, пусть люди их узнают. Сам не стыдись ты этих слов, смири свою гордыню. Не сразу и не все, быть может, значенье осознают этих слов. Но в городе твоём учёных много есть, они научным языком мной недосказанное скажут, коль ты считаешь, что их люди больше понимают. И журналисты... За критику ты не сердись на них, ещё не все из журналистов свои слова сказали. А коль венчаться мне придётся, поверь, Владимир, мне — венчающийся найдётся.

— А если в городе ином, не в Новосибирске такое тоже люди сотворят?

— Любой так город может возродиться. Чтоб действия совершить такие, осознанность иная в людей должна вселиться, а коль появится она, изменят облик города. Но будет первый среди них, кто первый Благодать познает.

— Блаженная Анастасия, ты, наивная, о лучшем лишь всегда мечтаешь. Ну, ладно, напишу, что говорила ты, пусть люди и такое знают.

— Спасибо. Спасибо... Не знаю, как ещё благодарить.

- Да чего уж там... не трудно написать. Ещё добавить можешь, но немножко.
- Прошу вас, люди, не в суете слова читайте, осознайте.
- Вот ты, Анастасия, отвечаешь на вопросы, которые читатели задают, о человеке говоришь как о творце, но ты ведь женщина. Лидер одной духовной конфессии, знаешь, что о женщинах сказал?
- И что же?
- А то сказал, что женщины творить не могут, их предназначение в том и состоит, чтобы красивыми им быть, мужчин лишь вдохновлять на разные дела и творчество, а всё творят только мужчины.
- Но ты, Владимир, согласен с высказываниями такими?
- Наверное, с ним можно согласиться. Знаешь, есть статистика — наука беспристрастная такая. Так вот, если по статистике смотреть, следующая ситуация получается.
- Какая?
- Андрей Рублёв, Суриков, Васнецов, Рембрандт, ну, и другие знаменитые художники мужчинами все были, а женщин среди них нет вообще, по крайней мере, я и не припомню женщин. Изобретатели самолёта, машин, электродвигателя, спутников, ракет — тоже мужчины. Сейчас одним из самых популярных искусств кино у нас считается, чтоб фильм поставить, нужен кинорежиссёр, он для кино один из самых главных. И снова все лучшие кинорежиссёры — мужчины. Бывают женщины, но редко. И у них нет выдающихся, ну, таких, как у мужчин, интересных фильмов. И музыканты лучшие всегда мужчины, философы, и те, которые из древности до нас дошли, и современные, — тоже мужчины.
- Но для чего ты мне все это говоришь, Владимир?
- Так, мысль одна есть у меня. Я думаю, она тебе поможет.
- Какая мысль? Со мной ты ею поделиться можешь?
- Такая мысль. Тебе, Анастасия, надо больше уделить внимания какому-то благоустройству здесь и воспитанию ребёнка, о мире, людях ты не очень загружай себя, в конце концов, со всеми делами мужчины могут разобраться. Только мужчины, так статистика говорит. Наука точная, беспристрастная. И по истории всё так случилось, что мужчины главное всё делали, а от истории нам тоже не уйти. Ты поняла, какая неопровержимая получается мысль?
- Да, я поняла тебя, Владимир.
- Ты только не расстраивайся. Лучше раньше всё понять, чтобы делами своими заняться, а не теми, которые другие лучше могут сделать. Ты мир стремишься к лучшему менять, а это могут сделать лишь мужчины, они всё лучшее изобретают и лучше женщин всё творят. Согласна с этим?
- Владимир, я согласна с тем, что внешне выглядит творцом мужчина. С позиций материальных если посмотреть.
- Что значит внешне? И как ещё, с каких таких позиций на факты неопровержимые можно смотреть? Ты лучше тут не философствуй, а конкретно мне скажи: ты сотворишь хоть что-то сможешь? К примеру, можешь вышивать хотя бы? Иголкой по ткани можешь рисунок красивый вышить?
- Рисунок вышить я иголкой не смогу.
- А почему?
- Иголку в руки взять я не смогу. Иголку, что содеяна из недр живой природы. К чему ж творить, сначала разрушая творение великое, живое? Представь, Владимир, когда разрежет кто-то неразумный картину, полотно великого художника, как ты сказал, творца и станет зайчики, фигурки резать из кусочков полотна, его деяния можно творчеством назвать, пред этим на неразумность скидку сделал? Но если то же самое станет творить другой, разумный, понимающий, что есть вокруг него, тогда определение иное его деяния приобретут.
- Какое?
- Подумаем давай мы вместе. К примеру, можно вандализмом его деяния назвать.
- Ну надо же, куда хватила. Так что же все творцы, художники — вандалы?
- Они художники, творцы в сознании мироздания на уровне своём. Но если на другом сознание уровне окажется у них, творения способом иным вершиться будут.
- Каким — иным?
- Тем, что Создатель всё творил в своём порыве вдохновения. И совершенствовать творения свои и новые вершить он человеку, лишь человеку одному способность дал.
- А чем Создатель всё творил? И инструмент какой для творчества он человеку дал?

— Мысль — главный инструмент Великого Творца. И человеку мысль дана. Творения Истинны тогда, когда в свершеньях мысли действует Душа, и интуиция, и чувства, и главное, а главным будет осознания чистота.

Смотри, цветок растёт у наших ног, его прекрасны формы и цвета, полутона меняются в живом творении, усовершенствуй их своею мыслью. Сконцентрируйся, попробуй их изменить на лучшее видение.

— Какое, например?

— Ты сфантазируй сам, Владимир.

— Ну, сфантазировать смогу. Один, к примеру, красный лепесток пусть будет у ромашки этой, другой останется как есть, так чередуются, по-моему, так лучше, веселее будет.

И вдруг Анастасия замерла. Внимательно стала смотреть на белую ромашку. И, понимаете, она, ромашка, тихонько, медленно, но прямо на глазах сменила лепестков своих цвета. Они чередоваться стали — красный, белый, снова красный. Сначала красные едва заметны были, потом сильнее покраснели, все ярче красный цвет их получался, и наконец они пылать, словно светиться красным цветом стали.

— Вот видишь, как произошло, придумал ты, а я всё мыслью сотворила.

— И что же, люди все так делать могут?

— Да! И делают. Но материал используют при этом, сначала омертвляя материал, а мёртвое лишь разлагаться может. Так человечество веками бьётся, чтобы своих творений разложение приостановить, так гнилы мысль людская всё больше отдаётся, и некогда подумать человеку, что Истинным Творением зовётся.

Всему сначала мысль предшествует, потом со временем её и воплощают в материю или обустройство общества меняют. Но лучшее или худшее творят — не сразу понимают.

Вот ты ромашки лепестков цвет захотел сменить. Я мыслью их сменила, ромашка подчинилась мысли человека, теперь внимательно смотри, ты лучшее помыслил? Совершеннее того, что было?

— По-моему, повеселее стало, попестрее.

— Но почему без восхищенья говоришь ты о Творении новом?

— Не знаю, может, ещё чего-то не хватает, цветов каких-то, я пока не знаю.

— Цвета друг с другом в противоречия вошли, полутона нежнейшие за пестротой поблекли. Спокойных нежных чувств не вызвать пестроте кричащей.

— Ну, ладно, попробуй всё вернуть обратно.

— Не я, обратно измениться сама ромашка сможет. Цвет красный опадёт. Ведь мы её, живую, не убили. Природа всё сама в гармонию вернёт.

— Так что же, по-твоему, Анастасия, мужчины все вандалы несмышленные, а женщины — творцы?

— Мужчины все и женщины едины, начала в каждом два сливаются в одно. И в творчестве своём они неразделимы, для них обоих земное существует бытие.

— Но как же так? Совсем не ясно. Вот я, к примеру, я — только мужчина.

— А из чего ты состоишь, Владимир? Плоть женщины и плоть мужчины в единое слились, в тебе объединились, и Дух двоих в единый слился Дух.

— А для чего ж тогда твердят, трактаты пишут, что женщина, а что мужчина есть и кто из них сильнее, кто главнее?

— Подумай сам, кто хочет и с какою целью твою осознанность, твоё сознание, что изначально всем Создатель дал, догматом заменить своим?

— А вдруг кому-то больше дал Создатель, и он, учитель, стремится поделиться мудростью своей со всеми?

— У каждого росточка на Земле, у семени берёзки, Кедра и цветка есть информация Создателя сполна.

Так как же мысль тебе прийти смогла, что Высшему Творению своему Создатель мог помыслить недодать чего-то? Что может быть обидней для Отца подобного упрёка?

— Да что ты, я никого не упрекаю. Я просто про себя, так как бы размышляю.

КТО ТЫ, АНАСТАСИЯ?

Прежде чем задать Анастасии этот вопрос, я внимательно посмотрел на неё. Вот сидит передо мной женщина, молодая, красивая, внешне почти ничем не отличается от людей нашей цивилизации.

Разве что ощущаемой даже внешне какой-то лёгкостью во всём её теле, лёгкость в позе, жестах, а тем более, когда встаёт и идёт. Всё это она делает с какой-то необычной лёгкостью.

Грузная, тяжёлая походка пожилого человека значительно отличается от движений молодого, энергичного, жизнерадостного человека. Но таково же отличие движений и походки Анастасии от даже молодого спортсмена. Кажется, она легка, как пушинка, и в то же время она — сильна физически. Свободно пронесла тяжёлый мой рюкзак пятнадцать километров, при этом ещё мне помогала идти.

Во время коротких привалов не лежала, не присаживалась в изнеможении, а двигалась, то отбегала собирать траву, то ногу мою разминала. И всё это с лёгкостью, весёлостью, улыбкой. И откуда столько жизнерадостности в ней?

Попробуйте когда-нибудь обратить внимание на поток прохожих, идущих по улице, на их лица. Я обращал. Почти все они сосредоточены, удручены или пасмурны. Особенно, когда один человек идёт. И вроде бы ноши никакой тяжёлой не несёт, и одет прилично, явно не голодает, потому что сигареты дорогие курит, а на лице печать напряжения, тяжёлых дум, и так у многих, у большинства. А она всё время радуется. И солнцу, и травинкам, дождику и туче, ну как ребёнок беззаботный счастьем светится всё время, и даже когда о серьёзных говоришь с ней делах, она не бывает грустной.

Вот и сейчас... Нет, вот сейчас не очень характерен вид её. Анастасия сидела чуть с наклонённой головой и опущенными ресницами, словно смутилась или чуть взгрустнула, будто почувствовала, о чём я хочу её спросить. Но всё равно спрошу:

— Ты, если письма все просмотрю, Анастасия, сможешь убедиться, как по-разному тебя называют, и инопланетянкой тоже называют. В книге своей известная писатель-психолог, исследователь Лаврова тебя назвала биологом внеземной цивилизации. Простые читатели Богиней называют, правда, странно при этом ведут себя, пишут так, словно другу близкому. Ты, наверное, первая, кого называют Богиней, но не поклоняются, а говорят как с близким другом.

Учёные, руководители духовных конфессий в своём большинстве тебя сущностью называют, высокой сущностью, самодовлеющей субстанцией.

Я вот общаюсь с тобой, книжку о наших встречах написал, а не могу понять, кто ты. Ты сама чётко, внятно можешь пояснить мне, кто ты?

— Владимир, сам кого во мне ты видишь? — спросила Анастасия, не поднимая глаз. — И почему так важно для тебя, что говорят другие?

— Вот в том и дело всё, что сам не знаю, что и вижу. Если честно тебе сказать...

— Ты говори, Владимир, честно, искренне, я постараюсь всё понять.

— Ну ладно, всё скажу... Когда первый раз тебя увидел, Анастасия, ты воспринималась простой женщиной. Когда шли в лес с тобой первый раз, отдыхать сели и ты до платья своего разделась, платок сняла, я увидел — ты красивая, влекущая к себе, ну, понимаешь, у нас таких называют сексуальными или сексапильными. Мне тогда с тобой... ну, сама понимаешь, что захотелось. Ты помнишь?

— Помню.

— Так вот теперь, может, из-за всех этих непонятностей, мне уже такого не хочется, даже когда обнажённой тебя вижу.

— Ты стал бояться меня, Владимир, да?

— Не то чтобы бояться, скорее, нет. Но какая-то непонятность получается. Вот сын родился, а ты всё дальше как-то становишься, и даже когда рядом, вот как сейчас, сидишь, всё равно не близкой, а далёкой кажешься. Такое ощущение. Всё время в голове стоит, что сущность ты какая-то.

— Пусть сущность я, но ты ведь тоже сущность.

— Нет. Я не сущность, меня никто так в письмах не назвал. И пусть ругают меня в письмах иногда читатели, зато никто не сомневается: я — человек.

— Прошу тебя, пойми, Владимир, я женщина, я тоже — человек.

— Говоришь, тоже человек, а элементарного не хочешь сделать. Не хочешь жить, как люди все живут. Весь мир. Все хотят квартиру иметь, мебель, машину — ты не хочешь.

От книжки деньги стали появляться, их больше скоро будет, давай куплю квартиру, мебель, машину, поедем вместе по святым местам и сына с собой возьмём. Наша цивилизация сейчас храмы восстанавливает, монастыри, и в других странах много есть святынь, памятников исторических. А у тебя здесь ничего нет, никаких святынь, за что тебе держаться? Что терять?

— Владимир, здесь моё пространство, Создателя творение в первоизданном виде. Моя прапрамочка и мамочка моя, мои отцы своей любовью каждую травинку обласкали, величественный каждый Кедр тепло их помнит рук и взгляды. И всех растений семена весной дают росточки. И в каждом

зёрнышке, с Землёй соприкоснувшись весной, вся информация Вселенной есть. И информация о том, что будет Свет увиден ими Благодатный.

И прорастает зёрнышко росточком, ему и солнышко старается помочь, и к человеку тянется росточек ещё за большим, чем у солнышка, за Благодатным Светом.

Так сотворил Создатель всё. Придумал, чтоб человек творить с ним дальше мог. Мои родители Создателя творения сохранили, Любви Пространство здесь! Родители его мне подарили.

Святее что на свете может быть Создателя творений, родителей, живой Любви, заполнивших собой Пространство?

Так каждый должен сделать человек — родитель. Рождённому ребёнку своему Пространство подарить Любви! Прекрасное, как материнская утроба, лишь только в нём счастливым сможет быть их будущий ребёнок, будущее их.

Святое место и Любви Пространство я сыну нашему дарю.

— Ты даришь от себя, а где моё Любви Пространство? Я что сыну подарить могу?

— Нарушена преемственности связь у многих. Но нить не порвана. С Создателем связующая нить и сразу всех и каждого в отдельности, и лишь понять, почувствовать необходимо каждому, тогда и свет, и силу каждый может обрести. Владимир, ты расширь Любви Пространство. В том мире, где сейчас живёшь, Любви Пространство сотвори. Для сына нашего, для всех детей Земли, в Любви Пространство всю Землю преврати.

— Не понял. Чего ты хочешь от меня? Чтоб я всю Землю изменил?

— Да, я этого хочу!

— И чтоб любили все друг друга, войн не было, преступности и воздух чистым был? Вода?

— Пусть будет так на всей Земле.

— И лишь тогда будет считаться, что настоящий я отец, что сыну что-то дал?

— Только тогда отцом ты станешь, сыном уважаемым своим.

— А что ж, иначе он уважать меня не будет?

— За что, Владимир? За деяния свои какие ты уважение сына хочешь получить?

— А за то, за что отцов все дети в мире уважают. Отцы им жизнь дают.

— Какую жизнь? Когда ребёнок в мир приходит, где, в чём он свои радости находит? И почему в подаренном отцами мире несчастий столько происходит? В несчастьях этих должен жить и вновь рождённый, и здесь рождающий себя считает ни при чём. Так мы живём, и уважение получать себе желаем, и удивляемся, когда не получаем.

Поверь, Владимир, немногих из своих отцов по-настоящему их дети уважают. Вот почему, чуть повзрослев, родителей бросают, забывают, тем самым, пусть интуитивно, своих родителей они и обвиняют и сами их ошибку повторяют. Владимир, коль уважение сына хочешь заслужить, придётся мир тебе счастливым сотворить.

— Ах, так... Теперь понятно... — Я вскочил. Отчаяние и злоба в голове. Клубком сплетались мысли.

Теперь я понял, да и всем, надеюсь, ясно стало. Анастасия — фанатичная отшельница. Я сразу так предполагал, ещё при первой встрече. Пусть с необычными, непонятно откуда способностями, и, может быть, именно они, эти её способности, её Луч не дают соизмерять свои, я имею в виду, не дают соизмерять ей её возможности. Вы помните, она сказала: “Я перенесу всех людей через отрезок времени тёмных сил”. Да, видно, поняла сама, что не под силу ей такое сделать, и теперь меня, читателей она пытается втянуть в свою бесплодную мечту. Я понял, наряду с фанатизмом, ненормальностью в ней присутствует и невероятная хитрость и с помощью её она всё делает ради своей мечты!

Ребёнка родила, добила, чтоб книжку написал теперь. Ну надо же сказать такое: “Чтоб сына уважение заслужить, мир переделай, в Любви Пространство весь мир преврати, сыну подари и детям всем...” Она методично и тонко втягивает всех в свою мечту и передо мной всё усложняет задачу. Сначала книжку напиши, теперь Любви Пространство во всём мире делай, а дальше что? Немало нам известно фанатов, мир пытавшихся менять, и где они сейчас? Растаяли как дым. И вот очередная передо мной с опущенною головой, и всё туда же... Мир менять.

Я знал, что с ненормальными и фанатичными спорить бесполезно, что нужно успокоиться, уйти, но и сдержаться не мог. И я сидящей ей с опущенным, как прежде, взором глаз всё высказал:

— Я понял, понял, кто ты. Ты — смесь сущности и человека. И ты хитра. До необычности хитра. Ну надо же так тонко заплести интригу! Заставить книжку написать и как приманку родить сына.

Пыталась логикой своей нечеловечьей скрыть свой фанатизм, да только вот прокол случился у тебя. Прокольчик, понимаешь, получился. Пока писал я книжку, со многими людьми общался, много

понял, мне читать давали много разных книг духовных. И я не знаю, что тебе о них известно, но я могу сказать одно.

Ещё тысячелетие и не одно назад на свете появлялись мудрецы великие, святые, теченья разные духовные их по сей день живут. Конфессий духовных разных на Земле больше двух тысяч, я слышал, в передаче по телевизору об этом говорили. Все о добре твердят, как жить, всех учат, и каждый лидер нам твердит о том, что Истина лишь в нём. Святынь кругом полным полно, а толку что от говорилен их тысячелетних? От учений?

Я понял лишь одно: тысячелетия проходят, но не прекращается война. Война учений меж собою. Кто победит, тот прав считается, но ненадолго. Проходит время, новая война и новое учение побеждает. Но вот на павших в той войне никто внимания не обращает. Да если напрямую всё сказать... Ты знаешь, кто ты, к чему меня и всех читателей зовёшь?..

Анастасия встала, в глаза спокойно смотрит мне и говорит:

— Не продолжай, пожалуйста, Владимир. Поверь, я знаю, дальше что ты можешь мне сказать. Давай сама скажу. Короче будут и без брани фразы.

— Сама? Ну-ка давай попробуй. И пусть без брани. Что я хотел сказать?

— Хотел сказать, Владимир, ты о том, что множество пророков на Земле, учителей. Учений разных много, и трудно разобраться тебе в них. Но я скажу, и ты понять всё сможешь, если понять захочешь.

Критерием, оценкой для всего ВОДА послужит. Всё с каждым днём грязней становится вода. И трудно воздухом дышать.

Чреду правителей мирских, каких бы храмов ни воздвигших, потомки будут вспоминать лишь тем, что грязь от них пришлось принять. И жизнь опасней с каждым днём, а мы живём. Ты посчитал, Владимир, будто я одна из тех, кто всех учить пытается, как жить. Одна из тех, кто создаёт религию очередную, себя стараясь поставить во главе. Но, уверяю, самости такой, что поначалу просветлённых всех потом сжигала, в себе не допущу. Я победить смогу и побеждаю! Остановлю чадающий смрадом дым заводов, поймут шахтёры, они не будут жилки рвать Земли.

Прошу вас, люди, поскорей профессии свои смените, все те профессии, что вред несут Земле — Создателя великому творенью.

Прошу вас, люди, поскорей поймите, никто не сможет на Земле счастливым быть, коль будет продолжать Земле вредить.

Ещё немного времени пройдёт, и у беды людской по всей Земле агония начнётся, сгорит сама она в своём огне.

Осознанность людская через отрезок времени из тёмных сил людей перенесёт. Владимир, ты вокруг смотри, что помечтала я — уже вершится, мечта Вселенною подхвачена моя, она всем людям раздаётся, всё человечество уже над пропастью несётся, лишь сомневающийся в пропасть ту сорвётся. Но человечество, поверь, Владимир, человечество спасётся.

Увидят люди, кто такие дети, познают люди жизнь в раю.

События в России не случайно происходят. Владимир, ты повнимательнее на события смотри. Я отменяю предречённый ад Земли.

— Но кто ты, кем себя сама считаешь?

— Ах, что же ты никак не понимаешь? Неверье собственной Душе в тебя вселили постулаты. Колдовка я, мечты и устремления мои бесплодны, так считаешь? Но мучают сомнения тебя, и веришь ты себе, и сам себе не веришь, и в том моя вина, как неумеха, я всё путано и непонятно говорю. И люди, все, читает кто, меня простите, никак слог не могу найти, чтоб всем понятен был без исключения. Прости, Владимир, подвела тебя, не все тобой написанное понимают, смеются над тобой.

Но как мне искупить вину свою? Придумала, коль хочешь, для тебя я фанатичку полную сыг-раю. Или собой предстану, как хочешь, так и понимай, но искренне поверь, я искренне добра хочу для всех людей, ты только это знай.

Пожалуйста, не хмурься, улыбнись, смотри, прекрасно всё вокруг. Себя не мучай, пусть ни в чём не будет тайны. И если легче для тебя меня наивною колдовкой воспринять, воспринимай такой, какую сам считаешь.

— Вот так-то лучше. Ясность есть. Так значит, ты во всё играешь?

— А ты игру мою Душой воспринимаешь?

— Игра с весельем быть должна.

— Конечно, прав ты в этом. Во всём должна быть лёгкость, простота, и я весёлой быть должна.

На глади озера и берегу сквозь тучки лучи солнышка блистали. Капли дождя на листики кустов, траву ложились, и на воде от капелек дождя круги сплетались. Анастасия, до этого говорившая с

волнением и тихо, не отрываясь глядя мне в глаза, вдруг по сторонам взглянула, ладошками всплеснула, засмеялась.

Смех звонкий, заразительный, манящий по веткам Кедров, берегу и глади озера разлился. Она в восторге детским кружиться стала в редких капельках дождя и хохотала, как ребёнок, хохотала. Но каждые минуты три свой прерывала танец огневой.

Я видел, на лице её пылавшем то ли в дождинках, то ли в слезинках солнышка лучи играли. Всё замирало вдруг вокруг, и звонкие, уверенно-отчаянные фразы Анастасии пространство заполняли, уносились ввысь. И воздух над тайгой голубее становился, и птицы умолкали. Как будто птицы прислушивались все, как Анастасии фразы в пространство улетали.

— Эй, вы, пророки! Тысячелетия твердящие о безысходности и бренности земного бытия, людей пугающие адом и судом. Смирите пыл свой, вы повинны в том, что понимает Небо человек с трудом.

Эй, Нострадамус! Не предсказал ты, Нострадамус, а создал своею мыслью даты страшных катаклизм Земли. Заставил многих ты людей себе поверить и тем самым их мысли для воплощения страшного включил. Витает над планетой мысль твоя, пророчеством и безысходностью людей пугая, но ей теперь не воплотиться. Пусть мысль твоя с моей сразится. Конечно, ты заранее всё знаешь, и потому так быстро ты сбегаешь.

Эй, вы, себя назвавшие учителями Душ людских! Учителя, внушить пытающиеся человеку, что слаб он Духом, ничего не знает и только вам как избранным все Истины доступны. И только через поклонение вам доступен Божий глас и Истина вселенского создания. Смирите пыл, теперь пусть знают все: Создатель каждому даёт всё изначально, и лишь не нужно закрывать тьмой постулатов, тьмой вымыслов гордыне собственной в угоду Создателя великие творения. Не стойте между Богом и людьми. Сам с каждым хочет говорить Отец. Посредников Отец не знает.

Есть изначально Истина у каждого в Душе. Сейчас, сегодня, а не завтра пусть будет счастлив каждый человек! Создатель счастьем заполнял мгновение каждое и каждый век. И в помыслах Его нет места для мучений любимого дитя.

Она играла! Так вдохновенно! Так отчаянно играла! Конечно же, она играет, но почему над нею в небе над тайгой какой-то необычный свет сияет? Как будто небеса записывать могли все фразы, что вдохновенно и отчаянно с Земли отшельница таёжная бросает:

— Эй, предсказатели веков, тьму человеку предрекавшие, тем самым сотворившие и тьму, и ад. О, как старательно эгрегор свой подпитывали вы, пугая человека от имени Отца. Давайте, вот я. Все сюда. Сожгу Лучом в одно мгновение тьмы постулатов вековых. Вся злоба на Земле, оставь дела свои, ко мне рванись, сразись со мной, попробуй.

Но вы, воители всех вер, ведь это вы все войны создавали. Теперь о войнах не мечтайте. За интересы меркантильные свои обманом мракобесия людей в войну не вовлекайте. Я одна пред вами. Победите. Чтоб победить, все на меня идите. Сражение будет без сражения, помогут в том служители всех вер.

Прамамочки мои, мои отцы, Свет Истинный первоистоков вселите в них. Отдайте всё, что для меня так бережно хранили. Раздайте всем, кто может Свет принять.

Пусть зло само с собой сражается и с моей плотью, не с Душой. Я Душу людям всю отдам свою. Я в людях выстою Душой своею. Готовься, злобное, уйди с Земли, набросься на меня!

Я человек! Я че-ло-ве-кпер-во-ис-то-ков. Анастасия я. И я тебя сильнее.

— Оставь, зачем сама нечистых всех зовешь? — включился я, считая, будто продолжается какая-то игра.

— Владимир, ты не бойся их, они трусливы. К тому же сам сказал, что я хитра. Хитра? И пусть хитра. Я их перехитрила. Они смеялись над тобой, считали вымыслом меня, а я тем временем творила и силу, что с первоистоков пронесли прамамочки мои, мои отцы, я многим людям раздала! — Она ногой притопнула, и засмеялась звонко, и закружилась снова, словно балерина. И я, игрой увлечшись, стал поддерживать её морально.

— Тогда давай, Анастасия, жги! Пусть зло Земли всё бросится к тебе, а ты его сожги! Ты только осторожнее при этом, не погибни.

— Им для моей гибели, Владимир, земных оставить много дел придётся. Душ множество людских освобождая от оков своих.

Но если и погибну, всё равно вершится то, уже о чём я помечтала. Вселенской арфы струны мелодией счастливою звучат, людские Души слышат их. Они их понимают!

Звучи, Вселенная! Счастливою мелодией звучи! Для них, для всех людей Земли. Пусть все мелодию Души познают!

Людские Души лучики свои Земле, уставшей от невзгод, смотри, Владимир, направляют.

С этими словами Анастасия подбежала к целлофановому мешку с письмами читателей, опустилась на колени и положила руки на пакет. И, восхищенно радуясь, словно ребёнок, говорила:

— Когда у пожилого человека, солдата, побывавшего в бою, твою читая книжку, вдруг возникли слезы. Когда у мамы молодой иное отношение к рождённому ребёнку появилось. И девочка, ей лет ещё двенадцать, всё поняла и станет жизнь любить. Когда, смотри, вот парень молодой наркотики, сказал, не будет больше брать и к матери своей поехал.

Когда из тюрем люди письма шлют, ты видишь, чувствуешь, как Души их поют, иную силу обретают...

То знаки те, что я нашла, и сочетания вселенских звуков их Души понимают, теперь и в них они звучат, они их принимают... Пока не все, но будет много их! И небеса об этом знают, и каждого с любовью ждут.

Смотри, смотри, как люди понимание своё стихами излагают.

Она так искренне радовалась и всё о письмах говорила, что засмотрелся я на эту сцену и подумал: “Что ж, пусть радуется, пусть в свою игру играет и верит в претворение мечты. Я напишу всем, что она играет. Сама придумывает всё и радостно самой от выдумок”. Хотел я успокоиться, и вдруг в сознании снова все смешалось. Считал всё выдумкой, фантазией её, но тут, представьте, было от чего “поехать крыше”. Представьте, она о письмах говорила всё то, что было в них написано на самом деле... И даже в письмах тех, которые в тайгу я не привёз. Но как? Она ведь не читала их.

Остолбенело я смотрел и слушал, как она стихи произносила, что в конвертах были, чему-то радовалась вдруг или озабоченно молчала, как будто письма все в одно мгновение прочитала.

О письмах абсолютно точно говорила всё она. Всё точно... Точно! Стоп! Так значит, и до этого она всё точно излагала, не играла... Мечтала? Конечно же мечтала! Но и о книжке, о стихах, что сейчас пред нею, она ведь тоже раньше помечтала. И надо же, сбылись её мечты! Сбылись!

Вот книжка перед ней лежит, она материальна. Фантастика! Нет, это нереально! Читатель, неужьель и ты в своих руках сейчас вот держишь материализовавшуюся в книжку частичку отчаянной отшельницы мечты! И что теперь? Неужто всё другое может воплотиться?

Когда от оцепенения отошёл, её спросил:

— Анастасия, как же ты узнала, что люди в письмах пишут? Как будто все их прочитала. И даже те, которые я не привез?

Анастасия повернулась, вся радостно сияя:

— Так это просто всё, смотри, как можно слышать речь Души...

И вдруг Анастасия замолчала. В молчании подошла ко мне спокойно и задумчиво сказала:

— Ответить на вопросы все несложно, но ведь ответ проблемы не снимает, ответ один другой вопрос рождает. Так и сегодня яблоко Адама человечество грызёт, не зная, что им насытиться нельзя. Меж тем ответ в себе любой услышать может сам.

— А как узнает каждый сам, где правильный, а где не очень правильный ответ приходит?

— От Истины лишь самость людей всегда уводит. Владимир, выслушать меня попробуй.

Мы сели на траву рядом с пакетом писем. Я видел, как глаза её блеснули, румянец вспыхнул на щеках, когда сказала:

— Я расскажу тебе о сотворении, Владимир, и тогда сам, каждый на свои вопросы ответы сможет дать. Пожалуйста, Владимир, ты послушай и напиши о сотворении Создателя великом. Послушай и Душой принять попробуй...

И начался рассказ Анастасии вдохновенный о сотворении... Но длинный он. И здесь не смог вместиться. Но лишь одно скажу: после него мне захотелось помолиться.

С уважением к вам, читатели, и до встречи в следующей книге

Владимир Мегре.